

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2023, том 6, № 3

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

2023, volume 6, No. 3

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал основан в июне 2018 года

2023, том 6, № 3

Международный научный журнал

«Казанский лингвистический журнал» – международное научное рецензируемое издание открытого доступа, придерживающееся следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Публикуемые в журнале материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименования и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора по следующим группам научных специальностей:

5.8. Педагогика*

- 1) 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 2) 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
- 3) 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

5.9. Филология*

- 1) 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации
- 2) 5.9.2. Литературы народов мира
- 3) 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский, китайский языки)
- 4) 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Информация об издании

Казанский лингвистический журнал выходит с 2018 года с периодичностью 4 номера в год на *русском, татарском, английском, немецком, французском, турецком, китайском, испанском, итальянском* языках. Журнал приглашает к публикации авторов исследовательских и обзорных статей по проблемам русской и зарубежной лингвистики, литературоведения и педагогики. Формат журнала и принцип открытого доступа позволяют обеспечить широкий охват читательской и авторской аудитории.

Цель журнала заключается в ознакомлении российского и международного научного сообщества с результатами деятельности научных школ и самостоятельных исследователей в области языкоznания, литературоведения, теории и методики обучения, воспитания, профессионального образования.

Задачи журнала:

- публикация научных, обзорных и информационных статей, отражающих актуальные вопросы в заявленных областях;
- информирование об основных результатах научных работ, выполняемых в рамках приоритетных направлений исследований;
- публикация статей, посвященных разработке и реализации новых перспективных проектов;
- информирование об исследованиях молодых ученых и результатах их научной работы.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 72979, дата регистрации: 06.06.2018.

Форма распространения: печатное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации, номер ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Учредители: Сакаева Лилия Радиковна, Тахтарова Светлана Салаватовна, Хабибуллина Эльмира Камилевна.

Издатель: Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия»

ИНН 1655080432: ОГРН 1041621009660

Адрес: 420111, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 10/15

Редакция: 420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117

Сайт: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Индекс 64986

Телефон: +7 (843) 221-34-79

ГК «Урал-Пресс»

E-mail:kaz-linguo-journal@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Редакционная коллегия

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аврутинина Аполлинария Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Беленцов Сергей Иванович – доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по учебно-методической работе, Курский государственный университет, г. Курск, Россия

Бокова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Гревцева Гульсина Якуповна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия

Громова Нелли Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой африканистики ИСАА при МГУ, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, профессор, вице-президент, ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Закирзянов Альфат Магсумзянович – доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом литературоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Ионова Светлана Валентиновна – доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, профессор кафедры общего и русского языкознания, г. Москва, Россия

Калимуллина Ольга Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, Казанская государственная консерватория им. Н.Г. Жиганова, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Корнеева Лариса Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Миннүллин Ким Мугаллимович – доктор филологических наук, профессор, директор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Митягина Вера Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Морозкина Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Мурясов Рахим Закиевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой и французской филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Несмелова Ольга Олеговна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Пенская Елена Наумовна – доктор филологических наук, профессор, руководитель Школы филологических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Ратнер Фаина Лазаревна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Рябцева Надежда Константиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором прикладного языкознания, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Россия

Сабирова Диана Рустамовна – доктор педагогических наук, доцент, декан Высшей школы иностранных языков и перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сакаева Лилия Радиковна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сдобников Вадим Витальевич – доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Сторожук Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Шамина Вера Борисовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Яроцкая Людмила Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Яхин Фарит Закиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом текстологии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

The journal was founded in June 2018

2023, volume 6, No. 3

International scientific journal

“Kazan linguistic journal” is an international peer-reviewed open access journal that adheres to the following principle: free open access to research results increases the global exchange of knowledge.

The papers published in this journal have passed expert selection and peer review procedures. The scientific content of publications, the titles and content of sections correspond to the requirements for peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission under Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The most significant scientific works corresponding to the subject and containing materials of the author's own scientific research in the following groups of scientific specialties are accepted for publication in the journal:

5.8. Pedagogy*

- 1) 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 2) 5.8.2. Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)
- 3) 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

5.9. Philology*

- 1) 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation
- 2) 5.9.2. Literature of the peoples of the world
- 3) 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (English, Chinese)
- 4) 5.9.8 Theoretical, applied and comparative linguistics

Information about the journal

Kazan linguistic journal has been published since 2018 with a frequency of 4 issues per year. The works can be submitted in 9 languages: Russian, Tatar, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Turkish. The journal invites doctors and candidates of sciences, university professors, doctoral students, graduate students, undergraduates, as well as everyone who is interested in the issues under consideration to take part in the discussion on the proposed heading and publish for free. The format of the journal and the principle of open access allows providing the widest coverage of the readers and authors' audience.

The editorial board of “Kazan linguistic journal” sees the main goal of its activity as promotion and dissemination of information about the most significant research achievements and innovative solutions in the field of philology and linguistics, as well as facilitating the exchange of professional experience in the Russian and international community.

Achieving this goal is carried out by solving the following tasks:

- creation of an open discussion platform to support the exchange of views and dissemination of information in the scientific community;
- constant expansion of the range of authors in geographical (overcoming the localization of the publication process) and research plan (increasing the range of issues under consideration);
- promotion of interdisciplinary relationships and an integrated approach to the phenomena under study;
- ensuring compliance of the journal with international requirements for scientific periodicals, as well as careful and objective selection of manuscripts for publication.

The number of the certificate media: ПИ № FS 77 – 72979, registration date: 06.06. 2018

The shape of the distribution: print media (magazine)

Territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Registered in the Russian Federation ISSN National Agency, ISSN registration number: ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Founders: Sakaeva Liliya Radikovna, Takhtarova Svetlana Salavatovna, Khabibullina Elmira Kamilevna.

Publisher: Autonomous non-profit organization "Institute of cultural heritage": INN 1655080432: OGRN 1041621009660

Address: 10/15, Kremlin str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420111

Editorial office: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008

Website: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Index 64986

Phone: +7 (843) 221-34-79

“Ural-Press”

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Published 4 times a year

Head editor

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of theory and practice of translation, Kazan (Volga region) Federal University, (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Editorial Board

Adelgeym Irina Evgenevna – Doctor of Philology, Professor, Lead Reasecher, Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Avrutina Apollinaria Sergeevna – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Belentsov Sergey Ivanovich – Doctor of Pedagogics, Professor, Deputy director for education, Kursk State University (Kursk, Russia)

Bokova Tatyana Nikolaevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of English studies and crosscultural communication, Moscow City University (Moscow, Russia)

Bushkanets Liya Efimovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of foreign languages in international relations, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Grevtseva Gulsina Yakupovna – Doctor of Pedagogics, Professor of the department of pedagogy and psychology, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russia)

Gromova Nelli Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of African studies of Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Zagidullina Daniya Fatikhovna – Doctor of Philology, Professor, Vice President, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Zakiryanov Alfat Magsumyanovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Ionova Svetlana Valentinovna – Doctor of Philology, Professor, State Institute of the Russian Language. A.S. Pushkina, Professor of the Department of General and Russian Linguistics (Moscow, Russia)

Kalimullina Olga Anatolevna – Doctor of Pedagogics, Professor, N.G. Zhiganov Kazan State Conservatory (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Korneeva Larisa Ivanovna – Doctor of Pedagogics, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Krylov Viacheslav Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Minnulin Kim Mugallimovich – Doctor of Philology, Professor, Director, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Mityagina Vera Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University (Volgograd, Russia)

Morozkina Evgenia Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of linguodidactics and translation studies, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Muryasov Rakhim Zakievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of German and French philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Nesmelova Olga Olegovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Penskaya Elena Naumovna – Doctor of Philology, Professor, Academic Supervisor of Faculty of Humanities, Higher School of Economics National Research University (Moscow, Russia)

Ratner Faina Lazarevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of Theory and Practice of Translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Riabitseva Nadezhda Konstantinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the sector of Applied linguistics, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sabirova Diana Rustamovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Dean of the Higher school of foreign languages and translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sakaeva Liliya Radikovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of foreign languages, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sdobnikov Vadim Vitalievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of the English language and translation theory and practice, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod, Russia)

Storozhuk Aleksandr Georgievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Head of the department of theory and practice of translation (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Fatkullina Fluza Gabdullinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and comparative philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Shamina Vera Borisovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yakhin Farit Zakizyanovich – Doctor of Philology, Professor, G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yarotskaya Ludmila Vladimirovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

• Филология. Литературы народов мира	
Афанасьев А.С., Лу Цзин. Образ советской России в творчестве Сюй Чжимо	301
Курмелев А.Ю. Философия и традиции театра абсурда в поздних пьесах Теннесси Уильямса	313
• Филология. Языки народов зарубежных стран	
Гумовская Г.Н., Полторакова Н.В. Кинодиалог как лингвистическая система кинотекста	324
• Филология. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика	
Ахмади Л., Новикова Э.Ю. Корпусный анализ лексических пучков в англоязычных аргументативных текстах русскоязычных студентов	334
Биньбинь Х. Широкое употребление терминов родства в китайском и английском языках: опыт сравнительного исследования	344
Быданцева А.Н. Лексические трансформации при переводе общественно-политических терминов (на материале интернет-издания <i>The Guardian</i>)	355
Манькова Л.И. Лингвокультурный подход к анализу особенностей перевода устойчивых выражений в романе З. Ливанели «Счастье»	366
Марченко Т.В. Принципы смыслопорождения и специфика взаимодействия форм прецедентности в полимодальных единицах	376
Падерина Т.С. Методы извлечения терминов в научных текстах (на материале статей по направлению науки о земле)	388
Ратманова А.А. Сравнительно-сопоставительный анализ спортивных агентивов женского рода в русском и английском языках	397
Сакаева Л.Р., Даулань М. К вопросу заимствований в русских косметических и медицинских рекламных текстах	409
Светайлов Б.В. Аргументативный потенциал хеджей: коммуникативные удачи и «стратегические стереотипы» в ходе презентации нового научного контента в разноязычных публикациях по экономике	421
Шувалов Д.Ю., Немет Т. Эникё. Принятие перспективы в аргументативном дискурсе	431

CONTENT

• Philological studies. Literature of the peoples of the world	
Afanasev A.S., Lu Zing. The Image of Soviet Russia in the Work of Xu Zhimo	301
Kurmelev A.Yu. Theater of Absurd Philosophy and Traditions in Later Plays of Tennessee Williams	313
• Philological studies. Languages of peoples of foreign countries	
Gumovskaya G.N., Poltorakova N.V. Film Dialogue as a Linguistic System of Film Text	324
• Philological studies. Theoretical, applied and comparative linguistics	
Ahmadi L., Novikova E. Lexical Bundles in English Argumentative Writing of Russian University Students: a Corpus-driven Study	334
Bingbing H. The Extensive Use of Chinese and English Kinship Terms: A Comparative Study	344
Bydantseva A.N. Lexical Transformations in the Translation of Socio-political Terms (based on the Material of The Guardian Online Edition)	355
Mankova L.I. Linguocultural Approach to the Analysis of the Peculiarities of the Translation of Stable Expressions in Z. Livaneli's Novel "Happiness"	366
Marchenko T.V. Principles of Sense Generation and the Peculiarities of Interaction of Precedence Forms in Polymodal Units	376
Paderina T.S. Methods for Terminology Extraction in Scientific Texts (Based on Articles of Earth Sciences)	388
Ratmanova A.A. Comparative Analysis of Feminine Sports Agents in Russian and English	397
Sakaeva L.R., Dawulan M. Borrowings in Russian Cosmetic and Medical Advertising Texts	409
Svetaylov B.V. Argumentative Potential of Hedges: Communication Success and "Strategic Stereotypes" During the Presentation of New Scientific Content in Articles on Economics Written in Different Languages	421
Shuvalov D.Iu., Enikő Németh T. Perspective-taking in Argumentative Discourse.	431

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА

PHILOLOGY. LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

Научная статья

УДК 882.09-1

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.6.3.301-312>

ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ СЮЙ ЧЖИМО

A. С. Афанасьев¹, Лу Цзин²

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия

¹a.s.afanasyev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0571-833X>

²723311545@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-3960-7304>

Аннотация. Данная статья посвящена восприятию образа Советской России в творческом сознании китайского поэта и эссеиста Сюй Чжимо (1897–1931). Материалом исследования стали его «Заметки из путешествия по Европе» (в первую очередь, эссе «Сибирь» и «Москва»), стихотворения «Сибирь» и «Тростниковая песня (вспоминая Сиху на сибирском пути)». В результате работы над материалом были сделаны следующие выводы. Образ Советской России в творчестве китайского поэта представлен многогранным и противоречивым. В выстраиваемой Сюй Чжимо традиционной для русской философской мысли концепции «Москва – Третий Рим» Россия должна быть страной-messией. Для создания подобного образа китайский поэт и эссеист использует описание пейзажей бескрайней Сибири и городских локусов (Москва, Иркутск) Особое место в «Заметках из путешествия по Европе» занимает изображение русских церквей. Однако, обнаруживая социальные, культурные и нравственные изменения, которые произошли в результате революции 1917 года (бедность людей, дефицит продуктов и вещей первой необходимости, высокие цены), Сюй Чжимо создал образ Советского государства, которое находится в пограничном социально-политическом состоянии. Будучи патриотом, китайский поэт обеспокоен тем, что если в Китае тоже начнется волна революционных событий, то все негативные последствия революции, которые Сюй Чжио видел в России, и коснутся и его родной страны.

Ключевые слова: Сюй Чжимо; Советская Россия; «Записки о путешествии по Европе»; эссе «Москва»; эссе «Сибирь»; пейзаж

Для цитирования: Афанасьев А.С., Лу Цзин. Образ советской России в творчестве Сюй Чжимо. Казанский лингвистический журнал. 2023;6(3): 301–312.
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.6.3.301-312>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.6.3.301-312>

THE IMAGE OF SOVIET RUSSIA IN THE WORK OF XU ZHIMO

A.S. Afanasev, Lu Zing

Kazan Federal (Volga region) University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

¹a.s.afanasyev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0571-833X>

²723311545@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-3960-7304>

Abstract. This article is devoted to the perception of the image of Soviet Russia in the creative consciousness of the Chinese poet and essayist Xu Zhimo (1897–1931). The material for the study is his “Notes from a Journey in Europe” (first of all, essays “Siberia” and “Moscow”), poems “Siberia” and “Reed Song (Remembering Sikhu on the Siberian Way)”. The following conclusions were drawn as a result of the work on the material. The image of Soviet Russia in the works of the

Chinese poet is presented multifaceted and contradictory. In building Xu Zhimo traditional for the Russian philosophical thought concept of “Moscow – the Third Rome” Russia must be a country-messiah. To create such an image, the Chinese poet and essayist uses descriptions of landscapes of boundless Siberia and urban locales (Moscow, Irkutsk) A special place in “Notes from a Journey to Europe” is taken by the depiction of Russian churches. However, discovering the social, cultural and moral changes that occurred as a result of the 1917 revolution (poverty of people, shortages of food and necessities, high prices), Xu Zhimo created an image of the Soviet state, which is in a borderline social and political state. As a patriot, the Chinese poet is concerned that if a wave of revolutionary events were to break out in China as well, all the negative consequences of the revolution that Xu Zhimo saw in Russia would also affect his home country.

Keywords: Xu Zhimo; Soviet Russia; “Notes on a trip to Europe”; essay “Moscow”; essay “Siberia”; landscape

For citation: Afanasev A.S., Lu Zing. The Image of Soviet Russia in the Work of Xu Zhimo. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(3): 301–312. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.6.3.301-312>

Сюй Чжимо (1897–1931) – один из важнейших представителей «новой китайской поэзии» и активный общественный деятель. Его без преувеличения можно назвать гражданином мира: учился в Университете Кларка (США) и Королевском колледже Кембриджского университета (Великобритания), получил степень магистра политических наук в Колумбийском университете (США). Россия тоже находилась в сфере его творческих и общественных интересов, поэтому целью нашего исследования стал анализ образа Советской России, который был создан в творчестве китайского поэта.

Сюй Чжимо был представителем поколения, встретившего новые волны трансформации традиционного Китая. В первую очередь, это, конечно, же «движение 4 мая», на возникновение которого оказала огромное влияние Октябрьская революция 1917 года. Поэтому начало появления опосредованного интереса Сюй Чжимо к послереволюционной России можно отнести к 1919 году – году активности «движения 4 мая».

Непосредственно Сюй Чжимо познакомился с Россией в марте 1925 года, когда отправился в Европу. На поезде он проехал через всю страну Советов, пребывал три дня в ее столице Москве. Творческим результатом данного путешествия стали «Записки о путешествии в Европу» (1925), куда вошли следующие эссе о Советской России: «Сибирь», «Москва», «Толстой», «Еврейский

кошмар», «Могила Чехова», «Кровь. Мысли по поводу посещения мавзолея Ленина». Кроме того, так восхитившей китайского поэта природе Сибири посвящены еще два стихотворения – «Сибирь» и «Тростниковая песня (вспоминая Сиху на сибирском пути)». Все эти тексты послужили для нас материалом исследования.

Следует отметить, что этой поездкой обращение Сюй Чжимо к советской тематике не ограничилось. В октябре 1925 года Сюй Чжимо стал главным редактором периодического газетного приложения «Чэнъбао фукань». И сразу же после этого назначения на страницах приложения разгорелась дискуссия о Советской России, значении революции в истории страны и возможности, и последствиях подобного сценария в Китае. Эту дискуссию подробно проанализировал в своей статье А.В. Ломанов, который сформулировал точку зрения Сюй Чжимо в этом споре следующим образом: «Сюй Чжимо хотел избежать повторения в Китае русской революции и не допустить сопутствующих жертв» [1, с. 348]. Возможно, такой взгляд на революцию 1917 года сформировался у поэта именно после увиденной им вживую советской действительности.

Перед непосредственным анализом образа России в творчестве в Сюй Чжимо необходимо сказать несколько слов о методологической базе статьи. Эту базу определили два основных литературоведческих вектора. Первую группу составили работы, в которых представлен структурно-семиотический подход к анализу литературных произведений, который позволяет рассмотреть художественный текст как единое целое [2], [3]. Вторым блоком выступили исследования, в которых акцент делается не на рассмотрении текста как единства, а его отдельных элементов, например, образной системы [4], [5].

Итак, образ России в «Заметках о путешествии в Европу» оказывается антитетичным, состоящим из двух противопоставленных друг другу полюсов: на одном краю – завораживающая русская (=сибирская) природа, на другом – неблагоустроенный советский (=московский) быт, а объединяющим началом этих

крайностей оказывается находящийся в неопределенности своего положения «русско-советский» человек.

Начав свое путешествие из Читы, Сюй Чжимо с первой же минуты своего пребывания на сибирской земле был покорен ее природой: «Ну и как прикажете мне описывать сибирский пейзаж? Кристальная, хрустально-надтреснутая атмосфера; протяжно синий небосвод – нам, привыкшим влакить свои дни в сером песке будничной рутины, все это было в новость. Местный лес – сплошной, плотный, густой, строгий и величественный. Он сам напоминает мне некую таинственную и темную религию. Деревья здесь – все как одно нацелены вверх, строго в сердцевину небосвода» [6]. Особенность сибирского пейзажа в этом эссе – его чистота, свежесть, прозрачность, воздушность. Будучи представителем «новой китайской поэзии», вобравшей в себя черты одновременно романтизма и символизма, Сюй Чжимо переносит это состояние и на общую атмосферу новой Советской России (забегая вперед, скажем, что такое восприятие Страны Советов после пребывания в Москве у него изменится).

Особенно декларативен переход двух состояний – холода и оттепели – в стихотворении «Сибирь», созданном в марте 1925 года. Описывая Москву в одноименном эссе, Сюй Чжимо говорит о переменчивости столичной погоды: днем все тает, на улицах слякоть, а ночью подмораживает. Проезжая по мартовской Сибири, поэт никак не мог видеть там наступление весны, но в своем стихотворении он рисует образ оттаивающей Сибири – образ, им придуманный (воображенный), а не увиденный.

Композиционно стихотворение четко делится на две части. В первой части Сибирь показана «пустыней ледянной». В этом забытом Богом крае нет живых людей – есть только «высыхающие души» и оставленные ими тела. «Сибирь, ты – страх, ты – ужас, ты – погибель» [6] – вот такими тремя мрачными существительными завершает первую строфиу стихотворения Сюй Чжимо. Эта строфа и по своему образному строю (пустыня, Бог), и по настроению бого-

оставленничества является антонимичной к известному стихотворению А.С. Пушкина «Пророк».

Вторая строфа являет собой яркий контраст к первой. Суровой и, казалось бы, бесконечной зиме противостоит здесь весна, причем весна дается в своем поступательном движении к лету: «отринут иней» – «рассеяны лучи <солнца – А.А., Лу Цзин>» – «шире расходятся стада» – «цветут равнины» – «стремятся к солнцу колосья» [6]. Мотив богооставленничества сменяется мотивом божественного присутствия, а появляющийся в предпоследней строке херувим, в прямом и переносном смысле рифмуясь с пушкинским серафимом из уже названного стихотворения, дарит свою улыбку ожившему краю. Символический слой этого стихотворения очевиден: Сюй Чжимо верит, что Советская Россия сможет пробудиться после сна, в который она впала после революции (а, может быть, и находилась в нем, когда революционные события совершились), и русский Бог обязательно вернется.

Еще одно стихотворение о Сибири – «Тростниковая песня (вспоминая Сиху на сибирском пути)» (1925, март). Рассмотрение данного стихотворения необходимо начать с анализа его заглавия. Сиху – это одно из знаменитых озер Китая, символ города Ханчжоу. В этом городе Сюй Чжимо обучался в школе. Но слово «сиху» означает и смычковый музыкальный инструмент с четырьмя струнами, в изготовлении которого использовался тростник. В свою очередь тростник является одним из основных образов китайской живописи и поэзии. Например, образная пара «хижина – тростник», встречающаяся в стихотворении Сюй Чжимо, обнаруживается у Ду Фу: «Он с тростниковой / Хижины моей / Сорвал / Четыре слоя камыша» [7, с. 200]. Русскому читателю – знатоку классической поэзии – тростниковая песня (или, иными словами, певучесть тростника) напоминает стихотворение Ф.И. Тютчева «Певучесть есть в морских волнах...», в котором помимо идеи музыкальности бытия появляется интересующее нас метафорическое обозначение человека – «мыслящий тростник». Таким образом, двухчастное название стихотворения одновременно аккумулирует и

предваряет основные мотивы, образы и настроения стихотворения: человек, тростник, родина/чужбина, музыка/песня, бесконечность бытия, легкая грусть.

Как и в предыдущем стихотворении, сибирская природа символистки-причудливо переплетается здесь с китайской действительностью: вокруг лирического героя находятся снежные поля, а он в свою очередь поднимает тростник, лежащий перед его хижиной, и поет в него о счастье людей, оставшихся на его родине. Далее лирической герой признается, что ему очень трудно петь на чужбине, ведь он испытывает тоску: «в новых нотах ушедшие скорбные дни / поплывут над замерзшей рекой» [6]. Преодолевший с помощью песни пространство лирический герой пытается преодолеть и время: он верит, что его песня пролетит «сквозь века», но неожиданно тростник ломается. Тем не менее лирический герой не отчаивается: он снова берет тростник, лежащий перед хижиной, и вдыхает в него слова. Возвращаясь к мотиву «сибирского» пути, вынесенного в заглавие, можно сделать вывод, что образ Сибири как реального географического топоса здесь максимально нивелируется, растворяется в образах и мотивах традиционной китайской поэзии, но при этом сибирское холодное дыхание чувствуется читателю и как бы оркеструет все стихотворение.

Конечно, нельзя пройти мимо описания китайским поэтом в своем эссе сибирского заката: «На закате снег рассыпается самыми трогательными и нежными цветами, особенно – в моменты, когда сумеречное солнце начинает медленно проваливаться за обод сибирского горизонта. Самый привычный оттенок здесь – серебристо-алый, но случается и лицезреть, как утная желтизна приносит мерцающую туманную зелень ореола» [6]. Безусловно, этот образ тоже символистский, поскольку именно представители этого литературного направления очень активно использовали его в своих художественных, публицистических и даже теоретических произведениях. Вспомним, например, знаменитую характеристику символизма, данную Андреем Белым: «Символическое течение современности еще отличается от символизма всякого искусства тем, что оно действует на границе двух эпох: его мертвят вечерняя заря анали-

тического периода, его животворит заря нового дня» [8, с. 259]. Закат у Сюй Чжимо, как и у русских символистов, знаменует переходное состояние – в данном случае от света к тьме, но не к тьме пугающей, наводящей страх, а к тьме загадочно-манящей.

Еще одним образом, конструирующим пространство Сибири (и всей Советской России), оказывается образ русского народа. Вообще, отличительной чертой всех эссе Сюй Чжимо является детальное портретное описание и незавуалированно высказываемое авторское отношение к человеку. Первым на страницах «Сибири» появляется образ «товарища» – советского революционера. Автор встретил его в вагоне-ресторане и, с одной стороны, за его выпавку и решительность, а, с другой стороны, за его вызывающе-хамское поведение, за скрытые злобу, ненависть и ярость прозвал попутчика «Наполеоном вагона-ресторана». У Сюй Чжимо он не вызывает симпатии и уважения – здесь, скорее, можно говорить о чувстве страха, но не страха за свою жизнь, а страха за то, что именно такие люди, не обремененные правилами общественного поведения и моральными принципами, творят советскую историю. И еще в подтексте обнаруживается опасение, что подобные «товарищи» придут к власти в его родной стране.

Однако автор с самой же первой остановки понимает, что основное население советской России – это не революционеры, а беднота и попрошайки. Да, Сюй Чжимо выделяет одну маленькую девочку, у которой друг автора купил бутылку молока за 50 копеек серебром, но в остальных случаях представлен собирательный, неразделенный образ сибирского народа – «сплошная черная масса» [6], в которой не разобрать отдельного человека. В тексте невозможность разглядеть человека в толпе детерминирована ранними сумерками, но символистский подтекст эпизода позволяет увидеть здесь деперсонализацию и обезличивание человека, причиной которых становятся тяжелые жизненные условия: «Народ Сибири... не стану обзывать его ограниченным или кому-то подчиненным – скорее всего, таков его первобытный путь. Его жребий – всю

жизнь носить эти черные шерстяные кофты, войлочные башмаки, перетаскивать тело в работе – что как ни голод принуждает его к такому существованию? Эх, да что тут, право, говорить...» [6]. В авторских интонациях обнаруживается искреннее сочувствие сибиряку; Сюй Чжимо переживает за судьбу народа, но понимает, что ни он сам, ни его друг ничем не могут помочь, и даже 50 копеек серебром не изменят жизнь десятилетней девочки.

Цикл московских эссе достраивает и корректирует образ сибирской России. Напомним, Сюй Чжимо пробыл в Москве три дня, и за это короткое время его отношение к столице советского государства изменилось от восторженномифологического к трагически-реалистическому.

Эссе «Москва» открывается панегириком городу. Прогуливаясь возле московского Кремля, Сюй Чжимо ощущает в столице неиссякаемую силу для преображения мира, видит в ней чуть ли не мессианскую роль в деле спасения человечества: «Москва – эмблема будущей цивилизации <...> Москва, поскорей созви своих мастеров разрушения, вложи им в одну руку факел, а в другую – смертоносный меч, поскорей доверши начатое, чтобы через тысячу лет свободные от рабства потомки неиссякаемым потоком устремились к тебе, подобно тому, как сейчас они едут в Рим» [9, с. 94]. Сравнение Москвы с Древним Римом здесь, конечно же, неслучайно – историософская концепция «Москва – Третий Рим» был известна китайскому поэту. Но в контексте последующих страниц эссе мы можем утверждать, что Сюй Чжимо не только актуализирует идею преемственности двух столиц, но и выражает опасение, что страна Советов во главе с Москвой может повторить печальную судьбу Римской Империи.

Неожиданно восприятие Москвы Сюй Чжимо резко меняется. Образованнейший человек своего времени, знаток русской классической литературы и культуры, китайский поэт обнаруживает, что «прежней России» больше нет: «исчезла прежняя Россия. Россия старого режима, самоуправства, излишеств, аристократии, декаданса; Россия дам в длиннополых платьях, повозок в позолоте, чиновников с табакерками, дворян с их охотой; Россия романов Толстого

и Достоевского – исчезла» [9, с. 95]. В эссе «Толстой» Сюй Чжимо также упоминает имена этих классиков русской литературы (к ним еще добавлен Тургенев). Известно, что в Москве китайскому поэту устроили встречу со старшей дочерью Л.Н. Толстого Т.Л. Сухотиной-Толстой. В разговоре с Сюй Чжимо дочь писателя также отмечает гибель старой культуры, и в качестве одного из показателей Татьяна Львовна называет исчезновение с книжных полок произведений Толстого, Тургенева и Достоевского [10, с. 136]. По выделяемым автором характеристикам имперской России («самоуправство», «излишества», богатство) можно сделать вывод о том, что Сюй Чжимо приветствует свержение монархической власти, однако на самом деле отношение автора к революционному процессу в России оказалось сложнее. Китайский поэт с сожалением отмечает исчезновение старой культуры и отсутствие культуры новой (что вполне понятно – молодой советской стране на момент приезда в нее Сюй Чжимо было всего три года), но это отсутствие для китайского автора, – «как ни странно, преимущество» [9, с. 95]. Это странное преимущество мы объясняем следующим образом: Сюй Чжимо боялся своими глазами увидеть то, что чуть позднее назовут «культурой пролетариата»; он не хотел видеть культуру, созданную «товарищами», «наполеонами вагонов-ресторанов». Вторит изменению авторского настроения и пейзаж: место величественного пейзажа мессианской Москвы занимает описание безжизненного, мертвого неба: Москва из Третьего Рима превращается в больничную палату, которую хочется побыстрее покинуть.

Сюй Чжимо в столице поразил контраст бедноты населения и высоких цен на товары. Путешественник отмечает, что советские женщины не могут себе позволить купить «шелковые чулки»; очень дорогими ему кажутся обувь, мандарины и завтрак в гостинице. Из-за всеобщей дороговизны даже просто опрятного человека встретить на улице крайне сложно: Сюй Чжимо описывает одного профессора, внешность которого напомнила китайскому поэту «не то заключенных, не то бесов» [9, с. 96]; квартиру другого ученого китайский поэт уподобил прямоугольной тыкве. Марширующую детвору (видимо, Сюй Чжимо

имеет в виду пионерский отряд) Сюй Чжимо сравнивает с попрошайками, которых буквально выгнали на улицу топтать мартовскую грязь и бить в барабаны. Китайский поэт придумал и свою классификацию советских женщин: «женщины или сестры тех, кто побогаче» [там же] и «коммунистки» [там же]. Как не трудно догадаться, критерием разделения женщин на два типа оказалась носимая ими одежда и сама манера одеваться.

Однако особенно удивили Сюй Чжимо в Москве мужчины, «которые прогуливаются с грудными младенцами прямо на улице» [там же]. Все дело в том, что если раньше за детьми присматривали горничные, няньки и служанки, то в 1925 году это стало большой роскошью, и на мужчин легло бремя времяпрепровождения с собственными детьми. Важно: именно в этот момент Сюй Чжимо открыто обращается к своим оппонентам, прогнозируя возможные последствия повторения октябрьских событий в Китае: «если однажды Московские веяния доберутся к нам, то вы уж непременно распрошаетесь со своими хоромами, и будете жить там, где укажет правительство: в Сихуатине или Дунхуатине. Тогда вам с вашими госпожами придется самостоятельно организовывать хозяйство: протирать столы, подметать, готовить, стирать… какая бы мелочь ни появилась – все придется делать самим» [там же]. Безусловно, в этом отрывке есть ирония по отношению к своим противникам, но здесь также существует и недоумение автора по поводу им увиденного.

В целом же, общая характеристика людей, встреченных Сюй Чжимо в Москве, оказалась мрачной, грустной, тяжелой. Но китайский поэт не захотел на грустной ноте заканчивать свое эссе. В finale – вновь панегирик городу, и на этот раз он посвящен московским церквям. Из всех шестисот церквей (такую цифру называет сам Сюй Чжимо) его больше всего покорил своим великолепием и величием Храм Василия Блаженного (в эссе «Могила Чехова» Сюй Чжимо восхищается видом Новодевичьего монастыря, контрастом к которому выступают разрушенные дворянские надгробия). Однако и здесь поэт вставляет одно предложение о том, что новой власти православная культура оказалась не нужна.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что образ Советской России в «Записках о путешествии в Европу» и в хронологически, и тематически прилегающих к нему двух стихотворениях Сюй Чжимо представлен сложным, неоднозначным и противоречивым. С одной стороны, Россия в контексте историософской концепции «Москва – Третий Рим» должна быть страной-мессией. Именно поэтому (а не только из-за их красоты) значительное место в записках китайского поэта занимает описание православных храмов. С другой стороны, видя последствия революционных событий (утрата прежней культуры, бедность населения, высокие цены, дефицит отдельных товаров) Сюй Чжимо создает образ государства, находящегося на перепутье, живущего в эпоху перемен. Как истинный патриот, китайский поэт опасается, что подобная судьба может ждать и его родную страну, если в ней будет повторен сценарий революционных событий.

Список литературы

1. Ломанов А.В. Роль Сюй Чжимо в китайской дискуссии о Советской России. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2018;(23):336–350.
2. Махинина Н.Г., Насрутдинова Л.Х. Смерть-уход в зеркале русской литературы XI–XXI веков. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;(1):36–46.
3. Сесорова А.Д. Синтез документального и художественного в поэме А.Полежаева «Узник» *Казанский лингвистический журнал*. 2021;(4):487–498.
4. Тугулова О.Д. Образ матери в женской поэзии Китая «нового периода». *Казанский лингвистический журнал*. 2023;(2):165–175.
5. Сафина Г.Ф., Идиатуллина Л.Т. Образы-символы «крылья», «птица» в татарской женской поэзии 1980–2010-х гг. (на примере лирики Л. Шагирзян). *Казанский лингвистический журнал*. 2022;(2):147–157.
6. Сюй Чжимо. *Сибирь*. URL: <https://magazeta.com/translate-xuzhimo> [дата обращения: 25.02.2023].
7. *Поэзия эпохи Тан (VII–X вв.)*. М.: Художественная литература; 1987.
8. Белый А. *Символизм как миропонимание*. М.: Республика; 1994.
9. Алексеев И.А., Смирнов С.В. Эссе Сюй Чжимо «Москва» из «Заметок о путешествии в Европу» (1925). *Уральское востоковедение*. 2021;(11):90–102.
10. 徐志摩 我知道我的康桥 合肥 安徽科学技术出版社 2018. 219页。 (Сюй Чжимо. Я знаю свой Кембридж. Хэфэй: Аньхойское научно-техническое издательство; 2018. 219 с.) (на кит. яз.).

References

1. Lomanov A.V. The Role of Xu Zhimo in the Chinese Discussion of Soviet Russia. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriiia i sovremennost'*. 2018;(23):336–350. (In Russ.)
2. Makhinina N.G., Nasrtdinova L.Kh. Death-Care in the Mirror of Russian Literature of the XI-XXI Centuries. *Kazanskii lingvisticheskii zhurnal*. 2023;(1):36–46. (In Russ.)
3. Sesorova A.D. Synthesis of documentary and fiction in A. Polezhaev's poem “The Prisoner”. *Kazanskii lingvisticheskii zhurnal*. 2021;(4):487–498. (In Russ.)

4. Tugulova O.D. The image of the mother in Chinese women's poetry of the “new period”. *Kazanskii lingvisticheskii zhurnal*. 2023;(2):165–175. (In Russ.)
5. Safina G.F., Idiatullina L.T. Images-symbols “wings”, “bird” in Tatar women's poetry of 1980-2010s (on the example of lyrics by L. Shagirzyan). *Kazanskii lingvisticheskii zhurnal*. 2022;(2):147–157. (In Russ.)
6. Siui Chzhimo. *Siberia*. URL: <https://magazeta.com/translate-xuzhimo> (accessed: 25.02.2023). (In Russ.)
7. *The poetry of the Tang dynasty (7th–10th centuries)*. Moscow: Khudozhestvennaya literature; 1987. (In Russ.)
8. Belyi A. *Symbolism as worldview*. Moscow: Respublika; 1994. (In Russ.)
9. Alekseev I.A., Smirnov S.V. Xu Zhimo's essay “Moscow” from “Notes on a Journey to Europe” (1925). *Ural'skoe vostokovedenie*. 2021;(11):90–102. (In Russ.)
10. 徐志摩 我知道我的康桥 合肥 安徽科学技术出版社 2018. 219页。 (Siui Chzhimo. *I know my Cambridge*. Khefei: An'khoiskoe nauchno-tehnicheskoe izdatel'stvo; 2018) (In Chin.)

Авторы публикации

Афанасьев Антон Сергеевич –
доктор филологических наук,
заведующий кафедрой
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: a.s.afanasyev@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0571-833X>

Лу Цзин –
соискатель
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: 723311545@qq.com
<https://orcid.org/0000-0003-3960-7304>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14.03.2023
Одобрена после рецензирования: 30.04.2023
Принята к публикации: 8.05.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Afanasev Anton Sergeevich –
Doctor of Philology,
Head of Department
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: a.s.afanasyev@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0571-833X>

Lu Zing –
Applicant
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: 723311545@qq.com
<https://orcid.org/0000-0003-3960-7304>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 14.03.2023
Approved after peer reviewing: 30.04.2023
Accepted for publication: 8.05.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА

PHILOLOGY. LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

Научная статья

УДК 82-2

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.313-323>

ФИЛОСОФИЯ И ТРАДИЦИИ ТЕАТРА АБСУРДА В ПОЗДНИХ ПЬЕСАХ ТЕННЕССИ УИЛЬЯМСА

A.Yu. Курмелев

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия
a.kurmelev.lunn@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1425-5760*

Аннотация. В статье автор предпринимает попытку анализа влияния театра абсурда, авангардного европейского направления в культуре и искусстве, на позднее творчество американского драматурга Тенесси Уильямса. На философском, идеологическом уровне он разделял мнение абсурдистов, опиравшихся на идеи экзистенциализма, о духовно кризисе, вселенском одиночестве человека, а главное – о смерти богов, богооставленности людей в современном ему мире. Приводится ряд пьес, в которых американский драматург затрагивает различные вопросы религии, доказывая, с одной стороны, ее несостоятельность, а с другой – острую потребность человека в вере. Под воздействием тенденций театра абсурда претерпевают изменения также и структурные элементы драматического произведения, а именно форма, сюжет, конфликт, средства создания персонажей, декорации, символы. Особое внимание автор уделяет изменениям, которым подвергается речевая составляющая поздних пьес американского писателя, в частности такому драматическому элементу как солилоквий и его функциям. В заключении автор приходит к выводу, что экспериментирование Тенесси Уильямса с новаторскими трендами нельзя рассматривать как исключительно копирование авангардных приемов, так как американский драматург сохраняет преданность своему творческому канону.

Ключевые слова: театр абсурда; экзистенциализм; духовный кризис; американская драматургия; Тенесси Уильямс; богооставленность; структурные элементы пьесы

Для цитирования: Курмелев А.Ю. Философия и традиции театра абсурда в поздних пьесах Тенесси Уильямса. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(3): 313–323. (In Eng.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.313-323>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.313-323>

THEATER OF THE ABSURD PHILOSOPHY AND TRADITIONS IN LATER PLAYS OF TENNESSEE WILLIAMS

A.Yu. Kurmelev

*Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
a.kurmelev.lunn@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1425-5760*

Abstract. The paper analyzes the influence of the Theater of the Absurd, an avant-garde European trend in culture and art, on the later plays of American playwright Tennessee Williams. On a philosophical and ideological level, he shared the opinion of the absurdists, who drew on the ideas of existentialism, about the spiritual crisis, the universal loneliness of people and, most importantly, about the death of the gods – godlessness – and abandonment of people in the modern world. A number of plays in which the American playwright addresses various issues of religion, proving, on the

one hand, its inconsistency, and on the other, the urgent human need for faith. Under the influence of the trends of the Theater of the Absurd, the structural elements of the dramatic work also undergo changes, namely form, plot, conflict, means of creating characters, scenery, symbols, etc. The author pays special attention to the changes that affect the characters' speech in Tennessee Williams's later plays, in particular to such a dramatic element as soliloquy and its functions. In conclusion, the author states that Tennessee Williams's experimentation with innovative trends can not be seen as exclusively copying avant-garde techniques, as the American playwright remains faithful to his creative canon.

Keywords: Theater of the Absurd; existentialism; spiritual crisis; American drama; Tennessee Williams; godliness; structural elements of a play

For citation: Kurmelev A.Yu. Theater of Absurd Philosophy and Traditions in Later Plays of Tennessee Williams. *Kazan Linguistic Journal.* 2023;6(3): 313–323. <https://doi.org/>

The term “Theater of the Absurd” was coined by the English critic, academic scholar and professor of drama, as well as a friend and kindred soul of the representatives of this trend, Martin Esslin, with whose encouragement the works of a whole pleiad of playwrights were unanimously called in the press “anti-plays” or plays of the absurd. The author of the fundamental study “Theater of the Absurd” (1961), which launched the theoretical study of this phenomenon [1], sees the origins of it in the whole complex of artistic trends, ranging from the ancient theater of pantomime to Artaud's theater of cruelty. However, the main contribution to the development of this trend, of course, was made by existentialism, which highlighted the absolute uniqueness of human existence, inexpressible by the means of a language, and laid the foundation for the further development of the Theater of the Absurd.

The major concern of existentialism is the problem of the spiritual crisis in which people find themselves and the choices they make to get out of this crisis. Signs of crisis can be fear, existential anxiety, odium, boredom. This philosophical trend emerged as a result of disillusionment and pessimistic mood towards scientific, technical as well as moral development of society, which resulted in world wars and the establishment of totalitarian regimes. The tragic experience of two world wars, which revealed the inconsistency and impermanence of social and human values, questioned all existing beliefs and especially acutely revealed the precariousness and meaninglessness of human existence.

It was Martin Esslin who established the connection between the post-war world reflected in the works of Sartre, Camus and other philosophers, and the Theater of the Absurd, but also proved that the sense of absurdity of human existence, feelings of alienation and meaninglessness became even more acute: “The war, having ended, settled somewhere in the inaccessible parts of the soul in the form of impenetrable hypochondria. Man became even greater in his loneliness” [2] (hereinafter translation by the author of the article – A. K.). The absurdists believed that people are in total discord with reality; that their life is absolutely aimless; that they are in a state of constant concern, anxiety, and danger, only with the difference that “the lines which were used rather acrimoniously by Camus and Sartre’s characters, now have become eloquently indifferent when uttered by Eugène Ionesco and Samuel Beckett’s characters” [2].

In addition, the emergence of the Theater of the Absurd was a kind of reaction to the disappearance of religion from modern life, to the “death of gods]. The absurdists made an attempt to return the significance of a myth and a ritual rite to the modern world, to enlighten and redpill modern people, to instill in them the lost sense of primal fear and suffering and the feeling of all-consuming awe by means of an existential shock that can kick a person out of their trivial and mechanized existence, which has lost touch with spirituality.

In the last twenty years of Tennessee Williams’s (1911-1983) work, his sense of human loneliness and alienation in the modern world, the transience and isolation of people became more acute. Freed from the shackles of convention, the writer rebelled against the existing system and the commercialization of the theater industry, claiming that he didn’t want “naked bodies in my plays. I want naked minds and naked hearts” [3, p. 137]. This feeling was aggravated by the fact that the playwright began to speak more often about the collapse of the traditional values system, about people’s loss of spirituality, about godforsakenness.

Throughout his life and artistic endeavor, Tennessee Williams’s attitude to faith issues was rather ambiguous and sometimes contradictory. Brought up in the

spirit of the Anglican Church teachings, the American writer at a difficult moment in his life was converted to Catholicism. In his “Memoirs” the playwright admits the following: “I have never doubted the existence of God nor have I ever neglected to kneel in prayer” [4, p. 44], but further mentions with a touch of irony that he “believed in angels more than... in God and the reason was that... had never known God – true or false –but that... had known several angles... human angels” [4, p. 57-58]. In a 1981 interview, Tennessee Williams stated that his works were “full of Christian symbols. Deeply, deeply Christian” [3, p. 334].

In terms of religion, Tennessee Williams’s major concern was the question of the relationship between the true faith and the dogmas imposed by the church. In Tennessee Williams’s plays and fiction many characters, representing the church, visible or invisible, are described by the playwright rather in cynically:

- the extremely refined, even missish pastor in “You Touched Me!”;
- abusive Father de Leo in “The Rose Tattoo”;
- appearance-concerned reverend Winemiller in “Summer and Smoke” and “The Eccentricities of a Nightingale”;
- venal reverend Tooker in “Cat on a Hot Tin Roof”;
- the lustful Lutheran minister in “Kirche, Küche, Kinder”;
- a sexually obsessed just-out-of- the seminary young Lutheran minister in the short story “One Arm”;
- corrupt spiritual rivals in the novella “The Knightly Quest” Father Atchison, rector of St. Mary’s Cathedral, and Reverend Dr. Peters, a Methodist Episcopal Church priest, whose reconciliation was facilitated by “checks for five thousand dollars each” [5, p. 442];
- as well as Mrs. Venable’s unfavorable comments in “Suddenly Last Summer” about clergymen, biblical texts and religious dogmas.

Rejecting the imposed by religion dogmas, the playwright promotes the idea of acquiring faith and spirituality through close personal contact with the Divine Princi-

ple, which is possible, according to the writer, via interpersonal relationships between people and the return to traditional values and moral attitudes.

In the early 1960s, having experienced a personal tragedy, Tennessee Williams felt particularly acutely the loneliness and transience of people in the modern world, and that triggered an even stronger need for faith as a way to reconcile people with the unjust reality. The evidence of that can be found not only in the later works, where characters are in search of the meaning they have not found before and redemptive divinity, but also in numerous interviews with the American playwright:

“Frost: Do you think there is something?

Williams: Yes, I do, strangely enough.

Frost: Do you call him God?

Williams: What other word is there? Godot, I suppose.

Frost: Not that a human being can define god if he is God, but what do you understand by God?

Williams: Whoever is responsible for the universe. Including us, you know... Where does our responsibility begin? ... With ourselves. We have to take that responsibility, it's a terrible one, but we have to assume it... We have to see that we are behaving in some sort of a decent fashion toward our fellow creatures, animal and human...» [3, p. 140-141].

It is obvious that Tennessee Williams uses a play on words, replacing the English word “God” with the similar-sounding French word “Godot”, which is used in the title of Samuel Beckett’s acclaimed play “Waiting for Godot” and which, according to many researchers, denotes the author’s concept of God. Thus, the American playwright pays tribute and admiration to the representatives of the Theater of the Absurd, whose perception of God Tennessee Williams shared in his last twenty years.

It is worth mentioning that Edward Albee, so revered by Tennessee Williams, in the article “Which Theatre is the Absurd One?” declared similar perception of the Divine by his compatriot and the absurdists. It is significant that Albee, when drawing such a parallel, relies on Tennessee Williams’s own opinion: “The notion that

God is dead, indifferent or insane – a notion blasphemous, premature, or academic depending on your persuasion – while surely a tenet of some of playwrights under discussion, is, it seems to me, of a piece with Mr. Tennessee Williams's description of the Deity, in *The Night of the Iguana*, as ‘a senile delinquent’” [6, p. 9].

The “senile delinquent” notion belongs to the play’s protagonist, the locked-out-of-the-church reverend T. Lawrence Shannon. Having experienced the injustice and cruelty of people, the character openly challenges the official institution of faith from the church pulpit, accusing his fellow citizens of a perverted perception of God and religion, and also curses God, that “angry, petulant old man... blaming the world and brutally punishing all he created for his own faults in construction” [7, p. 369]. But, having denied the philistine idea of God and the supreme moral law, Shannon, balancing between bravado and despair, living a double life – real and imaginary, did not abandon faith, opposing the crowds’ God to his own: “I want to go back to the Church and preach the gospel of God as Lightning and Thunder... (*He points out suddenly toward the sea.*) That’s him! There he is now! (*He is pointing out at a blaze, a majestic apocalypse of gold light, shafting the sky as the sun drops into the Pacific.*) His obvious majesty – and *here I am* on this... dilapidated veranda of a cheap hotel, out of season, in a country caught and destroyed in its flesh and corrupted in its spirit by its gold-hungry Conquistadors that bore the flag of the Inquisition along with the Cross of Christ” [7, p. 370]. His tormented state of mind, his hopelessness, his view of human relations as eternal and insurmountable alienation reveal the playwright’s own inclination to the aesthetic views of the European Theater of the Absurd representatives.

A number of later works include religious themes. Thus, “The Night of the Iguana” explores “the oldest [problem] in the world – the need to believe in something or someone – almost anyone – almost anything... something” [7, p. 408]; the play “The Mutilated” uses the image of the Holy Mother who brings peace and salvation to the characters; the plays “The Milk Train Doesn’t Stop Here Anymore” and “Kingdom of Earth (The Seven Descents of Myrtle)” reflect upon the complicated

conditions people find themselves in in the world, on the loss and rediscovery of faith. But the most intense in terms of religious themes is the play “Small Craft Warnings”, in which the playwright tried to show the complexity of the human relationship with God. The work has a powerful allegorical charge, turning it into a parable about love, loneliness, redemption and salvation (for more details, see 8).

In the last twenty years of his life, Tennessee Williams experiences changes not only in his philosophical and aesthetic views, the tone and emotional atmosphere of his works, but the structural elements of his plays are subjected to reconsideration. One of the most important features, that resemble the Theater of the Absurd aesthetics, is their form. Most of the American playwright’s plays, who abandoned realistic methods and techniques, acquire a more abstract character; it is difficult to say where the play begins and where it ends, and sometimes it seems that the action in the plays is absent at all. Plenty of Tennessee Williams’s later plays are characterized by experimental “one-actness” typical of the Theater of the Absurd. Full-length, multi-act plays might be described as a set of intersecting episodes united in an integrated whole.

Later play’s characters are more the embodiment of some abstract ideas than real people, they acquire a more symbolic nature. The characters of some plays are designated by numbers or simply by indicating their gender (for example, the plays “The Frosted Glass Coffin”, “I Can’t Imagine Tomorrow”); sometimes the names of characters are very similar in sound and spelling and differ only by one letter (for example, the Kanes and the Lanes from the play “The Demolition Downtown”, Polly and Molly from “The Gnadiges Fraulein”). This fact allows us to claim the closeness in the perception of a human being in this world by Tennessee Williams and the absurdists: people have lost their individuality, they are only tiny sand grains in the universe, one of thousands of its kind.

The abstract nature of Tennessee Williams’s later plays is manifested in the scenery offered by the playwright. In most of those works there is no detailed description of how the stage should be decorated. If the playwright emphasizes any de-

tail of the stage design, it indicates only the great importance of this element for the development of the action and understanding of the play, its specific symbolism.

Tennessee Williams has always emphasized the symbolic aspect of his plays. However, in the last twenty years there has been a significant evolution in the author's use of symbols. Symbols in the early works harmoniously fit into the action and stage design and do not overpower the action. The symbolism of the later plays acquires a grotesque character, which allows to speak about the Theater of the Absurd aesthetics, namely, its focus on spectacularity. Thus, the principles of Tennessee Williams's "plastic theater" in this period are maximized, brought to the limit. The details of artistic design, though few in number, now come to the forefront, dominate the stage. Like representatives of the Theater of the Absurd, Tennessee Williams uses amplified details, facial expressions and gestures, which often also have a deep symbolic meaning.

Under the influence of the Theater of the Absurd traditions, some later plays also lose the main component of traditional drama – dramatic conflict, but this "conflictlessness" is only superficial. The plays represent a versatile consideration of a problem or reasoning on a given theme in the form of a dramatic dialog.

The influence of avant-garde European tendencies on the later plays of Tennessee Williams, undoubtedly, reflected in the writing technique, which in most cases resembles the structure that the representatives of the European Theater of the Absurd are notable for. The American playwright resorts to the frequent use of illogical and incomplete statements, pauses, the characters' picking up the lines of other actors, etc. Like Beckett, he places emphasis not on what is said, but on how it is said.

Despite the shift in emphasis, in his later plays Tennessee Williams still tries to get as close to the truth as possible, but not by imitating real human communication, but by recreating and exploring the psychological processes occurring in the souls and minds of his characters. He begins to realize that "poetry doesn't have to be words. In the theater it can be situations, it can be silences" [3, p. 99].

Later plays' characters suffer more and more from the fear of isolation, confinement, madness, loneliness. They flee not only from cruelty and violence of the surrounding reality, but also from communication, which becomes an obstacle in interpersonal relationships. Language becomes a real torment for them, they are sentenced to solitary confinement, and the salvation is either silence or death. Owing to new linguistic devices incorporated in his later plays Tennessee Williams tries to recreate the psychological state of the character, trapped in the deadlock of his own self, rather than the life situation caused by social factors, emphasizing that there is no place to escape from or to escape to.

Soliloquies – a soul-searching talk with yourself – is one of the most vivid examples how functionality of traditional linguistic devices and the linguistic structure of a play are altered. Patrice Pavis, the French theater theorist, defines soliloquy as “a character's discourse addressed to himself”, as the characters' inner speech, “thinking aloud”. “Even more than a monologue, soliloquy gives the character the opportunity to reflect on his mental and moral situation... The form of soliloquy allows to reveal to the audience the soul or unconsciousness of the character, which makes soliloquy epically significant, endows it with lyrical pathos and the ability to turn into an independent fragment...” [9, p. 353]. Pavis distinguishes two main functions of a soliloquy in dramaturgy. Firstly, this technique is used when the actor is either facing a moral or psychological choice, or is in search of his or her own self. Secondly, a soliloquy has the function of objectifying thoughts that without its help would remain unspoken.

Tennessee Williams's later plays' characters are even more lonely and isolated in the modern world. To emphasize that he resorts to the use of soliloquies which allow to aggravate that condition. In terms of structure, there is nothing in such internal monologs that can't be presented in a dialogic form. They do not contain anything that might reveal the dark sides of the human soul, something that people try their best to conceal. While a soliloquy implies a division into the outer and inner world, in Tennessee Williams's later plays such a distinction is absent. Nevertheless, harmoni-

ously fitting into a play's structure, they turn into a kind of lyrical digressions and reflections on a given theme. Thus, each of the characters, whose role includes a soliloquy, becomes a carrier or an embodiment of a certain idea, which is alien or just matterless to others. This particular function of a soliloquy in Tennessee Williams's later plays is dominant, and can be regarded as a distinctive feature of the works created in this period (for more details, see 8).

Summing up, it is relevant to emphasize the fact that Tennessee Williams's adoption of some Theater of the Absurd artistic elements is not a mere copying of them, rather “an enlightenment on how to say what you have to say in short forms” [3, p. 99] and a strive to perfect the new methods brought to the theater by the modernists. In addition, a deeper and closer analysis of the later plays of Tennessee Williams allows to reveal that the overlap with the Theater of the Absurd is only formal, and the ideas that the American playwright seeks to express through new theatrical techniques are different from the ideas of the anti-theater representatives, because their goals and objectives are fundamentally opposite.

Список литературы

1. Esslin M. *The Theater of the Absurd*. New York: Anchor Books; 1969. 424 p.
2. Ситрайн М. *Абсурдный, бедный, вечный*. URL: <https://ps.1sept.ru/article.php?ID=200101517> (дата обращения: 07.06.2023).
3. Devlin A. *Conversations with Tennessee Williams*. Jackson: UP of Mississippi; 2000. 369 p.
4. Уильямс Т. *Мемуары*. М.: Подкова; 2001. 360 с.
5. Уильямс Т. *Лицо сестры в сиянии стекла*. М.: Б.С.Г.-ПРЕСС; 2001. 576 с.
6. Albee E. *Stretching My Mind: The Collected Essays of Edward Albee*. N.Y.: Carroll & Graf Publishers; 2006. 294 p.
7. Williams T. *Tennessee Williams: Plays 1957-1980*. The Library of America; 2000. 975 p.
8. Курмелев А.Ю. Духовные искания персонажей пьесы Т. Уильямса «Предупреждение малым кораблям». *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова*. 2016(34):102–110.
9. Пави П. *Словарь театра*. М.: Изд-во «ГИТИС»; 2003. 504 с.

References

1. Esslin M. *The Theater of the Absurd*. New York: Anchor Books; 1969. (In Eng.)
2. Sitrayan M. *Absurd, Poor, Eternal*. Available from: <https://ps.1sept.ru/article.php?ID=200101517> [accessed: 07.06.2023]. (In Russ.)
3. Devlin A. *Conversations with Tennessee Williams*. Jackson: UP of Mississippi; 2000. (In Eng.)
4. Williams T. *Memoirs*. Moscow: Podkova; 2001. (In Russ.)
5. Williams T. *Portrait of a Girl in Glass*. Moscow: B.S.G.-PRESS; 2001. (In Russ.)

PHILOLOGY. LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

Kurmelev A.Yu. Theater of Absurd Philosophy and Traditions in Later Plays of Tennessee Williams
Kazan Linguistic Journal. 2023;6(3): 313–323

6. Albee E. *Stretching My Mind: The Collected Essays of Edward Albee*. N.Y.: Carroll & Graf Publishers; 2006. (In Eng.)
7. Williams T. *Tennessee Williams: Plays 1957-1980*. The Library of America; 2000. (In Eng.)
8. Kurmelev A. The Spiritual Quest in Tennessee Williams's "Small Craft Warnings". *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*. 2016;(34):102–110. (In Russ.)
9. Pavis P. *Dictionary of the Theatre*. Moscow: Izdatelstvo "GITIS"; 2003. (In Russ.)

Автор публикации

Курмелев Антон Юрьевич –
кандидат филологических наук, декан
Высшая школа лингвистики, педагогики и
психологии
Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова
Нижний Новгород, Россия
Email: a.kurmelev.lunn@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1425-5760>

Author of the publication

Kurmelev Anton Yuryevich –
Ph.D. in Philology, Dean
Higher School of Linguistics, Pedagogy and
Psychology
Linguistics University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia
Email: a.kurmelev.lunn@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1425-5760>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 29.06.2023
Одобрена после рецензирования: 2.08.2023
Принята к публикации: 10.08.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.

Article info

Submitted: 29.06.2023
Approved after peer reviewing: 2.08.2023
Accepted for publication: 10.08.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» бла-
годарит анонимного рецензента (рецензен-
тov) за их вклад в рецензирование этой ра-
боты.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous review-
er(s) for their contribution to the peer review of this
work.

ФИЛОЛОГИЯ. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

PHILOLOGY. LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

Научная статья

УДК 811.111

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.324-333>

КИНОДИАЛОГ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КИНОТЕКСТА

Г.Н. Гумовская¹, Н.В. Полторакова²

¹Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

²Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна, Россия

¹gumovskaya@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5823-792X>

²natalyapoltorakova2019@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3235-320X>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению компонентов кинотекста. Согласно современным исследованиям, кинотекст включает в себя две семиотические системы, а именно лингвистическую и нелингвистическую. Лингвистическую систему отождествляют с понятием «кинодиалог», которое представляет собой вербальный компонент кинотекста. В статье структура кинодиалога рассматривается с позиции диегезиса, таким образом выделяются устно-вербальные и письменно-вербальные компоненты, которые, в свою очередь, подразделяются на диегетические, принадлежащие миру, сконструированному внутри экранного произведения, и недиегетические элементы, то есть те, которые являются внешними, привнесёнными. На примере англоязычного американского кинофильма *Locked Down* авторы анализируют структуру кинодиалога и характеристики его различных элементов. Так, диегетические устно-вербальные элементы данного кинотекста представлены диалогической и монологической речью персонажей, чтением стихов и песни, исполняемой главным персонажем. Недиегетических элементов устно-вербального компонента в данном фильме не обнаружено. В кинотексте присутствуют письменно-вербальные диегетические компоненты, а именно рекламные вывески на магазинах и на машинах, названия брендов, записки на рабочем месте, субтитры по телевидению. Недиегетический компонент включает в себя лишь один элемент – финальные титры. Кинодиалог данного художественного кинофильма в основном представлен разговорным стилем, но по ходу развития сюжета встречаются элементы, придающие ему черты публицистического и официально-делового стилей.

Ключевые слова: кинотекст; кинодиалог; диегезис; устно-вербальные и письменно-вербальные компоненты; диегетические и недиегетические элементы

Для цитирования: Гумовская Г.Н., Полторакова Н.В. Кинодиалог как лингвистическая система кинотекста. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(3): 324–333. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.324-333>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.324-333>

FILM DIALOGUE AS A LINGUISTIC SYSTEM OF FILM TEXT

G.N. Gumovskaya¹, N.V. Poltorakova²

¹National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

²State University of Humanities and Social Studies, Kolomna, Russia

¹gumovskaya@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5823-792X>

²natalyapoltorakova2019@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3235-320X>

Abstract. The article is focused on the consideration of the components of the film text. According to modern research, the film text includes two semiotic systems, namely, linguistic and non-linguistic. The linguistic system is identified with the concept of the “film dialogue”, which is

also called a verbal component of the film text. The structure of the film dialogue in this article is analyzed from the point of diegesis, according to which in the film dialogue there are oral-verbal and written-verbal components. They in their turn are divided into diegetic, those which belong to the inner world of the screen work, and non-diegetic elements, which are external and brought about. On the example of the English-language American film *Locked Down*, the authors analyze the structure of the film dialogue and the combination of its various elements. The diegetic oral-verbal elements of this film text are represented by the dialogical and monologue speech of the characters, the reading of poetry and the song performed by the main character. The non-diegetic elements of the oral-verbal component include off-screen monologues and comments, songs, the text of which would be heard only by the viewer, but such elements were not found in this film. The film text contains written-verbal diegetic components, namely advertisements on shops and cars, brand names, notes at the workplace, subtitles on television. The non-diegetic component of this film dialogue is found in the end credits. The film dialogue of this feature film is mostly presented by a conversational style, but as the plot develops we come across the elements of journalistic and official styles.

Key words: film text; film dialogue; diegesis; oral-verbal and written-verbal components; diegetic and non-diegetic elements.

For citation: Gumovskaya G.N., Poltorakova N.V. Film Dialogue as a Linguistic System of Film Text. *Kazan Linguistic Journal.* 2023;6(3): 324–333. (In Russ.).
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.324-333>

Кино является одним из основных носителей и представителей культуры социума. Киноиндустрия как сфера «визуального», несомненно, является доминирующим способом восприятия и познания мира [1]. Оно хранит и передает огромное количество информации, отражает мировоззрение людей разных эпох и непосредственно влияет на формирование культурных и социальных ценностей. Преимущественным способом познания мира Изучением компонентов кинофильма с позиций лингвистики и семиотики активно начали заниматься в конце XX – начале XXI века. На стыке этих наук возникает понятие креолизованного текста, которое определяется как «особый лингвовизуальный феномен, текст, в котором вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее его комплексное pragматическое воздействие на адресата» [2, с. 71]. Кинотекст занимает ведущее место среди креолизованных текстов. Рассмотрим, какие подходы к изучению кинотекста существуют и выделим наиболее целесообразное и продуктивное для лингвистики определение.

Так, ученые Ю.Г. Цивьян и Ю.М. Лотман рассматривают кинотекст с по-

зиций семиотического подхода, согласно которому кинофильм имеет свой язык, который может быть описан с точки зрения синтаксиса. Они полагают, что кинотекст может рассматриваться одновременно как дискретный текст, составленный из знаков, и недискретный, в котором значение приписывается непосредственно тексту. Ю.М. Лотман выделяет такие компоненты кинотекста, как «кадр» и «кинофраза». Кадр – одно из основных понятий киноязыка, которому присущи различные определения: «минимальная единица монтажа», «основная единица композиции киноповествования», «единство внутрикадровых элементов», «единица кинозначения» [3, с. 14]. Кадр отождествляется со словом и по аналогии становится основным носителем значения. Помимо словесного текста в чистом виде и письма, в кинотекст Ю.М. Лотман включает иконические знаки – мимика, жесты, элементы театральной игры, говоря о том, что это – «лексика кино». Как указывает ученый, кино по своей сути – синтез двух повествовательных тенденций: изобразительной («движущаяся живопись») и словесной [Там же, с. 22].

Подобную точку зрения разделяет Е.Б. Иванова и утверждает, что «кинофильм – это текст, то есть связное семиотическое пространство. Фильм определяется как зафиксированная на пленке или другом материальном носителе последовательность кадров, представляющих собой фотографическое или рисованное изображение, обычно сопровождаемое звуковым рядом (речью, музойкой, шумами)» [4, с. 9]. Такой подход, при котором кинотекст рассматривается как последовательность кадров на кинопленке, наиболее правомерен с точки зрения искусствоведения.

Немного другой точки зрения придерживается ученый У. Эко. В одном из своих исследований, посвященном системе кодов и субкодов телевизионного сообщения, он указывает, что ТВ-сообщение основывается на трех основных кодах: портретный, лингвистический, звуковой. Данное утверждение применимо и к кинотексту, так как задействованы те же каналы передачи информации. Независимо от сложности структуры все единицы кинотекста формируются на

основе кодов [5].

Современные ученые Г.Г. Слышикин и М.А. Ефремова рассмотрели кинотекст с другого ракурса, уточнили и расширили имеющиеся определения. Кинотекст, по их мнению, представляет собой «постановочный кинофильм, состоящий из образов, движущихся и статических, речи, устной и письменной, шумов и музыки, особым образом организованных и находящихся в неразрывном единстве» [6, с. 21]. Данное определение выглядит наиболее целесообразным и полным с точки зрения лингвистики. Авторы выделяют в кинотексте две семиотические системы: лингвистическую и нелингвистическую, оперирующие знаками различного рода. Лингвистическая система обслуживается знаками-символами, нелингвистическая – знаками-индексами и знаками-иконами. Иконические знаки представлены звукоподражанием, изображениями людей, животных, предметов. Индексальные знаки в кино – это естественные шумы (дождь, ветер, шаги, голоса животных и птиц), технические шумы и музыка. Кроме того, в нелингвистическую систему входит видеоряд – иконические и/или индексальные знаки (люди, животные, фантастические существа, предметы), осуществляющие последовательность (цепочку) движений. Видеоряд представляет собой внутреннюю организацию фильма, характеризует фильм как целое, как единство звука и изображения [Там же, с. 22].

Рассмотрим более детально лингвистическую систему кинотекста. Для ее обозначения существует термин «кинодиалог», под которым понимается «вербальный компонент художественного фильма, смысловая завершенность которого обеспечивается аудиовизуальным (звукозрительным) рядом в общем дискурсе фильма» [7, с. 52]. Кинодиалог включает в себя устно-вербальные и письменно-вербальные компоненты [8, с. 253]. Рассмотрение структуры лингвистической системы кинотекста с позиции диегезиса позволяет более детально изучить компоненты кинодиалога. Понятие диегезиса в кино было изучено французским теоретиком кино и киносемиотиком К. Метцом, который определил диегезис как «совокупность фильлической денотации: сам рассказ, но так-

же и пространство, и время вымысла, задействованные в этом рассказе, а также персонажи, рассматриваемые с точки зрения денотации» [9, с. 98]. Другими словами, это функциональная реальность, созданная внутри экранного действия. Устно-вербальные и письменно-вербальные компоненты кинодиалога состоят из диегетических элементов, то есть тех, которые убедительно воспринимаются зрителем как часть внутриэкранного пространства, и недиегетических элементов, которые являются внешними, привнесёнными. К первым относят речь персонажей, письменные тексты в кадре, песни, исполняемые персонажами, то есть все, что выражено при помощи символических знаков - слов естественного языка. Ко вторым элементам относят закадровую речь, все виды титров, песни как элемент вертикального монтажа, а также все, что является частью мира вещей фильма, а именно плакаты, название улицы или города, письмо или записка и т.д. [10, с. 10].

Далее на примере американского фильма *Locked Down* покажем сочетание различных компонентов в структуре кинодиалога. Релиз кинокартины состоялся в 2021 году. Фильм снят в жанре романтической комедии и повествует о девушке и парне, которые вынуждены сидеть дома из-за эпидемии коронавируса. Главная героиня возглавляет региональное отделение международной компании, а герой работает простым водителем в курьерской службе. Они считают, что их ничего не связывает. Однако судьба предоставляет паре шанс обнаружить, что у них всё ещё много общего.

В первой половине фильма лингвистическая система или кинодиалог, на наш взгляд, выдвинута на первый план. Во время ограничений, связанных с коронавирусом, люди должны были работать, не выходя из дома. Герои мало двигаются, рабочие переговоры с коллегами, общение с родственниками и друзьями на различные темы происходит, в основном, через программу для видеоконференций *Zoom*.

В фильме представлены как устно-вербальный, так и письменно-вербальный компоненты кинодиалога. Диегетические элементы устно-

верbalного компонента содержатся в диалогах героев с коллегами по работе, родственниками и друзьями. Общение как на рабочие, так и на личные темы влечёт использование различных регистров речи и вокабуляра. Высокий регистр речи характерен для формальных ситуаций общения главных героев фильма при обсуждении рабочих вопросов (*resigning my position, it is unfortunate duty to let you know, your contracts will be terminated, to have urgent need*). В повседневной жизни герои тяготеют к упрощению, вульгаризации, использованию сокращенных форм служебных глаголов, что определяет просторечный регистр речи и разговорный стиль (*I'm gonna, hell-chains, fucking flames, you weren't gonna, sort of, 'cause, who's fucked up, they just went wild, media bullshit*). Отметим, что и в ходе рабочих встреч герои переходят на сниженный регистр, когда затрагиваются эмоциональные темы или в разговор вмешиваются посторонние люди (*that was fucking smart, daddy, I don't wanna to know*).

На протяжении всего фильма главный герой несколько раз выходит на улицу и читает стихотворения британских поэтов, таких как Д.Г. Лоуренс, Т.С. Элиот, Р. Грэйвс. Данные монологические высказывания также являются устно-вербальным компонентом и придают кинодиалогу черты публицистического стиля. Призыв к борьбе за справедливость, свободу и права в первом стихотворении в начале фильма (*stand up for justice, stand up for a new arrangement for a chance of life*) сменяется чувствами смирения и принятия по мере того как главный герой возвращает свою любовь (*..and if no more than only you and I What care you or I*).

В фильме звучит песня, которая также относится к диегетическим элементам кинодиалога, так как она принадлежит к реальному миру киногероини. Главная героиня в кадре после неоднозначного разговора с одним из ее начальников дает выплеск эмоциям, слушая песню британской группы Adam and the Ants под названием Stand and Deliver, выпущенную в 1981 году. Данная группа относится к направлению «*New Wave*» или «*новая волна*», которое характеризуется сменой стилистики и идейных ценностей в рок-музыке того времени [11].

Это определение очень противоречивое, и, возможно, неслучайно в разговоре героев употребляется фраза «*new wave of clients*», что в переводе с английского обозначает '*новая волна клиентов*' (Перевод наш – Г.Н., Н.В.), у которых другие цели и интересы, отличающиеся от предыдущих поколений. Текст песни важен для полного понимания авторской задумки и оказания задуманного воздействия на конечного получателя. Главная фраза в припеве – *Stand and deliver your money or your life* – переводится как '*Вставай и отдай свои деньги или свою жизнь*' (Перевод наш – Г.Н., Н.В.). Эта фраза обычно ассоциируется с разбойниками с большой дороги в Англии 18 века [12]. Героиня, слушая эту песню, думала о том, что никогда не могло бы прийти ей в голову при других обстоятельствах. Она размышляла о возможности совершения кражи бриллианта. Текст песни отражает ее эмоциональное состояние и мысли.

Данный фильм, как и любой другой, содержит и письменно-вербальные элементы. Письменный диегетический компонент кинодиалога представлен, в основном, надписями на втором плане, создающими нужную атмосферу: рекламные вывески на магазинах и на машинах, названия брендов, записки на рабочем месте, субтитры на телевидении. Письменно-вербальные недиегетические элементы в фильме малочисленны и включают в себя только финальные титры.

Так, мы видим, что в структуре кинодиалога анализируемого фильма присутствуют три из возможных четырех элементов. Недиегетических элементов устно-верbalного компонента, а именно закадровых монологов, комментариев и песен, текст которых был бы слышен только зрителю, в фильме не представлено. Отсутствие данных элементов облегчает восприятие фильма зрительской аудиторией и оправдывает отнесение его к жанру романтической комедии.

Лингвистическая составляющая данного художественного кинофильма в основном представлена разговорным стилем, что подтверждается особенностями устно-разговорной речи героев фильма, а именно широким употреблением

обиходно-бытовой лексики, эмоционально-экспрессивной окраской выражений, быстрым темпом речи, использованием вульгаризмов и просторечий. Однако, кинодиалог данного фильма не ограничивается чертами одного функционального стиля. Ему не противоречат встречающиеся по мере развития сюжета черты публицистического и официально-делового стилей.

Таким образом, мы детально рассмотрели вербальный компонент кинофильма с точки зрения входящих в его состав диегетических и недиегетических элементов и их особенностей. Кинотекст и его лингвистическая составляющая – кинодиалог – выступают как средства межкультурного общения и отражают многообразную человеческую деятельность. В кинодиалоге одного фильма может содержаться несколько основных функциональных стилей, что представляет интерес для исследователей. Анализ компонентов кинодиалога позволяет более детально изучить специфику той или иной лингвокультуры и выйти на новый уровень изучения кинодискурса.

Список литературы

1. Сакаева Л.Р., Ермоленко А.Ю., Яхин М.А. К вопросу выражения национально-культурных ценностей американского кинематографа посредством кинозаглавий. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(2):200–209. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.2.200-209>
2. Анисимова Е.Е. *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов)*: Учеб.пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Издательский центр «Академия»; 2003.
3. Лотман Ю.М. *Об искусстве. Структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления (1962–1993)*. СПб.: Искусство; 2005.
4. Иванова Е.Б. *Интертекстуальные связи в художественных фильмах*: Автореф. дис. канд. филол. наук. Волгоград; 2001.
5. Эко У. *К семиотическому анализу телевизионного сообщения*. Сокращ.пер. с англ. Дерябин А.А. (1972/1998). URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/eco.htm> [дата обращения: 15.10.2022].
6. Слыскин Г.Г., Ефремова М.А. *Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа)*. М.: Водолей Publishers; 2004.
7. Горшкова В.Е. Кинодиалог как единица перевода. *Иркутский государственный лингвистический университет. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2006;4,1(119):52–58.
8. Федотова И.П. Структура лингвистической системы фильма. *Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского*. 2016;3(258):252–256.
9. Metz Ch. [*Essais sur la signification au cinéma. English*] *Film language: a semiotics of the cinema*. Christian Metz: translated by Michael Taylor. The University of Chicago Press;1991.
10. Матасов Р.А. *Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и ди-*

ФИЛОЛОГИЯ. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Гумовская Г.Н., Полторакова Н.В. Кинодиалог как лингвистическая система кинотекста
Казанский лингвистический журнал. 2023;6(3): 324–333

дактические аспекты: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20. М.; 2009.

11. New Wave Music: The History and Bands of New Wave Music. URL: <https://www.masterclass.com/articles/new-wave-music-guide> [дата обращения: 13.10.2022].

12. The meaning and origin of the expression: Stand and deliver. URL: <https://www.phrases.org.uk/meanings/stand-and-deliver.html> [дата обращения: 15.10.2022].

13. Бредихин С.Н., Шишкин Б.А. Гендерная стратификация обращений-сигнтонов в японской онлайн коммуникации. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(2): 223–235. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.223-235>

References

1. Sakaeva L.R., Ermolenko A.Y., Yahin M.A. To the Question of National and Cultural Values' Expression of American Cinematography through Cinema Titles. *Kazan linguistic journal*. 2022;5(2):200–209. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.2.200-209>
2. Anisimova E.E. *Text linguistics and intercultural communication (on the material of creolized texts)*. Moscow, Akademiya Publishers; 2003. (In Russ.)
3. Lotman Yu.M. *About Art. Structure of the literary text. Film semiotics and problems of film*. SPb.: Iskusstvo; 2005. (In Russ.)
4. Ivanova E.B. *Intertextual connections in theatrical films*. Extended abstract of candidate's thesis. Volgograd; 2001. (In Russ.)
5. Eco U. *Towards a Semiotic Inquiry into the Television Message*. Summary translation from English Deryabin A.A. (1972/1998). Available from: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/eco.htm> [accessed: 15.10.2022]
6. Slyshkin G.G., Efremova M.A. *Film text (experience of linguacultural analysis)*. Moscow: Vodolej Publishers; 2004. (In Russ.)
7. Gorshkova V.E. Film dialogue as a unit of translation. Irkutskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet. Series: *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2006;4;1(119):52–58. (In Russ.)
8. Fedotova I.P. Structure of a film linguistic system. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*. 2016;3(258):252–256. (In Russ.)
9. Metz C. *Film language: A semiotics of the cinema*. Transl. by Michael Taylor. The University of Chicago Press; 1991.
10. Matasov R.A. *Translation of cinema/video materials: linguocultural and didactic aspects*. Extended abstract of candidate's thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2009. (In Russ.)
11. New Wave Music: The History and Bands of New Wave Music. Available from: <https://www.masterclass.com/articles/new-wave-music-guide> [accessed: 13.10.2022].
12. The meaning and origin of the expression: Stand and deliver. Available from: <https://www.phrases.org.uk/meanings/stand-and-deliver.html> [accessed: 15.10.2022].
13. Bredikhin S.N., Shishkin B.A. Gender Stratification of Addresses-syntones in Japanese Online Communication. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(2): 223–235. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.223-235>

Авторы публикации

Гумовская Галина Николаевна –
Доктор филологических наук, профессор
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия
Email: [ggumovskaya@hse.ru](mailto:gumovskaya@hse.ru)

Authors of the publication

Gumovskaya Galina Nikolaevna –
Doctor of Philology, Professor
National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia
Email: [ggumovskaya@hse.ru](mailto:gumovskaya@hse.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-5823-792X>

Полторакова Наталья Владимировна –
Аспирант
Государственный социально-гуманитарный университет
Коломна, Россия
Email: natalyapoltorakova2019@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0009-3235-320X>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 26.04.2023

Одобрена после рецензирования: 30.05.2023

Принята к публикации: 3.06.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. *The author has read and approved the final manuscript.*

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

<https://orcid.org/0000-0002-5823-792X>

Poltorakova Natalya Vladimirovna –
postgraduate student
State University of Humanities and Social Studies
Kolomna, Russia
natalyapoltorakova2019@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0009-3235-320X>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 26.04.2023

Approved after peer reviewing: 30.05.2023

Accepted for publication: 3.06.2023

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

УДК 811.11–112

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.334-343>

**КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПУЧКОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ
АРГУМЕНТАТИВНЫХ ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ**

Л. Ахмади¹, Э.Ю. Новикова²

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

¹leilaahmadi@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0003-0592-6059>

²nov-elina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

Аннотация. Использование речевых клише является неотъемлемой частью выработки навыков письменной речи на английском языке. Однако в современном научном дискурсе представлено недостаточно исследований о структуре шаблонных оборотов и частоте их использования русскоязычными студентами-авторами с разным уровнем владения иностранным языком. Данное исследование посвящено рассмотрению особенностей использования лексических пучков в аргументативных текстах русскоязычных студентов с тремя уровнями владения иностранным языком (C1, B2 и B1) с применением корпуса REALEC. Результаты показывают, что студенты с более низким уровнем владения иностранным языком, как правило, отдают предпочтение ограниченному набору лексических пучков из-за ограниченных лингвистических знаний. Структурный анализ позволил выявить склонность к использованию пучков, основанных на глагольных группах, и частотное использование глагольных словосочетаний с местоимениями, в том числе личными. Кроме того, студенты широко используют разговорные квантификаторы и оценочные связи, такие как *it*-конструкции для представления своих аргументов независимо от уровня владения иностранным языком. Полученные результаты свидетельствуют о широком использовании разговорных и стереотипных пучков в аргументативных текстах студентов даже с более высоким уровнем владения иностранным языком, причем их частотность возрастает по мере снижения уровня владения языком. Результаты исследования имеют практическое значение и могут найти применение при обучении письму на английском языке и оценивании качества научных текстов.

Ключевые слова: корпусная лингвистика; лексические пучки; студенческое письмо; аргументативные тексты; уровень владения иностранным языком

Для цитирования: Ахмади Л., Новикова Э.Ю. Корпусный анализ лексических пучков в англоязычных аргументативных текстах русскоязычных студентов. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(3): 334–343. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.334-343>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.334-343>

LEXICAL BUNDLES IN ENGLISH ARGUMENTATIVE WRITING OF RUSSIAN UNIVERSITY STUDENTS: A CORPUS-DRIVEN STUDY

L. Ahmadi¹, E.Yu. Novikova²

Volgograd State University, Volgograd, Russia

¹leilaahmadi@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0003-0592-6059>

²nov-elina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

Abstract. The use of formulaic sequences is an essential part of writing development in English for academic purposes. However, there is limited research on the frequency and structure of these sequences used by Russian-speaking student writers across different proficiency levels. This study investigates the use of lexical bundles in argumentative essays written by Russian university students at three proficiency levels (C1, B2, and B1) using the REALEC corpus. The results indicate that lower-level students tend to rely on bundles more frequently, but with less variety due to limited linguistic resources. The structural analysis shows a significant preference for verb-phrase-based bundles and frequent use of verb phrases with pronouns, particularly personal pronouns. Colloquial quantifiers and evaluative bundles, such as anticipatory *it*-patterns, were also found to be extensively used by the students, regardless of their proficiency level. Additionally, the study highlights the widespread use of conversational and stereotypic bundles in the students' argumentative essays, even at higher levels of assessed proficiency, with their frequency increasing as proficiency level decreases. The findings of this study have practical and pedagogical implications for the acquisition, instruction, and assessment of second-language writing in English for academic purposes.

Keywords: corpus linguistics; lexical bundles; academic writing; argumentative essays; proficiency

For citation: Ahmadi L., Novikova E. Lexical Bundles in English Argumentative Writing of Russian University Students: a Corpus-driven Study. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(3): 334–343. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.334-343>

За последние несколько десятилетий корпусная лингвистика внесла значительный вклад в понимание использования языка. Ряд исследований позволил констатировать склонность языка различных жанров к образованию комбинаций слов, так называемых языковых формул и шаблонов общения в устном и письменном коммуникативном регистрах, включенных в языковую память носителей языка в качестве «строительных блоков» дискурса [1; 2]. В настоящее время в эпоху глобальной научной коммуникации наблюдается растущий интерес к изучению языковых особенностей формул общения, в нашем случае к лексическим пучкам, как маркеру развития умений и навыков написания текстов на иностранном языке [2; 3; 4]. Несмотря на распространение английского языка как языка международного общения *lingua franca* в ряде не англоговорящих стран многие студенты вузов по-прежнему не владеют этим языком или же

уровень владения остается чрезвычайно низким. Одним из языковых инструментов решения данной языковой проблемы нам представляются лексические пучки, широко используемые в жанре «научная статья», поскольку они отвечают за связность текста, снижают когнитивную нагрузку и передают позицию автора или его отношение к излагаемой теме.

Малоизученность данного феномена в российской лингвистической науке объясняет отсутствие единого общепринятого термина, номинирующего лексико-грамматическую последовательность слов. Такие лексические связки слов имеют устойчивый характер, входят в узус языка, хранятся и извлекаются из памяти человека в виде так называемого пучка и не создаются в момент речевого использования [5]. В лингвистических исследованиях часто обращаются к анализу лексико-семантических полей и анализу слов и сочетаний, формирующих такие поля [6, 7].

В предлагаемом исследовании мы используем термин «лексические пучки» вслед за Н.В. Денисовой и Е.С. Петровой [8] и трактуем лексические пучки как лексико-грамматическую связку и последовательность трех или более слов, реализуемых определенные функции дискурса.

В работах К. Хайланда [5], В. Кортеса [9], Ф. Пана, Р. Реппена [10], Ф. Гюнгера и Х. Уйсалы [11], Ц. Дэн [12] и Р. Мартинеса и Н. Шмитта [13], Т.В. Толстовой [14], С. Во [15], Ю. Бестген [16], Ш. Стейплс и др. [17] можно встретить анализ лексических пучков в фокусе их использования в широком диапазоне жанров и функциональных стилей, в первую очередь в научных текстах. Однако, нет ни одного исследования, посвященного анализу лексических пучков в научном тексте, написанном русскоязычными студентами на иностранном языке, что объясняет актуальность предпринимаемого исследования.

Целью настоящего исследования является выявление структурных особенностей лексических пучков, их частотности и типа в статьях аргументативного типа, написанных русскоязычными студентами, не являющимися носителями английского языка.

Данные для исследования были отобраны из корпуса REALEC (Russian Error-Annotated Learner English Corpus), сборника англоязычных работ, написанных русскоязычными студентами университетов. В результате отбора было сформировано три корпуса студенческих работ (далее – КСР), представляющих уровни владения языком B1, B2 и C1 и состоящих в общей сложности из 802 текстов на английском языке, содержащих 256 085 слов, написанных русскоговорящими студентами второго курса бакалавриата в период с 2014 по 2019 год.

Анализ проведён с использованием N-граммовой функции *AntConc* [18]. КСР-C1, КСР-B2 и КСР-B1 были исследованы на предмет их типа, частотности и структурных характеристик в соответствии с классификацией Д. Байбера по 12 типам грамматических конструкций.

Корпусной анализ позволил выявить 92 лексических пучка в RWC 1, 81 в КСР-B2 и 70 в КСР-B1, которые встречаются в более чем 5% от общего количества текстов в каждом подкорпусе (таб. 1). Из одиннадцати лексических пучков, встречаемых в текстах студентов всех трех уровней владения языком, четыре выражения *on the other hand*, *on the one hand*, *I would like to* и *my point of view* стоят особняком, поскольку группируются в верхней части списка наиболее частых пучков в B1, B2, C1. Один пучок используется в C1 и B2, а также девять пучков используются в B2 и B1, но ни один из них не используется совместно на уровнях B1 и C1.

Те пучки, которые встречаются в текстах более низкого уровня (например, *there are a lot*, *have a lot of*, *do not want to*), в стилистическом плане представляются разговорными, в то время как пучки более высокого уровня (*at the same time*) – формальными.

Таблица 1.
Лексические пучки, общие для более чем 5% текстов в трех подкорпусах

KCP-C1	<i>f'</i>	KCP-B2	<i>f'</i>	KCP-B1	<i>f'</i>
on the other hand	117	on the other hand	101	on the other hand	98
on the one hand	61	I would like to + <i>(say+(that))</i>	96	there are a lot	75
I would like to + (say)	52	on the one hand	49	I would like to	68

<i>(from) + my point of view</i>	33	there are a lot	42	increasing the number of	47
one of the most	28	<i>(from/in) + my point of view</i>	33	on the one hand	42
like to say that	30	a lot of people	33	my point of view	30
all over the world	27	believe that it is	32	the best way to	27
some people believe that	28	one of the most	25	some people think that	27
at the same time	27	increasing the number of	23	is one of the	25
a lot of people	25	it is important to	22	I want to say	25
<i>(that) + the best way to</i>	22	all over the world	19	some people believe that	24
some people think that believe that it is	25	that it is not	19	one of the most	20
	22	there is an opinion + <i>(that)</i>	18	it is necessary to	20
is one of the	19	say that it is	17	think that it is	19
<i>(discuss) + both points of view</i>	18	there are people who	17	a lot of people	18
it is possible to	18	at the same time	17	there are people who	18
that it is more	16	some people think that some people believe that	16	all over the world	17
		it is obvious that	16	in the modern world	17
		is one of the	16	believe that it is	17
		the best way to	16	I strongly believe that	17
		a lot of time	15	it is important to	17
		it is better to	15	that it is not	16
		I strongly believe that	14	increase the number of	15
		have a lot of	13	to sum it up	14
		do not want to	13	have a lot of	14
		it is very important	13	this point of view	14
		some people say that	13	I think it is	14
				that it is very	13
				do not want to	12
				it is better to	12
				and as a result	11

Примечание. f' = нормализованная частота на 100 000.

В таблице 2 представлены результаты сравнительного анализа грамматических конструкций лексических пучков. В целом, полученные результаты указывают на схожие предпочтения в использовании основных грамматических структур лексических пучков, однако при дальнейшем распределении на подкатегории были выявлены некоторые различия в предпочтении употребления

типов пучков для каждой группы. В то время как авторы статей уровня В2 используют предложную конструкцию со встроенным фрагментом *of*-фразы (например, *with the help of, for the sake of*), в подкорпусах уровня С1 и В1 не было выявлено ни одного случая использования таких пучков.

Более того, только один вариант предложных конструкций *for a long time* был обнаружен в подкорпусе более высокого уровня, в то время как не было выявлено ни одного случая использования авторами с более низким языковым уровнем. Наиболее частотными конструкциями во всех трех корпусах являются предложные выражения, включая стереотипные выражения *on the one hand* и *on the other hand*.

Что касается лексических пучков, основанных на именных фразах, студенты с уровнем С1 продемонстрировали большую склонность использовать именные фразы с фрагментами *of*-фраз (например, *the end of the, one of the most*), в то время как студенты с более низкими уровнями В2 и В1 отдают предпочтение выражениям с квантификатором (например, *a lot of people, a lot of time*).

Таблица 2.

Распределение грамматических конструкций лексических пучков

Категория	Подкатегории	KCP-C1	KCP-B2	KCP-B1
именная группа	Именная группа + фрагмент <i>of</i> -фразы	9.78% (9)	4.94% (4)	5.80% (4)
	Именная группа с другим фрагментом постмодификатора	4.35% (4)	2.47% (2)	—
	Выражения-квантификаторы (именная группа)	(+ 5.43% (5))	6.17% (5)	7.25% (5)
	Предвосхищающее <i>it</i> + именная группа	2.17% (2)	1.23% (1)	—
	Фрагмент наречного предложения	1.09% (1)	—	—
предложная группа	Предложная группа со встроенным фрагментом <i>of</i> -фразы	—	2.47% (2)	—
	Выражения предложной группы	1.09% (1)	—	—
	Другая предложная группа (фрагмент)	6.52% (6)	7.41% (6)	7.25% (5)
глагольная группа	(Глагольная группа) + фрагмент предложения, введенный союзом <i>that</i>	17.39% (16)	18.52% (15)	20.29% (14)
	Предвосхищающее <i>it</i> + глагольная / прилагательная группа	15.22% (14)	14.81% (12)	18.84% (13)
	(Глагол или прилагательное) + фрагмент предложения, введенный <i>to</i>	7.61% (7)	12.35% (10)	8.70% (6)
	Местоимение / существительное +	11.96% (11)	9.88% (8)	10.14% (7)

связка *be* (...)

Личное местоимение + лексическая группа глаголов	4.35% (4)	3.70% (3)	7.25% (5)
(Глагольная группа) + фрагмент <i>of</i> -фразы	1.09% (1)	3.70% (3)	4.35% (3)
Связка <i>be</i> + именная / прилагательная группа	1.09% (1)	3.70% (3)	2.90% (2)
Глагольная группа с активным глаголом	1.09% (1)	2.47% (2)	2.90% (2)
Глагольная группа + фрагмент предложной группы	—	1.23% (1)	—
Пассивный глагол + фрагмент предложной группы	3.26% (3)	—	—
Лексические пучки с фрагментами <i>wh</i> -клаузулы	1.09% (1)	—	—
Другие конструкции	5.43% (5)	4.94% (4)	4.35% (3)

Большинство лексических пучков во всех трех подкорпусах имеют глагольную конструкцию, что составляет 69,57%, 74,39% и 78,26% лексических пучков в текстах уровня C1, уровня B2 и уровня B1, соответственно. Во всех трех подкорпусах отмечается частотное использование фрагмента *that*-предложения в качестве дополнения к глагольной фразе. Студенты, как правило, выражают свои аргументы с помощью лексических пучков в виде *that*-предложений, например, *some people believe that* и *to point out that*.

Другой важной структурной особенностью аргументирующих текстов студентов является частотное использование глагольных фраз с местоимениями с частотой 192, 292, 307 на 100 000 слов в KCP-C1-, KCP-B2- и KCP-B1 соответственно. Наиболее часто во всех трех группах используется местоимение первого лица, например, *I would like to* и *I strongly believe that*. Кроме того, наблюдается обратная зависимость частотности употребления экзистенциальных конструкций с *there* от уровня владения языком (например, *there is an opinion*, *there are a lot*). Этот вывод не подтверждает предыдущие исследования, в которых говорилось о более частом использовании экзистенциальных конструкций с *there* студентами-носителями языка [19, 20].

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие выводы. Наблюдается зависимость использования разнообразных типов лексических пучков от уровня владения языком. В текстах уровней B2 и B1 доминируют лексические пучки, свойственные разговорной речи (например, *a lot of*). В текстах уровня C1 наблюдается стереотипное использование более сложных форм лексических пучков (например, *on the one hand, on the other hand, at the same time*). Доминирующей конструкцией лексических пучков в письменных работах всех уровней владения языком выступает глагольная конструкция для выражения личного отношения автора к научной проблеме. Частота использования лексических пучков выше в текстах более низкого уровня, хотя они и менее разнообразны с точки зрения структуры и типа, чем те, которые используются в текстах более высокого уровня.

Список литературы

1. Biber D., Conrad S., Cortes V. If you look at. Lexical Bundles in University Teaching and Textbooks. *Applied linguistics*. 2004;25(3):371–405. DOI: 10.1093/applin/25.3.371
2. Biber D., Johansson S., Leech, G., et all. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Harlow: Longman; 1999. 1203 p. DOI: 10.1075/z.232
3. Appel R. Lexical bundles in L2 English academic texts: Relationships with holistic assessments of writing quality. *System*. 2022;(110):102899. DOI: 10.1016/j.system.2022.102899
4. Chen Y.-H., Baker P. Investigating Criterial Discourse Features across Second Language Development: Lexical Bundles in Rated Learner Essays, CEFR B1, B2 and C1. *Applied linguistics*. 2014;37(6):849–880. DOI: 10.1093/applin/amu065
5. Hyland K. As can be seen: Lexical bundles and disciplinary variation. *English for Specific Purposes*. 2008;27(1):4–21. DOI: 10.1016/j.esp.2007.06.001
6. Сакаева Л.Р., Евсюкова А.В. Формирование и процесс пополнения семантического поля «дипломатия и внешняя политика» в английском и русском языках в сопоставительном аспекте. *Казанский лингвистический журнал*. 2020;2(3):57–70. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.2.57–70.
7. Калинина А.Г., Сакаева Л.Р., Тахтарова С.С. Семантическое поле “Alimento” как отражение испанской национальной культуры. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(1):80–89. DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.80-89>
8. Денисова Н.В., Петрова Е.С. Маркеры ряда: кластерность и вариантность (на материале английского языка). *Вестник Челябинского государственного университета*. 2008;(30): 44–49.
9. Cortes V. Lexical bundles in published and student disciplinary writing: Examples from history and biology. *English for Specific Purposes*. 2004;23(4):397–423. DOI: 10.1016/j.esp.2003.12.001
10. Pan F., Reppen R., Biber D. Comparing patterns of L1 versus L2 English academic professionals: Lexical bundles in Telecommunications research journals. *Journal of English for Academic Purposes*. 2016;(21):60–71. DOI: 10.1016/j.jeap.2015.11.003
11. Güngör F., Uysal H. H. Lexical bundle use and crosslinguistic influence in academic texts. *Lingua*. 2020;(242):102859. DOI: 10.1016/j.lingua.2020.102859

12. Lu X., Deng J. With the rapid development: A contrastive analysis of lexical bundles in dissertation abstracts by Chinese and L1 English doctoral students. *Journal of English for Academic Purposes*. 2019;(39):21–36. DOI: 10.1016/j.jeap.2019.03.008
13. Martinez R., Schmitt N. A Phrasal Expressions List. *Applied linguistics*. 2012;33(3): 299–320. DOI: 10.1093/applin/ams010
14. Толстова Т.В. Лексические блоки в отраслевом интернет-дискурсе (на материале блогов в сфере геоинформационных технологий). *Преподаватель 21 век*. 2019;(2):399–410.
15. Vo S. Use of lexical features in non-native academic writing. *Journal of second language writing*. 2019;(44):1–12. DOI: 10.1016/j.jslw.2018.11.002
16. Bestgen Y. Evaluating the frequency threshold for selecting lexical bundles by means of an extension of the Fisher's exact test. *Corpora*. 2018;13(2):205–228. DOI: 10.3366/cor.2018.0144
17. Staples S., Egbert J., Biber D., et all. Formulaic sequences and EAP writing development: Lexical bundles in the TOEFL iBT writing section. *Journal of English for Academic Purposes*. 2013;12(3):214–225. DOI: s10.1016/j.jeap.2013.05.002
18. Anthony L. AntConc. (Version 4.0.11) [Computer Software]. Waseda University; 2022. URL: <https://www.laurenceanthony.net/software> [дата обращения: 15.11.2021].
19. Bychkovska T., Lee J. J. At the same time: Lexical bundles in L1 and L2 university student argumentative writing. *Journal of English for Academic Purposes*. 2017;(30):38–52. DOI: 10.1016/j.jeap.2017.10.008
20. Ädel A., Erman B. Recurrent word combinations in academic writing by native and non-native speakers of English: A lexical bundles approach. *English for Specific Purposes*. 2012;31(2): 81–92. DOI: 10.1016/j.esp.2011.08.004

References

1. Biber D., Conrad S., Cortes V. If you look at Lexical Bundles in University Teaching and Textbooks. *Applied linguistics*. 2004; 25(3):371–405. DOI: 10.1093/applin/25.3.371
2. Biber D., Johansson S., et all. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Harlow: Longman; 1999. 1203 p. DOI: 10.1075/z.232
3. Appel R. Lexical bundles in L2 English academic texts: Relationships with holistic assessments of writing quality. *System*. 2022;(110):102899. DOI: 10.1016/j.system.2022.102899
4. Chen Y.-H., Baker P. Investigating Criterial Discourse Features across Second Language Development: Lexical Bundles in Rated Learner Essays, CEFR B1, B2 and C1. *Applied linguistics*. 2014; 37(6):849–880. DOI: 10.1093/applin/amu065
5. Hyland K. As can be seen: Lexical bundles and disciplinary variation. *English for Specific Purposes*. 2008;27(1):4–21. DOI: 10.1016/j.esp.2007.06.001
6. Sakaeva L.R., Evsyukova A.V. Formation and process of replenishment of semantic field “diplomacy and foreign policy” in the English and Russian languages incomparative aspect. *Kazan Linguistic Journal*. 2020;2(3):57–70. (In Russ.) DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.2.57–70
7. Kalinina A.G., Sakaeva L.R., Takhtarova S.S. The Semantic Field “Alimento” as a Reflection of the Spanish National Culture. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(1):80–89. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.80-89>
8. Denisova N. V., Petrova E. S. Series markers: clustering and variability (on the material of the English language. *Vestnik of Chelyabinsk State University*. 2008;(30):44-49 (in Russ.)
9. Cortes V. Lexical bundles in published and student disciplinary writing: Examples from history and biology. *English for Specific Purposes*. 2004;23(4):397–423. DOI: 10.1016/j.esp.2003.12.001
10. Pan F., Reppen R., Biber D. Comparing patterns of L1 versus L2 English academic professionals: Lexical bundles in Telecommunications research journals. *Journal of English for Academic Purposes*. 2016;(21):60–71. DOI: 10.1016/j.jeap.2015.11.003
11. Güngör F., Uysal H. H. Lexical bundle use and crosslinguistic influence in academic texts. *Lingua*. 2020;(242):102859. DOI: 10.1016/j.lingua.2020.102859

12. Lu X., Deng J. With the rapid development: A contrastive analysis of lexical bundles in dissertation abstracts by Chinese and L1 English doctoral students. *Journal of English for Academic Purposes*. 2019;(39):21–36. DOI: 10.1016/j.jeap.2019.03.008
13. Martinez R., Schmitt N. A Phrasal Expressions List. *Applied linguistics*. 2012;33(3): 299–320. DOI: 10.1093/applin/ams010
14. Tolstova T. V. Lexical blocks in a branch internet-discourse (on the material of blogs in the sphere of geoinformation technologies). *Educator 21 century*. 2019;(2):399–410 (in Russ.)
15. Vo S. Use of lexical features in non-native academic writing. *Journal of second language writing*. 2019;(44):1–12. DOI: 10.1016/j.jslw.2018.11.002
164. Bestgen Y. Evaluating the frequency threshold for selecting lexical bundles by means of an extension of the Fisher's exact test. *Corpora*. 2018;13(2):205–228. DOI: 10.3366/cor.2018.0144
17. Staples S., Egbert J., Biber D., McClair A. Formulaic sequences and EAP writing development: Lexical bundles in the TOEFL iBT writing section. *Journal of English for Academic Purposes*. 2013;12(3):214–225. DOI: s10.1016/j.jeap.2013.05.002
18. Anthony L. AntConc. (Version 4.0.11) [Computer Software]. Waseda University; 2022. Available from: <https://www.laurenceanthony.net/software>.
19. Bychkovska T., Lee J. J. At the same time: Lexical bundles in L1 and L2 university student argumentative writing. *Journal of English for Academic Purposes*. 2017;(30):38–52. DOI: 10.1016/j.jeap.2017.10.008
20. Ädel A., Erman B. Recurrent word combinations in academic writing by native and non-native speakers of English: A lexical bundles approach. *English for Specific Purposes*. 2012;31(2): 81–92. DOI: 10.1016/j.esp.2011.08.004

Авторы публикации

Ахмади Лейла –

Аспирант

Волгоградский государственный университет

Волгоград, Россия

Email: leilaahmadi@outlook.com

<https://orcid.org/0000-0003-0592-6059>

Новикова Элина Юрьевна –

Доктор филологических наук, профессор

Волгоградский государственный университет

Волгоград, Россия

Email: nov-elina@volsu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 8.06.2023

Одобрена после рецензирования: 15.07.2023

Принята к публикации: 2.08.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Ahmadi Leila –

Postgraduate student

Volgograd State University,

Volgograd, Russia

Email leilaahmadi@outlook.com,

<https://orcid.org/0000-0003-0592-6059>

Novikova Elina Yurevna –

Doctor of Sciences (Philology), Professor

Volgograd State University

Volgograd, Russia

Email: nov-elina@volsu.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 8.06.2023

Approved after peer reviewing: 15.07.2023

Accepted for publication: 2.08.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Научная статья

УДК 811.111-26:811.581.11

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.344-354>

ШИРОКОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В КИТАЙСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

X. Биньбинь

*Гуансийский научно-технологический институт, Чунцзо, Китайская Народная Республика
bingbing.huang@yandex.com, https://orcid.org/0000-0003-0156-2999*

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу широкого употребления терминов родства в китайском и английском языках. Под широким употреблением термина родства понимается его использование по отношению к человеку, не являющемуся членом семьи. Цель данной работы - провести сравнительное исследование широкого использования терминов родства в китайском и английском языках с точки зрения теории семантики, pragmatики и взаимосвязи между языком и культурой, на основе методологии сравнительного и контекстуального анализа. Полученные результаты позволили выявить особенности широкого использования китайских и английских терминов родства, обусловленные различиями в соответствующих лингвокультурах. Тем самым, термины родства исследованы не только как языковое явление, но и как проявление развития общества, как символ социальной культуры.

В ходе исследования продемонстрирована сложная и строгая система терминов родства в китайском языке, установлены ключевые сходства и различия в широком употреблении китайских терминов родства по сравнению с широким употреблением английских терминов родства. Продемонстрированы примеры широкого употребления терминов родства в различном социокультурном контексте. Доказано, что в китайском языке широкое употребление терминов родства представлено существенно больше, чем в английском языке. Результаты исследования могут найти применение в практике межкультурной коммуникации с целью избежания недопонимания и коммуникативных неудач.

Ключевые слова: термин родства; широкое употребление; китайский язык; английский язык; семантика; pragmatika; культурная коннотация

Для цитирования: Биньбинь X. Широкое употребление терминов родства в китайском и английском языках: опыт сравнительного исследования. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(3): 344–354. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.344-354>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.344-354>

THE EXTENSIVE USE OF CHINESE AND ENGLISH KINSHIP TERMS: A COMPARATIVE STUDY

H. Bingbing

*Guangxi Institute of Occupational Technology, Chongzuo, People's Republic of China
bingbing.huang@yandex.com, https://orcid.org/0000-0003-0156-2999*

Abstract. The article deals with the comparative analysis of the extensive use of kinship terms in Chinese and English languages. Extensive use is defined as the use of the kinship term

towards a non-relative person. The aim of the research is to conduct a comparative study of the extensive use of the Chinese and English kinship terms from the point of view of the theory of semantics, pragmatics and relationship between language and culture, using the methodology of comparative and contextual analysis. The obtained results allowed us to determine the culturally specific features of the extensive use of Chinese and English kinship terms. Therefore, kinship terms are studied not only as a language phenomenon, but also as a result of the development of the society and as a symbol of social culture.

The research demonstrates the complex and strict system of kinship terms in the Chinese language and discusses the key similarities and differences from the extensive use of kinship terms in the English language. Examples are provided demonstrating the extensive use of kinship terms under the influence of social and cultural factors. We prove that the extensive use is represented considerably more broadly in Chinese compared to English. The significance of the obtained results is seen in the evolution of intercultural communication practices in order to avoid misunderstanding and communicative failures.

Keywords: kinship term; extensive use; Chinese language; English language; semantics; pragmatics; cultural connotation

For citation: Bingbing H. The Extensive Use of Chinese and English Kinship Terms: A Comparative Study. *Kazan Linguistic Journal.* 2023;6(3): 344–354. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.344-354>

Широкое употребление терминов родства – это лингвистическое явление, при котором термины родства используются для обозначения неродственных собеседников. Цель такого использования терминов родства состоит в сближении собеседников и установлении хороших отношений между ними.

Настоящая статья посвящена изучению общих и специфичных черт в широком употребления терминов родства в китайском и английском языках в их современном состоянии.

В исследовании широкого употребления терминов родства Пань Пань выделяет в разговорном китайском языке 16 обобщенных стереотипных терминов родства [1], однако со времени проведения данного исследования широкое употребление терминов родства эволюционировало и претерпело существенные изменения в соответствии с реалиями современного общества.

Данные изменения проявляются следующим образом:

1. Семантические особенности морфем родства становятся постепенно менее выражеными, и смысл родства, отношения поколений и возрастных различий, выраженный в их семантических компонентах, становится менее очевиден или даже полностью утрачен. Например, термины «*淡定哥* спокойный

брат» и «房叔дядя, у которого много домов» больше не используются для различия возраста или родственных отношений и широко используются всеми членами общества в ситуациях повседневного общения.

2. В некоторых словах, использовавшихся ранее для обозначения мужественности / женственности, больше нет однозначной отсылки к данной характеристике, что приводит к своего рода гендерному смещению. Например, певиц 李宇春 Ле Ючунь и 曾轶可 Цзэн Икэ называют «春哥 Чунь брат» и «曾哥 Цзэн брат», поскольку их внешний вид и манера поведения близки к мужским. Некоторые мужчины, которые имеют характер, близкий к женскому, известны как «伪娘 псевдокоролевы».

3. Под влиянием открытости социальной культуры и диверсификации онлайн-языка многие термины родства сами постепенно утратили авторитетные характеристики традиционной культуры. Например, мужские относительные морфемы, такие как «傅 мастер» и «兄弟 брат», в основном сформировались под влиянием феодально-патриархальной системы и традиционно несли коннотативное значение авторитета, однако в настоящее время часто не несут оттенка авторитетности, например «烧烤爷барбекю мастер» и «大衣哥 мужчина, который любит носить шинель».

4. Под влиянием интернет-коммуникации, характеризующейся стремлением к экономии языковых усилий, морфемы родства стали также использоваться в словообразовании, позволяя создавать более краткие и образные выражения благодаря механизму аналогии и обладая более высокой степенью продуктивности. Например, слова «犀利哥резкий брат» и «淡定哥спокойный брат» образованы по модели «(~) + 哥 брат».

В социальной коммуникации термины обращения воплощают систему взаимоотношений между людьми. Согласно Ма Хунчжи, современную китайскую систему обращения можно разделить на две подсистемы: систему терминов родства и систему терминов социальных отношений. Термины родства от-

ражают родственные связи между людьми, а термины социальных отношений отражают статус, положение и род занятий людей в социальном взаимодействии и классифицируются на основе социальных отношений [2].

Когда система терминов социальных отношений отсутствует или недостаточна, система терминов родства может использоваться в социальном взаимодействии по отношению к неродственникам, компенсируя недостающие лексемы, что и называется широким употреблением терминов родства [3].

В английском языке подобное широкое употребление терминов родства наблюдается значительно реже по сравнению с китайским языком. Р. Браун и М. Форд занимались исследованием системы обращения в американском английском языке. Они установили, что семантика терминов обращения в американском варианте английского языка детерминируется семантическими отношениями власти и равенства [4]. Г. Джайлс и Ф. Смит разработали «теорию аккомодации», которая представляет собой оригинальный анализ психосоциальных факторов, вовлеченных в интерактивные модели поведения [5]. Эрвин Трипп составил блок-схему системы обращений, которая описывает общие принципы выбора обращения в американском варианте английского языка в почти идеальном лингвистическом контексте и является практически универсальной [6].

Новые лексические единицы, возникающие в результате обобщения основных китайских терминов родства под влиянием интернет-коммуникации, трансформируют семантику традиционных терминов родства в инновационном и персонализированном ключе, отражая современные психологические тенденции и социальные ценности.

С целью исследования семантических изменений обобщенных вариантов современных терминов родства, мы провели поиск в базе данных исследования новых слов сайта китайских языковых ресурсов [7] для поиска примеров широкого употребления терминов родства «爷(дедушка)», «哥(старший брат)», «弟(младший брат)», «兄弟(брать)», «姐(старшая сестра)», «妹(младшая

сестра)», «妈(mama)», «爸(nana)» и их определений, чтобы проследить их трансформированную семантику.

Ниже приведем классификацию широкого употребления китайских терминов родства по результатам проведенного исследования (таблица 1).

Таблица 1

Широкое употребление терминов родства в китайском языке

п/п	Модель широкого употребления термина родства	Пример широкого употребления термина родства
	“X + 爷” (X + дедушка)	的爷 : Мужчина-водитель такси.
	“X + 奶” (X + бабушка)	最美奶奶: Прозвище, данное 69-летнему мужчине, который спас трех детей от падения в воду и трагически погиб. Это также термин для обозначения пожилой женщины, которая храбра и готова помочь другим.
	“X + 叔” (X + дядя).	萌叔: Термин для обозначения мужчины средних лет с милой внешностью и поведением.
	“X + 爸” (X + папа).	虎爸 : Отец, который многое ожидает от своих детей и придерживается жесткого стиля воспитания.
	“X + 妈” (X + мама).	拼妈: Мать, для которой характерна гиперопека детей, особенно в плане образования.
	“X + 哥” (X + старший брат)	的哥 : Мужчина-водитель такси.
	“X + 姐” (X + старшая сестра)	动姐: Молодая женщина-кондуктор в скоростном поезде.
	“X + 弟” (X + младший брат)	迷弟: Мужчина-болельщик.
	“X + 妹” (X + младшая сестра)	四眼妹 : Молодая женщина в очках.
0	“X + 婶” (X + тетя)	空嫂 : Стюардесса средних лет в самолете.

Как видно из представленной выше классификации, семантика терминов родства в китайском языке меняется в ответ на социальное развитие. По мере развития китайского общества происходит дальнейшее обобщение терминов родства, появляются варианты, которые не только увеличивают количество функционирующих терминов родства, но и меняют их семантику [8]. В частности, это касается таких терминов родства, как «爷(дедушка)», «哥(старший брат)», «弟(младший брат)», «姐(старшая сестра)», «妹(младшая сестра)», «妈(mama)», »爸(nana)».

К семантическим особенностям некоторых новых популярных вариантов широкого употребления терминов родства, пришедших из Интернет-коммуникации, можно отнести следующие:

1. Образованы группы слов на основе обобщения терминов родства с одинаковыми морфемами, например, «X + 爷 (X + мать)», «X + 哥 (X + старший брат)», «X + 姐 (X + старшая сестра)».
2. Среди основных китайских терминов родства наибольшее количество новых слов образуют кластеры с терминами прямого восхождения по отцовской линии «爷 (дедушка)», «叔 (дядя)» и «哥 (старший брат)». Количество новых слов, образующих кластеры с патрилинейными формами «старший», «дядя» и «брать», является наибольшим, в то время как кластеры «姐 (старшая сестра)», «妹 (младшая сестра)» и «弟 (младший брат)» относительно малы, что свидетельствует о неравномерности степени обобщения различных терминов родства [9].
3. Обобщенные варианты терминов родства не только не привязаны к различиям по возрасту, старшему и младшему поколению, полу, но и иногда относятся к неодушевленным предметам. Например, «章鱼哥 («брать осьминог») - человек, который помогает другим в ущерб себе, «面包哥 (хлебный брат)» - человек, который раздевается, стоя в очереди в магазине.
4. Обобщенные варианты терминов родства часто обозначают новые профессии, например, «倒爷 (спекулянт)», «卡爷 (мастер карт)», «动姐 (проводница)».
5. Новые слова после обобщения обозначают людей с характерными особенностями, например, «萌叔 сладкий дядя», «萌妹 милая девушка», «犀利哥 (попрошайка)», «四眼妹 (девушка в очках)».
6. Новые слова после обобщения обозначают людей, которые стали популярными в Интернете в связи с определенным событием или олицетворяют определенное социальное явление, например, «中国大妈 (китайская мама)» –

по отношению к женщине среднего или пожилого возраста, которая, пользуясь падением цен на золото, покупает его оптом.

В английском языке широкое употребление терминов родства значительно менее распространено, чем в китайском языке, однако обобщенные варианты английских терминов родства также могут использоваться для обозначения людей определенной профессии или для указания на определенный социальный статус человека (таблица 2).

Таблица 2
Семантические особенности широкого употребления английских терминов родства
для обозначения профессии или человека с определенным статусом

Термин родства	Примеры широкого употребления терминов родства и их денотативное значение
Father Отец	Father Christmas; Father Confessor (Penitential; Holy Father) (католический термин, обозначающий Папу Римского)
Mother Мать	Mother Buncli (невысокая, толстая, неопрятная женщина); Mother of God (Святая Мария)
Brother брать	Brother chip (сослуживец; brother in arms (Товарищ по оружию); brother of the angle (рыболов))
Son Сын	A son of toil (рабочий); every mother's son (каждый, все)
Uncle Дядя	Uncle Sam (США, Америка, Правительство США); Uncle Tom (Черный американец)
Aunt Тетя	Aunt Jane (черная женщина, женщины, посещающие собрания черной церкви); Aunt Tom/Aunt Tabby (женщина, которая не поддерживала движение за освобождение женщин)
Sister Сестра	Sister Anne (Верные спутники); sister of charity (Дочери милосердия Святого Винсента де Поля)
Daughter дочь	A daughter of the soil (деревенская девушка); daughter of the horse leech (вампир, жадный человек)

Английские термины родства могут также использоваться для обозначения неодушевленных предметов (таблица 3).

Таблица 3
Семантические особенности широкого употребления английских терминов родства
для обозначения неодушевленных предметов

Термин родства	Примеры широкого употребления терминов родства и их денотативное значение
Grandfather Дедушка	Grandfather clock (напольные часы, обычно высотой около шести футов); Grandfather chairs (Вольтеровское кресло);
Grandmother / Granny	Grandmother clock (напольные часы, длина которых составляет две трети длины дедовских часов); Granny syndrome (ошибочная информация)

Бабушка	
Mother	Mother Nature (Мать всего сущего, Природа); Mother of moths (Луна);
Мать	Mother tongue (родной язык);
Brother	The brother qualities of greed and miserliness (Атрибуты жадности и скопости)
Брат	
Uncle	Uncle Thommism (покорное поведение или отношение); Uncle- Sam-Knows-best (Отношение дяди Сэма (США) к словам)
Дядя	
Aunt	Auntie Nelly (желудок, брюшная полость); Aunt Hazel (героин);
Тетя	
Sister	sister block (шкив с двумя расположенными рядом шкивами одинакового размера)
Сестра	

Из приведенной выше таблицы видно, что, хотя явление широкого использования терминов родства в английском языке не так очевидно и распространено, как в китайском языке, принцип словообразования остается тем же: основной термин родства используется в качестве корня и соединяется с другими словами, при этом семантика термина родства в его широком употреблении часто отличается от его основного значения.

Из результатов приведенного выше анализа можно сделать вывод о том, что в широком употреблении английских и китайских терминов родства есть как сходства, так и принципиальные различия. К основным сходствам мы относим следующие:

1. Как английские, так и китайские термины родства в их широком употреблении представлены основными терминами родства, используемыми независимо, или с добавлением к основным лексемам дополнительных компонентов для образования новых слов, выражающих разные оттенки значения.

2. В большинстве случаев широкого употребления терминов родства в английском и китайском языках они используются для обозначения людей определенной профессии или определенного социального статуса, но также могут использоваться для обозначения неодушевленных предметов.

3. Широкое употребление английских и китайских терминов родства подчиняется определенным контекстуальным ограничениям при выражении вежливости, уважения или близости.

К принципиальным различиям в широком употреблении терминов родства мы относим следующие:

1. Существует количественный и качественный дисбаланс в широком употреблении терминов родства между английским и китайским языками. В китайском языке обобщенное употребление терминов родства очень распространено и, как следствие, представлено широкой системой продуктивных лексико-грамматических моделей с богатой семантической вариативностью, в английском же языке феномен широкого употребления терминов родства представлен слабее и более ограничено, чем в китайском языке.

2. Степень и характер обобщения английских и китайских терминов родства при их широком употреблении в эпоху Интернета также существенно отличается. Так, большое количество новых слов китайского языка, порожденных виртуальным общением в сети Интернет, было создано путем обобщения китайских названий родства, в то время как в английском языке подобного широкого употребления названий родства при образовании неологизмов нами не обнаружено.

Перспективный ресурс дальнейшей разработки заявленной проблематики состоит в интерпретации полученных результатов применительно к исследованию лингвокультурной специфики базовых концептов английского и китайского языков, таких как концепт «СЕМЬЯ», что может быть сделано в формате и контексте применения корпусных технологий и элементов эвристического автоматизированного анализа корпусных данных [10; 11]. Предпринятое исследование дополняет современные российские научные изыскания, посвященные проблематике китайского языка и китайской лингвокультуры [12; 13].

Список литературы

1. Pan Pan. On the extensive use of kinship terms. *Language and writing applications*. 1998; 2. URL: <http://qikan.cqvip.com/Qikan/Article/Detail?id=1002373070> [accessed: 20.03.2023].
2. Hongji M., Qingfeng C. Address Terms. 1998. URL: https://books.google.ru/books/about/%E7%A7%B0%E8%B0%93%E8%AF%AD.html?id=PzYEAAQAAIAAJ&redir_esc=y [accessed: 26.04.2023].

3. Hu Shiyun. *A study of Chinese kinship terms.* 2007. URL: https://books.google.ru/books/about/%E6%B1%89%E8%AF%AD%E4%BA%B2%E5%B1%9E%E7%A7%B0%E8%B0%93%E7%A0%94%E7%A9%B6.html?id=M45JAQAAIAAJ&redir_esc=y [accessed: 24.03.2023].
4. Thomas E.M. *A New Look at Address in American English: The Rules Have Changed.* 2002: 43–61. URL: <https://ans-names.pitt.edu/ans/article/download/1651/1650> [accessed: 19.03.2023].
5. Zubrzycki J. *Polish immigrants in Britain: A study of adjustment.* The Hague: Martinus Nijhoff. 1956: 176. URL: http://www.wenqujingdian.com/Public/editor/attached/file/20180620/20180620111055_51000.pdf [accessed: 20.03.2023].
6. Ervin-Tripp S. On sociolinguistic rules: Alteration and co-occurrence. In: Gumperz, J. and Hymes, D. (eds.). *Directions in Sociolinguistics.* New York: Holt; 1972. Pp. 213–250. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED019656.pdf> [accessed: 20.03.2023].
7. Resources for Neology Research. URL: <http://ling.cuc.edu.cn/newword/showWordResult.aspx?page=4> [accessed: 03.03.2023].
8. Го Лихун. Сопоставительный анализ термина родства в русском и китайском языках. 2019: 108–111. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/219655/1/108-111.pdf> [accessed: 05.04.2023].
9. Yu Yuan, Han, Yong Su. *Suggestions on Teaching Chinese as a Foreign Language to Popular Appellations on the Internet.* 2021;(61):147–167. URL: <https://www.kci.go.kr/kciportal/ci/sereArticleSearch/ciSereArtiView.kci?sereArticleSearchBean.artId=ART002748141> [accessed: 10.04.2023].
10. Каменский М. В. Эвристический подход к расширению когнитивной классификации дискурсных маркеров английского языка. *Вопросы когнитивной лингвистики.* 2018;4(57):143–150.
11. Буторина Е.Е., Каменский М.В. Теоретические основания моделирования концепта “friendship” как лингвокультурной универсалии. *Вестник Пятигорского государственного университета.* 2020;(3):89–93.
12. Мартынов Д.Е., Глушкова С.Ю. Теория возникновения китайского языка Афанасия Кирхера. *Казанский лингвистический журнал.* 2019;2(3):73–85.
13. Давлетбаева А.Ф., Фаткуллина Ф.Г. Семантические свойства модальных глаголов 愿意 (yuànyì), 乐意 (lèyì), 情愿 (qíngyuàn) в китайском языке. *Казанский лингвистический журнал.* 2020;3(2):5–18.

References

1. Pan Pan. On the extensive use of kinship terms. *Language and writing applications.* 1998; 2. Available from: <http://qikan.cqvip.com/Qikan/Article/Detail?id=1002373070> [accessed: 20.03.2023].
2. Hongji M., Qingfeng C. Address Terms. 1998. Available from: https://books.google.ru/books/about/%E7%A7%B0%E8%B0%93%E8%AF%AD.html?id=PzYEQAQAAIAAJ&redir_esc=y [accessed: 26.04.2023].
3. Hu Shiyun. A study of Chinese kinship terms. 2007. Available from: https://books.google.ru/books/about/%E6%B1%89%E8%AF%AD%E4%BA%B2%E5%B1%9E%E7%A7%B0%E8%B0%93%E7%A0%94%E7%A9%B6.html?id=M45JAQAAIAAJ&redir_esc=y [accessed: 24.03.2023].
4. Thomas E.M. A New Look at Address in American English: The Rules Have Changed. 2002: 43–61. Available from: <https://ans-names.pitt.edu/ans/article/download/1651/1650> [accessed: 19.03.2023].

5. Zubrzycki J. Polish immigrants in Britain: A study of adjustment. The Hague: Martinus Nijhoff. 1956: 176. Available from: http://www.wenqujingdian.com/Public/editor/attached/file/20180620/20180620111055_51000.pdf [accessed: 20.03.2023].
6. Ervin-Tripp S. On sociolinguistic rules: Alteration and co-occurrence. In: Gumperz, J. and Hymes, D. (eds.). Directions in Sociolinguistics. New York: Holt; 1972. Pp. 213–250. Available from: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED019656.pdf> [accessed: 20.03.2023].
7. Resources for Neology Research. Available from: <http://ling.cuc.edu.cn/newword/showWordResult.aspx?page=4> [accessed: 03.03.2023].
8. Го Лихун. Сопоставительный анализ термина родства в русском и китайском языках. 2019: 108–111. Available from: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/219655/1/108-111.pdf> [accessed: 05.04.2023].
9. Yu Yuan, Han, Yong Su. Suggestions on Teaching Chinese as a Foreign Language to Popular Appellations on the Internet. 2021;(61):147–167. Available from: <https://www.kci.go.kr/kciportal/ci/sereArticleSearch/ciSereArtiView.kci?sereArticleSearchBean.articleId=ART002748141> [accessed: 10.04.2023].
10. Kamensky M. V. A Heuristic Approach to Extending the Cognitive Classification of English Discourse Markers. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*. 2018;4(57):143–150.
11. Butorina E. E., Kamensky M. V. Theoretical Foundations of Modelling the Concept “Friendship” as a Linguocultural Universal. *Vestnik Pyatigorskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2020;(3):89–93.
12. Martynov D. E., Glushkova S. Yu. Athanasius Kircher’ theory of the Chinese language appearance. *Kazan Linguistic Journal*. 2019;2(3):73–85.
13. Davletbaeva A.F., Fatkullina F.G. The semantic properties of the modal verbs 愿意 (yuànyì), 乐意 (lèiyì), 情愿 (qíngyuàn) in Chinese. *Kazan Linguistic Journal*. Казанский лингвистический журнал. 2020;3(2):5–18.

Автор публикации

Биньбинь Хуан –

Ассистент

Гуансицкий научно-технологический институт,
Чунцзо, Китайская Народная Республика
Email: bingbing.huang@yandex.com
<https://orcid.org/0000-0003-0156-2999>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14.05.2023

Одобрена после рецензирования: 30.06.2023

Принята к публикации: 5.07.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Bingbing Huang –

Assistant Teacher

Guangxi Institute of Occupational Technology,
Chongzuo, People's Republic of China
Email: bingbing.huang@yandex.com
<https://orcid.org/0000-0003-0156-2999>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 14.05.2023

Approved after peer reviewing: 30.06.2023

Accepted for publication: 5.07.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 372.881.111.1

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.355-365>

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯ “THE GUARDIAN”)**

A.Н. Быданцева

*Казанский филиал Российского Государственного Университета Правосудия,
Казань, Республика Татарстан, Россия
alsu_531@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8745-6515>*

Аннотация. Обилие политических выступлений в последние годы и существование многочисленных текстов общественно-политической тематики в качестве непременного атрибута современного информационного пространства детерминировали появление политического дискурса как комплексного лингвистического и культурного феномена. Каждый дискурс идентифицируется конкретными признаками: политический нарратив, языковые средства, структурная организация, социально-исторические реалии, политические деятели и их выступления, быстрая смена социально-политических событий, суггестивность, наконец, терминологичность. Безусловно, политические термины являются одним из ключевых признаков дискурса. Под термином подразумевается лексема или словосочетание, имеющее узкоспециализированное значение. Перевод политических терминов зачастую определяет концепцию и стратегию перевода всего политического текста. Учитывая тот факт, что существуют значительные различия не только между русским и английским языком, но и между строением политических систем, тексты СМИ вынуждены использовать лексические преобразования в процессе перевода политических терминов. Нами было проанализировано более ста пятидесяти примеров перевода терминов, представленных в интернет-версии британского издания The Guardian за 2018 год. Наиболее распространенными способами перевода, как было отмечено, оказались конкретизация, описательный оборот, калькирование, транслитерация, смысловое развитие и транскрибирование. Наиболее частотными методами перевода с английского на русский язык являются калькирование, транскрибирование и конкретизация. Преобладание данных трансформаций связано с тем фактом, что общественно-политическая лексика в большей степени является интернациональной, следовательно, такие способы перевода позволяют нивелировать национальные факторы восприятия информации и подчеркивают объективность переводчика. В частных случаях замены, опущения, конкретизации или использования описательных оборотов переводчик в большей степени руководствуется либо учетом грамматических особенностей языков (в первую очередь отсутствием равнозначных грамматических конструкций), либо ориентируется на исторический опыт русского народа и адекватность восприятия ситуации сквозь призму национального мировоззрения.

Ключевые слова: политический дискурс; политический термин; английский язык; русский язык; перевод; лексические трансформации

Для цитирования: Быданцева А.Н. Лексические трансформации при переводе общественно-политических терминов (на материале интернет-издания The Guardian). *Казанский*

лингвистический журнал. 2023;6(3): 355–365. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.355-365>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.355-365>

**LEXICAL TRANSFORMATIONS IN THE TRANSLATION OF
SOCIO-POLITICAL TERMS
(BASED ON THE MATERIAL OF THE ONLINE PUBLICATION
“THE GUARDIAN”)**

A.N. Bydantseva

Russian State University of Justice, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

alsu_531@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8745-6515

Abstract. The abundance of political speeches in recent years and the existence of numerous texts of a socio-political nature in direct connection with the life of the people have made it possible to distinguish a separate type of discourse – political. Like any type of discourse, the political one has a set of specific characteristics: a list of various linguistic means, fixation of actual socio-historical realities, a special vocabulary, suggestive potential of political speeches, mass character, terminology, etc. One of the most obvious signs of political discourse is the presence of political terms in it. Under the term in modern linguistics, it is customary to understand a word or phrase of a highly specialized topic. The translation of political terms often determines the concept and strategy of translating the entire political text. Taking into account the fact that there are significant differences not only between Russian and English, but also between the structure of political systems, media texts are forced to use lexical transformations when translating political terms. We have analyzed more than one hundred and fifty examples of the translation of terms presented in the online version of the British edition of The Guardian for 2018. From among the lexical transformations, we have identified the following: calcification, concretization, descriptive turnover, transliteration, omission, semantic development and transcription. The most frequent methods of translation from English into Russian are calcification, transcription and concretization. The predominance of these transformations is due to the fact that socio-political vocabulary is more international, therefore, such translation methods allow to level out national factors of information perception and emphasize the objectivity of the translator. In particular cases of substitution, omission, concretization or use of descriptive phrases, the translator is more guided either by taking into account the grammatical features of languages (primarily the absence of equivalent grammatical constructions), or is guided by the historical experience of the Russian people and the adequacy of the perception of the situation through the prism of the national worldview.

Keywords: political discourse; political term; English; Russian; translation; lexical transformations

For citation: Bydantseva A.N. Lexical Transformations in the Translation of Socio-political Terms (based on the Material of The Guardian Online Edition). *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(3): 355–365. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.355-365>

В свете острых социально-политических изменений в обществе на арену глобального мира в качестве ведущего языка политической коммуникации выходит английский язык, выполняющий роль медиатора в отношениях Запада и Востока. В любом случае тенденция глобализации постепенно сменяется стремлению многих государств к политической автономии и национальной идентификации, в этой связи все мировые политические заявления переводятся на национальные языки.

Политические речи максимально субъективны, поэтому зачастую возникают сложности с достоверной передачей не только содержания политических статей, но и сохранением аутентичной эмоциональной подачей материала.

Политические баталии, в первую очередь на вербальном уровне, анализируются не только политологами, но и психологами, профайлерами, лингвистами. Нарастающее внимание к политической коммуникации приводит к смещению вектора научного внимания на частные аспекты политического дискурса как явления комплексного и многогранного. Дипломатический дискурс, связанный с ведением переговорной деятельности, должен отличаться такими характеристиками как официальность звучания,держанность, нивелированная эмоциональная окраска, что предполагает не только знание соответствующих языковых средств выражения, но и владение навыками аргументированного изложения своей позиции. Сюда же можно отнести необходимость владения переговорными тактиками общения, и в целом «умение высокопрофессионально вести переговоры» [1, 63].

Политический дискурс стал объектом внимания многих ученых-лингвистов, в числе которых выделяются исследования, выполненные под руководством профессора А.П. Чудинова, в том числе известным является журнал «Политическая лингвистика» [2], включенный в перечень Высшей аттестационной комиссии. Тематика научных работ крайне многообразна: рассматриваются лингвистические особенности политического дискурса [3], особенности перевода политической терминологии и политических фразеологизмов [3], лек-

сические особенности политических речей [5] и другие, принятые во внимание при проведении данного исследования.

Целью работы стал анализ перевода общественно-политической терминологии, представленной в британском официальном интернет-издании The Guardian [6] и его русскоязычной версии [7]. Новизна исследования обусловлена тем фактом, что для анализа взяты статьи, опубликованные в 2018 году, в допандемическую эпоху и в отсутствие политических кризисов, что может позволить сделать максимально объективные выводы об общих тенденциях в переводе политических терминов.

Исходя из представлений, что политическая терминология является отличительной чертой политического дискурса, то стоит дать определение последнему. Под политическим дискурсом, вслед за С.В. Кузьминой, стоит понимать «особый язык политики, представляющий этот мир» [4, с. 12]. Е. И. Шейгал в своих работах подчеркивает, что «политический дискурс представляет собой своеобразную знаковую систему, в которой происходит модификация семантики и функций разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий» [8]. Все перечисленные определения позволяют говорить не только о частном дискурсе, но и о «языке» политики, который, безусловно, должен обладать набором специфических характеристик, рефлексивно отражающихся на семантике терминов.

Язык политиков одновременно призван быть доступным широким массам населения благодаря использованию общеупотребительной терминологии, в то же время внутриполитическая борьба обязывает быть осведомленным и соответствовать уровню народного представителя. И специальные, и общеупотребительные термины представляют собой «слова или словосочетания, обозначающие понятие из какой-либо области знания» [9, с. 340].

В лингвистике на данный момент существует так называемая модель «идеального термина», которая заключается в соответствии нескольким коммуникативным установкам: «термины должны быть всегда однозначны» [10, с.

45]; «термин не должен быть полисемичным, амонимичным, синонимичным» [7, с. 67].

Основанием для выделения политических терминов является особая сфера их функционирования и противопоставленность общеполитической лексике [11, с. 228].

Не всегда можно разграничить политическую терминологию и общеупотребительную лексику, которая употребляется в политическом контексте, поскольку политика – это сама жизнь общества, затрагивающая быть, здравоохранение, образование, экономику и другие сферы.

Однако существуют классификации политических терминов, в числе которых та, что выделил немецкий ученый В. Дикманн:

- институциональную: *abdication* – отказ от полномочий, *Parlament* – парламент, *sanctions* – санкции, *armaments* – вооруженные силы, *attempted military coup* – неудавшийся военный переворот, *bipartisan* – двухпартийный);
- профессиональную: *Labour Party* – Лейбористская партия, *deputy prime minister* – заместитель премьер-министра, *federal government bodies* – органы федерального правительства, *ambassador* – посол, *dictator* – диктатор);
- идеологическую: «*Black Lives Matter*» – жизни черных имеют значение, *genocide* – геноцид, *socialism* – социализм, *kin countries* – братские страны, *communism* – коммунизм) [13, с. 78].

Несомненно, суггестивный потенциал политические тексты реализуют посредством идеологической лексики, поскольку именно она в формате ключевых слов призвана влиять на умы и настроения людей. Такими маркерами могут стать неологизмы, характерные для данной политической эпохи, либо общеупотребительная лексика, обретающая в рамках политического дискурса новые значения.

Так, ключевыми словами интерковидной политики стали лексемы: *pandemic*, *Covid-19*, *self-isolation*, *post-truth*, *Wuhan virus*, *vaccination* и другие.

Любой иноязычный текст при переводе способен подвергаться трансформациям, если они оправданы. Л.С. Бархударов определял их как качественные преобразования в рамках межъязыкового взаимодействия, прибегают к которым с целью достичь эквивалентности «вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [13, с. 342].

Предметом данного исследования стали лексические трансформации при переводе общественно-политических терминов, суть которых заключается в замене некоторых лексем и лексемных сочетаний языка оригинала на лексические единицы языка перевода, которые не являются их эквивалентами и зачастую имеют иное толкование. Лексические трансформации достаточно многочисленны, поэтому нельзя говорить об однозначной и единственной их классификации, однако в нашей работе в числе 100 проанализированных примеров перевода политических терминов, полученных методом сплошной выборки, были отмечены калькирование, транслитерация, конкретизация, описательный оборот, опущение, а также прием смыслового развития.

Итак, *калькирование* является одним из самых распространенных приемов перевода: “It promises to be one of the most complicated *negotiations* in history” [6]. «*Переговоры* может ожидать абсолютный крах, и Британия, возможно, уйдет без единой сделки» [7].

Некоторые примеры калькирования сопровождаются усилением эмоционального эффекта за счет дополнительных атрибутивов: “There are even signs of British softening over the need to allow some degree of *ongoing immigration* for economic reasons” [5]. «Есть даже признаки того, что Британия пойдет на уступки и допустит определенный уровень *постоянной иммиграции* по экономическим причинам» [7].

Часто используемым приемом перевода политических терминов также является *конкретизация*, которая уточняет одно из значений термина, которое должно быть актуализировано: “Privately, however, many *officials* regard this as

one of the easier issue store solve” [6]. «Однако, в частном порядке, многие **должностные лица** называют это одним из самых простых вопросов» [7].

Важными для британского общества являются традиционные ценности, в следующем примере конкретизируется именно это понятие: “Instead it is hidden in the minds of many Russians, in how they perceive history, and how they relate to **fundamental values**” [6]. «Он в головах огромного количества граждан России, в их привычном отношении не только к собственной истории, но и к важнейшим **этическим ценностям** современного мира» [7].

Одним из распространенных приемов лексической трансформации является *описательный оборот*, который применяется для перевода терминов с национально-культурным компонентом значения: “So we started a **civic movement that humanises the victims**” [7]. «Поэтому мы создали **гражданское движение, которое рассказывает о реальных людях за статистикой жертв**» [7].

Многие политические термины получили свой статус и семантическое наполнение исключительно в английском языке и существуют как лакуны, при переводе подобных единиц прибегают к приемам *транслитерации*, однако стоит отметить, что понимание таких терминов требует минимальных фоновых лингвокультурных знаний: “Subsequent **Downing Street** talk of special carve-outs for prized industries, such as financial services and car manufacturing...” [5]. «Последующие разговоры на **Даунинг-стрит** о специальных исключениях для ценных отраслей, таких как финансовые услуги и производство автомобилей...» [5].

Еще одним ярким примером транслитерации может служить термин **«BREXIT»**, образованный из сочетания слов «BRitain» и «EXIT», который дословно можно перевести как «Выход Британии», речь идет о Европейском Союзе, членом которого до недавнего времени было и Соединенное Королевство. Термин в настоящее время потерял свою новизну и все меньше встречается в политических высказываниях.

К приему *опущения* прибегают в том случае, когда наблюдается семантическая избыточность фразы или словосочетания, при этом пропущенные лексемы могут легко восстанавливаться из контекста: “With many more such individuals in the UK than there are Brits in the EU, there should be *political pressure* for a reciprocal deal from the continent” [6]. «Поскольку в Великобритании таких людей гораздо больше, чем британцев в ЕС, континент должен оказывать *давление*, чтобы достичь соглашения» [7].

Смыслоное развития как одна из видов лексических трансформаций представляет собой расширение контекста, путем которого передается английский политический термин. Прибегают к нему зачастую при переводе политической метафоры и метонимии, которые основаны на ассоциативных связях, не свойственных русскому языковому сознанию.

Зачастую смысловое расширение может осуществляться в форме замены предметного значения признакомым или процессуальным, или наоборот: “*A sea of red or yellow*, and Putin's press managers were concerned about *Russia's international standing*” [6]. «*Поскольку тогда больше всего пометок были красного и желтого цвета*, пресс-представители Путина были обеспокоены *образом России на международной арене*» [7].

Статистический подсчет позволил выявить наиболее употребительные лексические трансформации, к которым прибегают в русскоязычной версии официального издания The Guardian.

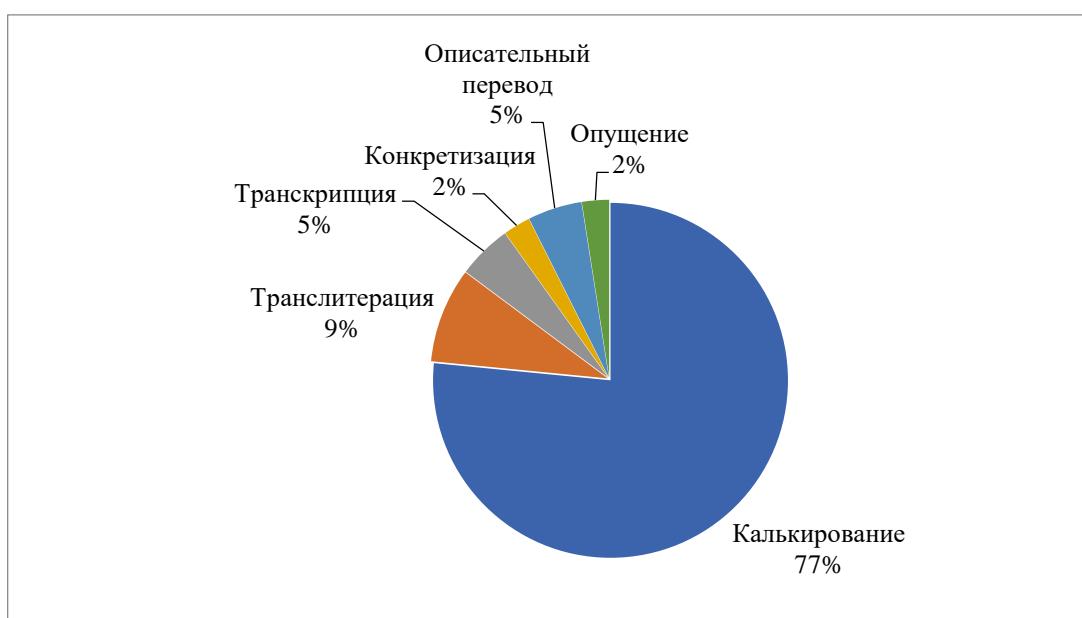

Рис. 1. Лексические трансформации, используемые при переводе политических терминов в The Guardian

Наглядно продемонстрировано, что наиболее распространенными трансформациями являются транслитерация, калькирование и описательный оборот. Распространенность двух первых можно объяснить тем фактом, что большинство политических терминов носят интернациональный характер, поэтому их значение понятно иногда и без перевода. Описательный оборот необходим в том случае, когда у политического термина слишком емкое значение, которое необходимо расширить в языке перевода.

Опущение стало наименее популярным лексическим методом перевода, поскольку потеря иногда даже одной лексемы при переводе в политическом дискурсе приводит не только к коммуникативной неудаче, но и к неправильному восприятию идеологического посыла.

Так или иначе, лексические трансформации при переводе политических терминов с английского языка на русский применяется достаточно часто, возможно, в следствии различий в политическом устройстве двух стран, богатого исторического прошлого стран, которые часто не вмещаются в семантические пределы политических терминов.

Список литературы

1. Сакаева Л.Р., Евсюкова А.В. Формирование и процесс пополнения семантического поля «дипломатия и внешняя политика» в английском и русском языках в сопоставительном аспекте. *Казанский лингвистический журнал*. 2020;2(3):57–70. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.2.57–70.
2. Политическая лингвистика. URL: <https://politlinguistika.ru/> [дата обращения: 10.09.2022].
3. Забело Т.В. *Лингвистическая специфика политического дискурса*: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Москва; 2012.
4. Кузьмина С.В. Политический дискурс как неотъемлемая часть политической коммуникации. *Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия: социология, политология*. 2011;11(2):54–56.
5. Крючкова Т.Б. *Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии*. М.: Наука; 1989.
6. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/mar/07/russia-yet-to-recover-from-stalin-era> [дата обращения: 9.09.2022].
7. *Гардиан*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/mar/07/russia-stalin-putin-guilt-victims> [дата обращения: 9.09.2022].
8. Шейгал Е.И. *Семиотика политического дискурса*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград; 2000. URL: www.lib.ua-ru.net/diss/_cont/94853.html [дата обращения: 7.10.2022].
9. Щукин А.Н. *Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц*. М.: Астрель: АСТ: Хранитель; 2007.
10. Кияк Т.Р. *Лингвистические аспекты терминоведения*: Учеб.пособие. Киев: УМКВО; 1989.
11. Нестерова Я.А., Чернуха Т.В. Термин и терминология. Политическая лексика. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2008;3:226–236.
12. Гейбатова Н.А. Особенности перевода общественно-политического лексикона. *Филологические науки в России и за рубежом: материалы IV Междунар. науч. конф.* Санкт-Петербург: Свое издательство. 2016:76–79.
13. Бархударов Л.С. *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. М; 2005.

References

1. *Political Linguistics*. Available from: <https://politlinguistika.ru/> [accessed 09/09/2022]. (In Russ.)
2. Zabelo T.V. *Linguistic specificity of political discourse*: Abstract of the thesis. ... candidate of philological sciences. Moscow; 2012. (In Russ.)
3. Kuzmina S.V. Political discourse as an integral part of political communication. *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: sotsiologiya, politologiya*. 2011; 11(2):54–56. (In Russ.)
4. Kryuchkova T.B. *Features of the formation and development of socio-political vocabulary and terminology*. M.: Nauka; 1989.
5. *The Guardian*. Available from:<https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/mar/07/russia-yet-to-recover-from-stalin-era> [accessed 09/09/2022]. (In Eng.)
6. *The Guardian*. Available from:<https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/mar/07/russia-stalin-putin-guilt-victims> [accessed 09/09/2022]. (In Russ.)

7. Sheigal E. I. *Semiotics of political discourse*: Author. dis. Dr. Philol. Sciences. Volgograd; 2000. Available from: www.lib.ua-ru.net/diss/cont/94853.html [accessed 07.10.2022]. (In Russ.)
8. Schukin A.N. *Linguodidactic encyclopedic dictionary: more than 2000 items*. M.: Astrel: AST: Khranitel'; 2007. (In Russ.)
9. Kiyak T.R. *Linguistic aspects of terminology*. Ucheb. posobiye. Kyiv: UMKVO; 1989. (In Russ.)
10. Nesterova Ya.A., Chernukha T.V. Term and terminology. Political vocabulary. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2008;(3):226–236. (In Russ.)
11. Geibatova N.A. Features of the translation of the socio-political lexicon. *Philological Sciences in Russia and Abroad: Materialy IV Mezhdunar. nauch. konf.* St. Petersburg: Own publishing house. 2016:76–79. (In Russ.)
12. Barkhudarov L.S. *Language and translation (Issues of general and particular theory of translation)*. M; 2005. (In Russ.)

Автор публикации

Быданцева Алсу Нурисламовна –
старший преподаватель
Казанский филиал Российского
Государственного Университета Правосудия
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: alsu_531@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8745-6515>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 20.02.2023
Одобрена после рецензирования: 1.03.2023
Принята к публикации: 15.03.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Bydantseva Alsu Nurislamovna –
Senior Lecturer
Russian State University of Justice
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: alsu_531@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8745-6515>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 20.02.2023
Approved after peer reviewing: 1.03.2023
Accepted for publication: 15.03.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.512.161

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.366-375>

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ОСОБЕННОСТЕЙ
ПЕРЕВОДА УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В РОМАНЕ**

3. ЛИВАНЕЛИ «СЧАСТЬЕ»

Л.И. Манькова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия
Liana-23-23@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-3492-061X

Аннотация. Художественная литература – неотъемлемая часть культуры каждого народа, показатель многообразия и богатства языка, а также исторической и ментальной особенностей того или иного языка или нации. Художественное произведение – не только текст, повествующий о произошедших событиях или описание личностей и явлений, а прежде всего ход мыслей, уроки жизни, красота языковых оборотов и возможности передачи эмоций и переживаний при помощи слов. С этой точки зрения представляет интерес перевод произведений художественной литературы с языка оригинала на иностранный, особенно разноструктурный язык. Задача переводчика – не только перевод лексики, но и передача смыслов устойчивых выражений, шуток, моментов, описывающих особенности народа, отражающих культурные и исторические ценности. В этой статье рассматриваются примеры из романа современного турецкого писателя Зульфю Ливанели «Счастье» (на турецком: Zulfü Livaneli “Mutluluk”) и сопоставляются лингвокультурные аспекты перевода художественного текста на примере разноструктурных языков. Изучая лингвокультурные концепты в их разнообразии мы подходим к репрезентации национальной картины мира о системе ценностей и моделей поведения носителей того или иного языка.

Ключевые слова: художественная литература; турецкая литература; перевод; культурный код; турецкий язык

Для цитирования: Манькова Л.И. Лингвокультурный подход к анализу особенностей перевода устойчивых выражений в романе З. Ливанели «Счастье». *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(3): 366–375. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.366-375>
Original article *Philology studies*

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.366-375>

**LINGUOCULTURAL APPROACH TO THE ANALYSIS OF
THE PECULIARITIES OF THE TRANSLATION OF STABLE
EXPRESSIONS IN Z. LIVANELI'S NOVEL “HAPPINESS”**

L.I. Mankova

Kazan (Volga region) federal university, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Liana-23-23@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-3492-061X

Abstract. Literature is an integral part of the culture of every nation, an indicator of the diversity and richness of the language, as well as the historical and mental features of a particular language or nation. After all, a work of art is not only a text that tells about past events or a description

of personalities and phenomena, it is, first of all, a train of thought, life lessons, the beauty of language turns and the possibility of conveying emotions and experiences with the help of words. From this point of view, the translation of works of fiction from the original language into a foreign language is of interest. The task of the translator is not only the translation of vocabulary, but also the transfer of the meanings of set expressions, jokes, moments that describe the characteristics of the people, reflecting cultural and historical values. This article examines examples from the novel «Happiness» (in Turkish: Zülfü Livaneli “Mutluluk”) by the contemporary Turkish writer Zülfü Livaneli and compares the linguistic and cultural aspects of the translation of a literary text using the example of languages with different structures. Studying linguocultural concepts in their diversity, we approach the representation of the national picture of the world about the value system and behavior patterns of native speakers.

Key words: literature; Turkish literature; translation; cultural code; Turkish language

For citation: Mankova L.I. Linguocultural Approach to the Analysis of the Peculiarities of the Translation of Stable Expressions in Z. Livaneli's Novel “Happiness”. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(3): 366–375. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.366-375>

Литература на турецком языке сегодня вызывает большой интерес среди специалистов. Современные турецкие авторы идут в ногу со временем, отражая в своих произведениях самые острые общественные и социальные вопросы, делают акцент на конфликте реалий современного мира и традиций востока, обращаются к читателю с самыми насущными темами. Одним из популярных авторов в наши дни в Турции является известный многим Зульфю Ливанели (Zülfü Livaneli). Омер Зульфю Ливанели – разносторонняя личность, он успешный писатель, композитор, кинорежиссер, политический деятель. Ливанели – лауреат многочисленных турецких и международных премий; его песни и романы переведены на многие языки мира. В настоящей статье мы берем во внимание роман З. Ливанели «Счастье» (“Mutluluk”) [1]. Наибольший интерес для нас представляют лексические аспекты перевода этого романа на русский язык. Для их более детального изучения мы рассматриваем роман на языке оригинала и его перевод на русский язык в исполнении Надежды Емельяновой под редакцией Аполлинарии Аврутиной.

Роман описывает события, происходящие в Восточной Анатолии, а повествование идет от лица трех полярно разных героев. Мерьем – еще почти девочка, лишенная с детства любви и к тому же ставшая жертвой насилия, за что и должна поплатиться собственной жизнью. Джемаль – двоюродный брат Ме-

рьем, мужественный и сильный юноша, после прохождения войны ставший жестким и даже жестоким. И профессор Курудал – известный человек иуважаемый преподаватель, который в глазах всего общества ведет размеренную и богатую жизнь, забирая у жизни всё лучшее, однако даже жена не замечает его внутренних метаний в поиске себя и смысла своего существования. Ливанели мастерски поднимает в романе множество самых разных проблем и вопросов. Читатель словно рассуждает с автором и о политике, религии, традициях, и о внутренних человеческих демонах. Эти факты накладывают на текст повествования романа определенные особенности в виде примеси юго-восточного диалекта турецкого языка, и обогащают его обилием фразеологизмов, устойчивых оборотов, составных конструкций и т.д. Роман «Счастье» (“Mutluluk”) в данной статье рассматривается с точки зрения сравнительного анализа текста-оригинала на турецком языке и его перевода на русский язык с точки зрения передачи смыслов и культурных кодов между разноструктурными языками, какими являются турецкий и русский языки. При сопоставлении языков национальные и культурные различия особенно ярко проявляются на лексическом и фразеологическом уровнях, что мы продемонстрируем на некоторых примерах из текста романа и его перевода.

Так, например, часто используемое в турецкой разговорной речи вводное слово “*Kurban oldağum*” на русском не имеет аналогов и переводится в романе скорее описательным способом согласно контексту, как «беда мне». “,,*Kurban oldağum!*“ *diye yalvardı Meryem*“ [2, с.8]. Указанное предложение в переводе имеет вид: ‘«Беда мне», – Мерьем взмолилась птице Анка» [1, с. 6]. Похожая история с выражением – вводным словом “*ne olur*”, которое дословно переводится «что случится/будет» в тексте переводится как «что бы там ни было». “*Ne olur beni aşağı atma*” [2, с. 9]. «Что бы там ни было, только не бросай меня вниз» [1, с. 7].

Каждое художественное произведение, имеющее перевод на другой язык – кладезь для изучения и анализа приемов перевода, которые бы сохранили и

передали специфику семантики лексических единиц [3]. Сохранение культурного наследия народа и возможность его трансляции в другую культуру с минимальными потерями – одна из основных задач современности [4]. Поэтому далее в статье рассмотрим отдельные примеры из романа с их переводами для более наглядного анализа передачи смыслов из языка – оригинала на русский. “*Kendini ne kadar gözden düşmüştür, ne kadar terk edilmiş bir kadın hissedeceğini farketti*” [2, с. 88]. ‘Он очень хорошо представлял, насколько расстроит Айсель его письмо’ [1, с. 86]. Только одно это предложение максимально подчеркивает разноструктурность турецкого и русского языков, и показывает, насколько меняется вид предложения при переводе. Особенностью тюркских языков, в частности турецкого, является факт нахождения сказуемого в конце предложения. Сказуемое определяет временные рамки действия, лицо и число действующего, тем самым основной смысл турецкого предложения оказывается в самом конце. В русском языке упомянутые особенности объекта действия, как правило, раскрываются уже в начале предложения. Глагол “*farketti*”, который буквально переводится «осознавал», передан как «представлял». Фразеологизм “*gözden düşmüştür*” (букв.: «упавший с глаз»), – «впадать в немилость, потерять положение/авторитет» и глагол “*terk edilmiş*” («брошенный, оставленный»), являющиеся однородными членами, вовсе опущены из перевода и заменены на единственный глагол «расстроит». К тому же, в русский вариант предложения внесена информация про некое письмо, о котором нет речи в турецком тексте. Видим, что при сопоставлении языков различия на грамматическом и лексическом уровнях отражаются очень ярко.

“*Abiyi bir yerden gözü isırıyordu, tanıယacak gibiymi sanki*” [2, с. 102]. «Всю дорогу пожирал «старшего брата» глазами...» [1, с.98]. Здесь глагол передан в форме, несколько искажающей контекст, так как устойчивый глагол “*gözü isirmak*”, имеет буквальный смысл «глаза кусают», следовало переводить как «быть в попытке вспомнить, припомнить», а не ‘пристально смотреть, пожирать взглядом’. Продолжение этого же предложения “*tanyacak gibiymi sanki*”

переводится ‘словно вот-вот узнает, вспомнит’, таким образом переводчик сохраняет контекст. Касательно распространенного обращения к мужчине “*abi*”: в первом смысле это «старший брат», это можно проследить по переводу, однако стоит отметить, что данное обращение не всегда указывает на родство, а является вариантом обращения к мужчине, более старшему по возрасту, именно такой контекст мы видим в романе «Счастье».

Интересно проанализировать перевод с турецкого языка на русский пословиц и поговорок. Турецкий язык – образный, и поговорки используются очень часто как в разговорной речи, так и в литературе. “*Nuh diyor peygamber demiyor*” (досл. «говорит Ной, а пророком не называет») [2, с.78]. В переводе читаем «сказав «А», не говорит «Б»» [1, с.77], такой перевод не является аналогом пословицы, а принятая в русском языке версия звучит «Сказал А, говори Б» в значении ‘начал о чем-то говорить, так и договаривай до конца, не утаивай’. По контексту мы ищем смыслы, которые отражали бы характер упрямых и настырных людей, не готовых отказываться от своих убеждений и принимать чужую точку зрения. Здесь прослеживаем разницу в трактовке религиозных книг и личностей, упомянутых в них. Ной – ветхозаветный праведник, в то время как в исламской традиции Ной (Нух) является первым из пяти великих пророков и посланников Аллаха к людям. Подобные примеры мы встречаем на всем протяжении романа. “*Meryem Ana başta olmak üzere bütün ulu, kutsal kişileri, bütün yatırları yardımına çağırıldı*” [2, с.57]. Перевод этого предложения в романе: «Мерьем призвала на помощь всех святых угодников во главе с Богородицей» [1, с.56]. “*Meryem Ana*” в буквальном переводе «мать – Мерьем» в исламской традиции, безусловно, почитаема, она – мать пророка Исы, в то время как Богородица в христианской вере является родительницей Бога. Иисус (пророк Иса в исламе) упоминается в романе. “*İsa: „Her şey sevgdir“ demişti*” [2, с.63]. «Иисус говорил: „Всё – любовь“» [1, с.61]. На этих примерах мы сталкиваемся не только с разницей в передаче имен собственных, центральных фигур в двух культурах, но и с национально-культурной спецификой языков, своеобра-

зием образа мира в разных языках, которая отражается на всех сферах жизни. Приведем следующие цитаты из романа “Mutluluk” («Счастье»), где упоминаются исторические или религиозные имена, так же их роль в контексте традиций и обычаев определенных народов. В тексте встречаем описание интересного и характерного для восточной части Турции (и других тюркских народов) обычая: “*Kızlar havaya içuyor, kümes hayvanları konuşuyor, yatırlara yapılan ziyaretler, orada ağaca bağlanan çaputlar, Hıdrellezde edilen dualar ve bahçeye yapılan çamurdan evler mutlaka sonuç veriyor, Kadir Gecesi dilekleri kabul olunuyordu ama bir tek Meryem göremiyordu bunları*” [2, с.53]. Длинное турецкое предложение разбито на несколько в русском варианте текста и выглядит так: «Казалось, в селе только Мерьем не видит чудес. Все девушки летали по воздуху, говорили с домашними животными. Визиты к мазарам святых, привязанные к деревьям ленты, молитвы святому Илье, построенные из глины домики в саду – всё это обязательно давало свои результаты, и загаданные в ночь Предопределения желания, конечно, исполнялись» [1, с .52]. Перевод данного отрывка интересен, как грамматически, так и лексически. При переводе произошла инверсия, и строки про Мерьем, с которой не случаются чудеса в особенный день, оказались в начале абзаца. С лексической точки зрения есть особенности в строчке “*kümes hayvanları konuşuyor*” («живность в курятнике разговаривает»): этот момент переведен как «Девушки говорили с домашними животными», однако следует подчеркнуть, что по поверьям, животные обретают эту способность только в ночь Хыдырлез. Так же необходимо сделать акцент на слове «мазары», переведенном с турецкого “*yatar*”, которое означает «место захоронения мусульманских авлия (святых). Однако более привычно использование «*mezar*», имеющего перевод «могила». «Мазары» в данном контексте передают колорит праздника, важность традиции посещения кладбищ, хотя в традиционной исламской культуре могилы не были объектом поклонения [5]. В данном отрывке речь идет о весеннем празднике Хедерлез, отмечаемом многими тюркскими народами. Мусульмане отмечают этот день как встречу проро-

ков Хидра и Ильи на земле. Это древний тюркский праздник земледелия, посвященный завершению весенних полевых работ и отгона скота на летние пастбища. Он символизирует наступление тепла и приход лета. Название «Хыдырлез» происходит от имен двух мусульманских святых – Хыдыра и Ильяса. Праздник отмечают танцами, песнями и играми, разжигается костер, через который прыгают мужчины, а после – все женщины и девушки. В этот день принято загадывать желания, привязывая ленточку на ветку дерева, поскольку Хыдырлез – символ плодородия, богатства и благополучия [5]. Христианская разновидность этого праздника – День св. Георгия – отмечается на Балканах, особенно в районах, которые к началу 17 века перешли под контроль Османской империи. Немаловажным фактом является упоминание “Kadir Gecesi” – «Ночи Предопределения», или праздника в конце девятого месяца Рамадан; в этот праздник принято просить прощения у Всевышнего за грехи и читать Коран.

Подобные культурные коды, в виде праздников, обычаем, традиций и т.д., требуют не только дословного или буквального перевода, но и достаточно детального пояснения, так как сопоставление безэквивалентной лексики оригинала (именно такими являются Хыдырлез, ночь Предопределения и вышеупомянутые имена святых и пророков) и перевода художественной литературы представляют собой своеобразный ключ к пониманию языковой и культурной картины мира автора [6].

В этом ключе стоит рассмотреть и пример устойчивых турецких пожеланий и их перевод на русский язык, так как поздравления и пожелания чаще всего содержат в себе отголоски менталитета, исторических потерь и отражают актуальные потребности народа или местности. В романе отец встречает прибывшего домой сына-военного и желает ему: “*Allah senin yüzünү iki cihanda da ak etsin evladim!*“ [2, с. 114]. (букв. «Пусть Аллах твое лицо в обоих мирах сделает чистым, белым, дитя мое!»). Видим традиционное упоминание Аллаха в пожелании, ведь всё происходит только по его воле. Чаще всего пожелания несут мотив благословления от Всевышнего [7]. Данное пожелание передает

эмоцию гордости своим ребёнком, желания достичь блага в двух мирах. На русский язык фраза переведена, как «*Да будет доволен тобою Всевышний в обоих мирах*» [1, с.109–110]. Автору и переводчику удалось подчеркнуть чувства любящих, преисполненных гордости и благодарности родителей. В продолжение мысли нужно отметить и обращение, с которым встречают вернувшегося с места военных действий солдата: “*Aslanım!*“ [2, с.115], что в буквальном переводе означает: «*Мой лев!*» [1, с.110]. Таким образом в турецком языке подчеркивается мужество, храбрость и честь молодого героя. Говоря об обращениях к любимым людям, в русском языке мы привыкли к словам «зайка», «котенок», «крыбка», «птичка». В турецком языке в этом контексте могут встречаться совсем неожиданные названия животных. “*Koçum*“ или «*мой баран*» - обращение к смелому и достойному мужчине, а при желании сделать комплимент красивой, статной женщине, можно сравнить ее с лошадью – “*at gibi*“ [8]. Конечно, эти и подобные обращения в каждом языке формируются на протяжении многих лет, опираясь на исторические события, географию обитания, тип ведения хозяйства, образ жизни народа – носителя этого языка [9].

На примере фразеологизмов, поговорок, непереводимой лексики в контексте традиций и обычаев, а также именам собственным, известным в определенных культурах и народах, пожеланий-обращений мы провели краткий экскурс по роману Зульфю Ливанели «Счастье» (Zülfü Livaneli “Mutluluk“), сравнили перевод этих аспектов с турецкого языка на русский. Выяснили, что переводчик чаще всего выискивает максимально приближенные к оригиналу смыслы и варианты передачи сложно переводимых выражений и оборотов [10]. В ситуациях, когда это оказывается невозможным, используется метод описания явления или процесса; для терминов, не имеющих перевода, возможен вариант транслитерации [11]. Делая вывод, можем сказать, что перевод произведения с одного языка на другой – процесс трудоемкий, требующий от переводчика не только знаний грамматики, морфологии, синтаксиса языка, а также глубинных

познаний в области истории, культуре, искусстве, быта и менталитета нации, которая говорит на языке оригинала художественного произведения.

Список литературы

1. Ливанели З. *Счастье*. Москва: Эксмо; 2018.
 2. Livaneli Z. *Mutluluk*. İstanbul: Doğan Kitap; 2019.
 3. Хабибуллина Э.К., Чжу Сун Мен. Синтаксические трансформации при переводе художественных произведений с корейского на русский язык на примере перевода. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(2):198–210. URL: <http://kaz-linguo-journal.ru/index.php/linguo/article/view/347/275>
 4. Маслова В.А. *Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений*. М.: Академия; 2001. 208 с.
 5. Воробьев В.В. *Лингвокультурология*. М.: Изд-во РУДН; 2008.
 6. Комиссаров В.Н. *Лингвистика перевода*. Москва: Либроком; 2017.
 7. Albayrak N. *Türkiye Türkçesinde Atasözleri*. Kapi Yayınları 184, Temmuz; 2009.
- (На тур. яз.)
8. Терещенкова И.И. Концепт «Мужчина» в турецкой, английской и русской лингвокультурах (опыт исследования институционально значимых для этнической картины мира концептов). *Вестник НГУ*. 2007; 5(2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-muzhchina-v-turetskoy-angliyskoy-i-russkoy-lingvokulturah-optyt-issledovaniya-institutsionalno-znachimyh-dlya-etnicheskoy/viewer> [дата обращения: 03.09.2023].
 9. Тер-Минасова С.Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. URL: <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/ter-minasova-lang-and-icc/ter-minasova-yazik-i-mkk-BOOK.pdf> [дата обращения: 03.09.2023].
 10. Казымова Л.А. Язык и культура: к вопросу о специфике лингвокультурологии. *Филология и лингвистика*. 2018; 3 (9): 19–22. URL: <https://moluch.ru/th/6/archive/107/3767/> [дата обращения: 03.09.2023].
 11. Куртиев Р.И. Календарные обряды крымских татар. *Крымское учебно-педагогическое государственное издательство*. 1996;3(12):144–147.

References

1. Livaneli Z. *Happiness*. Moskva: Eksmo; 2018. (In Russ.)
2. Livaneli Z. *Mutluluk*. İstanbul: Doğan Kitap; 2019. (In Turk.)
3. Khabibullina E.K., Ju S. Syntactic Transformations on the Example of Trans-lating a Literary Work from Korean to Russian. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(2):198–210. Available from: <http://kaz-linguo-journal.ru/index.php/linguo/article/view/347/275> (In Russ.).
4. Maslova V.A. *Linguoculturology: Textbook for students of higher educational institutions*. M.: Akademija; 2004. 208 p. (In Russ.)
5. Vorobyev V.V. *Lingvokulturalogiya*. Moskva.: Izdatelstvo RUDN, 2008. (In Russ.)
6. Komissarov V.N. *Translation linguistics*. Moskva: Librokom; 2017. (In Russ.)
7. Albayrak N. *Türkiye Türkçesinde Atasözleri*. Kapi Yayınları 184. Temmuz; 2009. p. 1140. (In Turk.)
8. Tereshchenkova I.I. The concept “Man” in Turkish, English and Russian linguocultures (the experience of researching concepts that are institutionally significant for the ethnic picture of the world). *Vestnik NSU*. 2007;5(2). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-muzhchina-v-turetskoy-angliyskoy-i-russkoy-lingvokulturah-optyt-issledovaniya-institutsionalno-znachimyh-dlya-etnicheskoy/viewer> [accessed: 03.09.2023] (In Russ.)
9. Ter-Minasova S.G. *Yazik I mezhkulturnaya kommunikatsiya*. Available from: <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/ter-minasova-lang-and-icc/ter-minasova-yazik-i-mkk-BOOK.pdf> [accessed: 03.09.2023]. (In Russ.)

PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Mankova L.I. Linguocultural Approach to the Analysis of the Peculiarities of the Translation of Stable ...

Kazan Linguistic Journal. 2023; 6(3): 366–375

10. Kazymova L.A. Language and culture: to the question of the specifics of linguoculturology. *Filologiya i lingvistika*. 2018; 3(9):19–22. Available from: <https://moluch.ru/th/6/archive/107/3767/> [accessed: 03.09.2023]. (In Russ.)

11. Kurtiyev R.I. Calendar rites of the Crimean Tatars. *Krymskoe uchebno-pedagogicheskoe gosudarstvennoe izdatelstvo*. 1996;3(12):144–147. (In Russ.)

Автор публикации

Манькова Лиана Ильнуровна –
Старший преподаватель
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: Liana-23-23@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-3492-061X>

Author of the publication

Mankova Liana Ilnurovna –
Senior lecturer
Kazan federal university
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: Liana-23-23@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-3492-061X>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 26.03.2023

Одобрена после рецензирования: 20.04.2023

Принята к публикации: 25.09.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 26.03.2023

Approved after peer reviewing: 20.04.2023

Accepted for publication: 25.09.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Научная статья

УДК 81'272

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.376–387>

ПРИНЦИПЫ СМЫСЛОПОРЖДЕНИЯ И СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФОРМ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В ПОЛИМОДАЛЬНЫХ ЕДИНИЦАХ

T.B. Марченко

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия
tatiana-marchenko-25@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2779-4010>

Аннотация. Статья посвящена описанию принципов смыслопорождения в полимодальных текстах с учетом их семиотически осложненной природы и анализу форм прецедентности, актуализирующих интеракцию кодов и инкодирование смысла. Методологической основой исследования послужили семиотический, ноэматический, структурно-семантический и дискурсивный методы анализа. Описание кейсов референции к прецедентным феноменам осуществляется с опорой на комплексную ситуативную и лингвокультурную рефлексии коммуникативного акта.

Полипарадигмальный анализ предмета исследования потребовал уточнения понятийного аппарата и терминологических элементов, с привлечением которых описаны модели интеракции кодов в рамках полимодальной единицы. На основе контент-анализа полимодальных текстов (интернет-мемов) установлено, что прецедентность в медиапространстве актуализируется в вербальном, визуальном и аудиальном семиотических кодах. Ряд семиотических элементов (шрифт, композиционная геометрия, др.) претендуют на прецедентность формы. Охарактеризованы типы феноменов с точки зрения уровней когнитивного пространства (социумно-, национально-, универсально-прецедентные и фэд-феномены), а также дискурсивные формы актуализации прецедентности в полимодальных текстах. Выявлены и описаны критерии для анализа смыслопорождения в интернет-мемах, модели и типы интеграции кодов. На текстовых примерах продемонстрированы монокодовая и поликодовая модели интеракции семиотических кодов, а также типы смыслопорождения в каждой из них: консеквентный и интегральный. Проанализированы контексты, иллюстрирующие аллюзивные отсылки в разных семиотических кодах, и вариативность емкости смысла полимодальной единицы в зависимости от уровня социокультурной компетентности реципиента.

Ключевые слова: смыслопорождение; семиотический код; полимодальная единица; интернет-мем; прецедентный феномен; визуальный прецедентный феномен; массмедиийная коммуникация

Для цитирования: Марченко Т.В. Принципы смыслопорождения и специфика взаимодействия форм прецедентности в полимодальных единицах. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(3): 376–387. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.376–387>

PRINCIPLES OF SENSE GENERATION AND THE PECULIARITIES OF INTERACTION OF PRECEDENCE FORMS IN POLYMODAL UNITS

T.V. Marchenko

North-Caucasus Federal University, Russia, Stavropol

tatiana-marchenko-25@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2779-4010>

Abstract. The article describes sense generation principles in polymodal texts with account of semiotically complicated nature. It analyzes the forms of precedence actualized in code interaction and meaning encoding. Semiotic, noematic, structural-semantic and discursive analysis methods served the methodology for the study. The description of references to precedent phenomena is based on a complex situational and linguocultural reflection of a communicative act.

The polyparadigm analysis of the subject required clarification of the conceptual apparatus and terminological elements employed in specification of the models of code interaction within the framework of a polymodal unit. Based on the content analysis of polymodal texts (Internet memes), it is specified that precedence in the media space is encoded in verbal, visual and auditory semiotic codes. A number of semiotic elements (typeface, compositional geometry, etc.) convey the precedence of the form. The types of phenomena are characterized along with the levels of cognitive space (society-, national-, universal-precedent and fad-phenomena), as well as discursive forms of precedence actualization in polymodal texts.

The criteria for the analysis of meaning generation, models and types of code integration in Internet memes are identified and described. Text examples demonstrate monocode and polycode models of semiotic code interaction, as well as the types of meaning generation in each of them: the consequential and the integral ones. The contexts illustrating allusive references in different semiotic codes and the variability of the content of the meaning of a polymodal unit depending on the level of sociocultural competence of the recipient are analyzed.

Keywords: meaning generation; semiotic code; polymodal unit; Internet meme; precedent phenomenon; visual precedent phenomenon; mass media communication

For citation: Marchenko T.V. Principles of Sense Generation and the Peculiarities of Interaction of Precedence Forms in Polymodal Units. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(3): 376–387. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.376-387>

Различные подходы к пониманию медийности объединяют фокус на ее интерактивной природе, реализуемой в том или ином формате. Современные медиатексты во всем многообразии видов и жанров демонстрируют практически повсеместную конвергенцию разных семиотических кодов, особым образом структурирующих сообщение, обеспечивающих порождение и приращение смысла. Исследования полимодальных текстов обосновывают состоятельность интерпретации форм прецедентности через призму семиотической интеграции элементов [1] и мультимодального анализа [2]. Одним из широко распространенных семиотически осложненных текстов является интернет-мем – интегра-

тивный медиатекст, характеризующийся информативно-смысловой и прагматической открытостью.

Цель исследования состоит в выявлении принципов смыслопорождения в полимодальных текстах с учетом их семиотически осложненной природы и анализе форм прецедентности, участвующих в обозначенном процессе. Для достижения поставленной цели решается ряд исследовательских задач, а именно: 1) уточнение понятийного аппарата исследования; 2) контент-анализ форм прецедентности в полимодальных текстах; 3) классификация моделей смыслопорождения с опорой на взаимодействие семиотических кодов в полимодальных единицах; 4) выявление специфики референции к прецедентным феноменам в рассматриваемом типе текста. В качестве материала исследования послужили русскоязычные интернет-мемы, апеллирующие к эмоционально-чувственной сфере.

В основу методологии исследования легли положения по смыслостроению текста, выдвинутые в работах Г.И. Богина [3; 4] и концепция ноэматической структуры смыслопорождения С.Н. Бредихина. Ноэмы, трактуемые как трансцендентные многогранные образования – минимальные единицы смысла, формируют некоторую совокупность отношений и связей, обуславливающих смыслопорождение и смыслодекодирование. Главными условиями формирования и интерпретации смысла, по мнению С.Н. Бредихина, являются «ситуативность, субъективность, ноэматичность, модальность и интенциональность» [5]. Мы также разделяем предостережение исследователя в отношении переоценки и слепого следования «категоризующим схемам в распредмечивании смысла текста», так как они «не ведут к автоматическому усмотрению всех граней смысла» [6].

Полипарадигмальность заявленного предмета исследования обуславливает использование семиотического, структурно-семантического и дискурсивного методов анализа. В соответствии с выбранным подходом для выявления специ-

фики референции к прецедентным феноменам в рассматриваемом типе текста коммуникативный акт подвергался ситуативной и лингвокультурной рефлексии.

Изучение полимодальных единиц и функционирования в них прецедентных форм с семиотических позиций требует введения в понятийный аппарат таких компонентов, как дескриптор, ключ и узловая точка. Под дескриптором мы понимаем элемент, интродуцирующий семиотическую единицу для интерпретации. Семиотическая единица может быть вербализована (реплика, диалог или его имитация, др.), представлена графически (изображения разного формата) или аудиально (если это позволяет формат сообщения). Ключ, в свою очередь, это идентификатор вектора интерпретации предлагаемого сообщения, зашифрованный адресантом. Узловая точка интеракции кодов в нашем понимании – некоторая абстрактная точка, в которой сходятся информативные посылы элементов кодов, результат взаимодействия которых отражает семантику поликодовой единицы. Узловая точка представляет собой объект восприятия реципиента, оказывающийся в фокусе за счет максимальной прагматической нагрузки. В узловой точке встречают информативные каналы дескриптора контекста сообщения и ключа, задающего вектор интерпретации. Обозначенный контрапункт имеет абстрактную природу, которая, тем не менее, в некоторых контекстах может манифестироваться средствами того или иного кода (см., например, консеквентный тип). Смысл полимодальной единицы есть отражение семантики узловой точки / точек в сознании реципиента сообщения с опорой на его языковую и социокультурную компетентность, а также вертикальный и горизонтальный контекст.

Рассмотрение вопроса смыслопорождения в полимодальных текстах непосредственным образом связано с изучением взаимодействия форм прецедентности. Такие полимодальные тексты, как мемы, имманентным свойством которых является ироничная интерпретация того или иного факта / элемента действительности, пресуппозитивно воспринимаются как единицы, инкорпорирующие прецедентные элементы в авторском осмыслении. Вариативность ем-

кости смысла полимодальной единицы находится в прямой зависимости от включенности реципиента в актуальный экстралингвистический контекст и уровня его социокультурной компетентности. Контент-анализ современных полимодальных текстов позволяет сформулировать ряд наблюдений:

1. Прецедентность фигурирует в разных семиотических кодах: вербальном, визуальном и аудиальном. Медиапространство особым образом формирует круг актуальных прецедентных феноменов, участвующих в конструировании дискурсивных практик: инкорпорируя как новые – периферийные элементы, так и ядерные, которые в процессе референции обогащаются релевантными функциональными смыслами [7].

2. С точки зрения смыслопорождения, любой элемент поликодовой / полимодальной единицы имеет потенциал к смыслообразованию. В приоритете-ном порядке принято рассматривать вербальный код с точки зрения языкового выражения и невербальный код с точки зрения изображения. Наряду с обозначенными элементами, следует также выделить шрифт, цвет / цветовую схему, дизайн / шаблон, которые могут иметь реминисцентный характер, и, соответственно, обладают заложенным в них ассоциативным потенциалом и эстетической информацией. Некоторые семиотические элементы претендуют на прецедентность формы. Так, графическое оформление поликодовых текстов может иметь прецедентную форму как «с точки зрения использованных шрифтов, так и с позиции динамики композиционной геометрии» [8, с.509].

3. Для медиадискурса характерно наличие феноменов, ориентированных на разные уровни когнитивного пространства: социумно-, национально- и универсально-прецедентные. Целесообразно выделить фэд-феномены, под которыми мы понимаем явления, приобретающие максимальную популярность за короткий промежуток времени, вирально распространяющиеся в дискурсивном пространстве и так же резко теряющие актуальность (от англ. fad). К числу таких возможно отнести танец «флосс» (анимированный или исполненный человеком), покемона, YOLO (you only live once), фразу «Keep calm» и др. Не-

смотря на преходящий характер фэд-феноменов, обуславливающий их смену и потерю релевантности, обращение к некоторым из них может сохраняться при условии соответствия актуальному контексту, соответственно, потенциал прецедентности усиливается.

4. Дискурсивные формы актуализации прецедентности вариативны. К вербальным мы относим цитаты, аллюзии, парофразы, реминисценции и аппликации. В качестве визуальных форм, вслед за Л.А. Мардиевой, мы рассматриваем картиноподобные прецедентные образы [9, с.203]. Последние, вкупе с аудиальными формами (см. пример в Таблице 1), объективируются посредством как визуальных, так и вербальных аллюзий, обладают pragматическим потенциалом и требуют «включенности» в экстралингвистический контекст в процессе интерпретации.

Другие релевантные критерии для анализа смыслопорождения в мемах – модель, тип и степень интеграции кодов, обнаруживающие определенную зависимость от количества узловых точек их интеракции в рамках поликодовой единицы и количества кодов в каждом из взаимодействующих элементов. Рассматривая мем как поликодовую единицу, мы выделяем монокодовую и поликодовую модель интеракции в рамках данной единицы. В *монокодовой* модели каждый элемент мема представлен одним кодом, смыслопорождение имеет *консеквенческий* или *последовательный* тип, то есть один из элементов является дескриптором (Д), другой ключом (К):

(Д) вербальный → (К) невербальный,

(Д) невербальный → (К) вербальный.

В этом случае дескриптор ситуации (некоторый элемент, интродуцирующий контекст для интерпретации) представлен одним кодом, ключ (подсказка для вектора интерпретации) – другим кодом. Исходя из количества релевантных элементов, подобные мемы классифицируются нами как *бинарные*.

Таблица 1.

Интернет-мем «Я могу слышать изображение»

N п/п	Интернет-мем
1	<p>Я: Я МОГУ СЛЫШАТЬ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПСИХОЛОГ: НЕ НЕСИ ЕРУНДЫ</p> <p>Я:</p>

Структура мема в Таблице 1 представлена двумя элементами: вербальный дескриптор ситуации (гипотетический диалог с психологом) и визуальный ключ-аллюзия – изображение Сквидварда из мультсериала «Губка Боб Квадратные Штаны» (1999–2020), делающего шаг. Ходьба данного героя сопровождалась специфическим звуком, получившим в сети популярное название «звук шагов / ходьбы Сквидварда» [10]. Диалог открывается репликой адресанта с фактуальной пропозицией синестетического восприятия объекта. Ответ психолога носит оценочный характер и сводится к отрицанию подобного явления. Диалог заканчивается открытой репликой, требующей ответа. Данный факт позволяет рассматривать изображение как вариант этого ответа. Верbalный код манифестирует кульминацию – узловую точку. Обратим внимание на синестетический перенос, для актуализации которого выбран визуальный прецедентный образ, обеспечивающий репрезентативность вкупе с аудиальными ассоциациями.

В меме в Таблице 2 дескриптором является непосредственно картинка-отсылка к мему «Ой мама пришла», суть которого состояла в исчезновении части здания в онлайн-игре «Майнкрафт» и закадровой эмоциональной реакции

игрока, сопровождающейся громким криком [11]. Трактовка вербального кода («Спасибо за внимание!») в качестве дескриптора не представляется возможной в силу значения коммуникативного клише, предполагающего выражение благодарности за уделенное время. Изображение ассоциируется с досадной неудачей или несостоятельностью в решении какой-то задачи. Интерпретация контекстуальной семантики верbalного элемента мема возможна в варианте признания неудачи и желания оставить ситуацию.

Таблица 2.

Интернет-мем «Спасибо за внимание!»

N п/п	Интернет-мем
1	

Поликодовая модель организации интернет-мемов демонстрирует сложное взаимодействие кодов в одном или более элементах, а именно дескрипторе или ключе, например:

(Д) вербальный → (К) невербальный + вербальный,

(Д) невербальный → (К) вербальный + невербальный.

Данная модель представлены двумя типами взаимодействия кодов при смыслопорождении: *консеквентный* и *интегральный*.

Таблица 3.

Интернет-мем «Я один это слышу?»

N п/п	Интернет-мем
1	

В Таблице 3 представлен мем, имеющий вертикальную раскадровку на два элемента [12]. Верхний кадр-дескриптор содержит изображение отрезания куска пенопласта ножом, которое демонстрирует общечеловеческий опыт, но не является прецедентным ввиду отсутствия вторичной номинации. Нижний кадр представлен двумя кодами. Визуальный код – прецедентный образ-кадр из фильма медиафраншизы «Кинематографическая вселенная Marvel» с Доктором Стрэнджем, исполняющим обязанности Верховного мага Земли, и мастером мистических искусств Вонгом; выражение лиц отражает опасение и удивление. Вербальный код – реплика «я один это слышу?». Визуальная аллюзия, демонстрирующая недоумение персонажей, и фраза-пояснение служат ключом к интерпретации дескриптора.

В интегральном формате смыслопорождения интеракция кодов носит настолько тесный характер взаимодействия, что отделить один от другого, либо установить приоритетность одного из них не представляется возможным. К таким интегральным (или интегративным) поликодовым единицам мы относим модифицированные псевдонатуралистичные картинки с псевдоаутентичным

вербальным кодом. Например, в Таблице 4 угадывается обертка широко известного шоколада «Алёнка» фабрики «Красный Октябрь» [13]. Прецедентный визуальный образ видоизменен: лицо девочки заменено на образ героя К. Ривза из фильма «Матрица» (1999); вербальный элемент этого образа также модифицирован: надпись «Алёнка» стала объектом языковой игры и изменена на «Неонка» (Нео – имя персонажа К. Ривза из фильма «Матрица»).

Таблица 4.

Интернет-мем «Неонка»

N п/п	Интернет-мем
1	

Дескриптором в данном случае является прецедентный образ обертки, ключом – визуальные и вербальные прецедентные элементы модификации изображения. Интеграция семиотических кодов обеспечивает комплексное воздействие предлагаемого сообщения.

Результаты исследования смыслопорождения в полимодальных текстах позволяют сделать вывод о комплексном инкодировании смысла посредством нескольких семиотических кодов. С семиотической точки зрения основные модели смыслопорождения в интернет-мемах сводятся к двум видам: монокодовому и поликодовому, представленными несколькими подтипами интеракции семиотических кодов, а именно консеквентным и интегральным. Смысл полимодальной единицы представляет собой отражение семантики узловой точки / точек в сознании реципиента сообщения с опорой на его языковую и социокультурную компетентность, а также вертикальный и горизонтальный кон-

текст. Полимодальные тексты имеют потенциал к реализации аллюзивных референций в любом из задействованных семиотических кодов в формате цитат, аллюзий, парофраз, реминисценций, аппликаций, картиноподобных прецедентных образов и иных элементы, апеллирующих к прецедентности.

Список литературы

1. Позднякова Е.М., Блинова О.А. Пандемия Covid-19 в политических карикатурах американской прессы: опыт мультимодального анализа. *Научный диалог*. 2021;(1):48–62. URL: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-48-62>. [дата обращения 18.02.2023].
2. Lou A. Multimodal simile: The “when” meme in social media discourse. *English Text Construction*. 2017;10(1):106–131. URL: <https://doi.org/10.1075/etc.10.1.06lou>. [дата обращения 18.02.2023].
3. Богин Г.И. *Обретение способности понимать. Введение в филологическую герменевтику*. М.: Психология и Бизнес ОнЛайн; 2001.
4. Богин Г.И. Интендирование как одна из тактик понимания. *Вопросы методологии*. 1992;4:90–104.
5. Бредихин С.Н. Принципы и условия наличия и формирования смысла (смыслопорождающие механизмы). *Современные проблемы науки и образования*. 2013;(1). URL: <https://science-education.ru/tu/article/view?id=8484> [дата обращения: 18.02.2023].
6. Бредихин С.Н. Динамические «схемы действования» в порождении многомерного смысла. *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2013;6(73):84–88.
7. Марченко Т.В. Прецедентность в дискурсах медиапространства: к проблеме исследования вербальных и невербальных феноменов. *Гуманитарные и юридические исследования*. 2021;2:143–150. URL: <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.2.20>. [дата обращения 18.02.2023].
8. Марченко Т.В. Культурный ресайклинг советского в интернет-мемах: лингвосемиотическая интерпретация. *Гуманитарные и юридические исследования*. 2022;9(3):505–518. URL: <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.17>. [дата обращения 18.02.2023].
9. Мардиева Л.А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены). *Вестник Пермского университета*. 2011;3(15):202–207.
10. Интернет-мем «Я могу слышать изображение», 18.02.2023. URL: <https://smartik.ru/kazan/post/133965513> [дата обращения 18.02.2023].
11. Интернет-мем «Спасибо за внимание!», 18.02.2023. URL: <https://www.memearsenal.com/memes/ce2a252a5b91646721a3c8182c5412e3.jpg> [дата обращения 18.02.2023].
12. Интернет-мем «Я один это слышу?», 18.02.2023. URL: <https://www.anekdot.ru/id/1021253/> [дата обращения 18.02.2023].
13. Интернет-мем «Неонка», 18.02.2023. URL: https://i0.u-mama.ru/5e6/28a/57e/113599_t.jpg [дата обращения 18.02.2023].

References

1. Pozdnyakova E.M, Blinova O.A. The Covid-19 Pandemic in the Political Cartoons of the American Press: A Multimodal Analysis Experience. *Nauchnyi dialog*. 2021;(1):48–62. Available from: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-48-62>. [accessed 18.02.2023]. (In Russ.).
2. Lou A. Multimodal simile: The “when” meme in social media discourse. *English Text Construction*. 2017;10(1):106–131. Available from: <https://doi.org/10.1075/etc.10.1.06lou>. [accessed 18.02.2023].
3. Begin G.I. *Gaining the ability to understand. Introduction to philological hermeneutics*. Moscow: Psychology and Business Online, 2001. (In Russ.)

4. Bogin G.I. Intending as one of comprehension tactics. *Voprosy metodologii*. 1992;4: 90–104. (In Russ.)
5. Bredikhin S.N. Principles and conditions of sense existence and derivation (sense derivation mechanisms). *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2013;(1). Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8484> [accessed 18.02.2023]. (In Russ.)
6. Bredikhin S.N. Dynamic “schemes of action” in generating a many-sided sense. *Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki*. 2013;6(73):84–88. [accessed 18.02.2023]. (In Russ.)
7. Marchenko T.V. Precedence in media discourses: on the study of verbal and non-verbal phenomena. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovaniya*. 2021;2:143–150. Available from: <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.2.20>. [accessed 18.02.2023]. (In Russ.).
8. Marchenko T.V. Cultural recycling of the Soviet in internet memes: semiotic linguistic interpretation. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovaniya*. 2022;9(3):505–518. Available from: <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.17> [accessed 18.02.2023]. (In Russ.).
9. Mardieva L.A. Collective cultural memory of society (precedent visual images and phenomena). *Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology*. 2011;3(15):202–207. (In Russ.)
10. Internet meme «I can hear the image», 18.02.2023. Available from: <https://smartik.ru/kazan/post/133965513> [accessed 18.02.2023]. (In Russ.)
11. Internet meme «Thank you for attention!», 18.02.2023. Available from: <https://www.meme-arsenal.com/memes/ce2a252a5b91646721a3c8182c5412e3.jpg> [accessed 18.02.2023]. (In Russ.)
12. Internet meme «Am I the only one who can hear this?», 18.02.2023. Available from: <https://www.anekdot.ru/id/1021253/> [accessed 18.02.2023]. (In Russ.)
- Internet meme «Neonka», 18.02.2023. Available from: https://i0.u-mama.ru/5e6/28a/57e/113599_t.jpg [accessed 18.02.2023]. (In Russ.)

Автор публикации

Марченко Татьяна Владимировна –
кандидат филологических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет
Ставрополь, Россия
Email: tatiana-marchenko-25@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2779-4010>

Author of the publication

Marchenko Tatiana Vladimirovna –
Ph.D. in Philology, Associate Professor
North-Caucasus Federal University
Stavropol, Russia
Email: tatiana-marchenko-25@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2779-4010>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14.03.2023
Одобрена после рецензирования: 30.04.2023
Принята к публикации: 7.05.2023
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 14.03.2023
Approved after peer reviewing: 30.04.2023
Accepted for publication: 7.05.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

УДК 81'33

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.388-396>

**МЕТОДЫ ИЗВЛЕЧЕНИЯ ТЕРМИНОВ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ ПО НАПРАВЛЕНИЮ НАУКИ О ЗЕМЛЕ)**

T.C. Падерина

Иркутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,

Иркутск, Россия

jana-pad@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2603-6242

Аннотация. Статья посвящена описанию теоретических и прикладных положений первоначального этапа работы по автоматическому извлечению терминов из научных текстов. Данный этап работы является частью государственного задания научной лаборатории лингво-педагогических исследований по теме «Лингвосемиотическая гетерогенность научной картины мира: теоретическое и лингводидактическое описание». Цель исследования заключается в извлечении терминов из подготовленного корпуса научных текстов, относящихся к определенной предметной области. Для этого был использован корпус научных текстов по направлению Науки о Земле, подготовленный методом случайной выборки при помощи приложения Semantic Scholar. Извлечение терминов при помощи автоматической обработки текстов (АОТ) является перспективным направлением исследования, так как позволяет упростить процесс создания терминосистем или составления онтологии для узкоспециализированных предметных областей. В условиях быстро меняющегося потока информации данный вид работы с текстами, безусловно остается актуальным направлением и позволяет быстрее и эффективнее обрабатывать большие объемы материалов. Однако, необходимо отметить, что автоматическое извлечение терминов (АОТ) не всегда является точным и может содержать ошибки. Поэтому, важно проводить дополнительную проверку и корректировку полученных результатов. Перспективы исследования связаны с совершенствованием существующих инструментов автоматической обработки текстов (АОТ). Кроме этого, анализ извлеченных терминов позволил нам сформировать основу для дальнейших практических исследований по созданию цифрового продукта (цифровой модели определенных терминосистем) для хранения, систематизации и использования терминосистем по определённой узкоспециализированной предметной области.

Ключевые слова: терминология; извлечение терминов; тематическое моделирование; научная коммуникация

Для цитирования: Падерина Т.С. Методы извлечения терминов в научных текстах (на материале статей по направлению науки о земле). *Казанский лингвистический журнал.* 2023;6(3): 388–396. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.388-396>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.388-396>

**METHODS FOR TERMINOLOGY EXTRACTION IN SCIENTIFIC
TEXTS (BASED ON ARTICLES OF EARTH SCIENCES)**

T.S. Paderina

*Irkutsk Scientific Center of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia
jana-pad@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2603-6242>*

Abstract. The article describes the theoretical and applied provisions of the initial stage of work on automatic extraction of terms from scientific texts. This stage of the work is a part of the state assignment of the Scientific Laboratory of Linguistic and Pedagogical Research on "Linguosemiotic heterogeneity of scientific picture of the world: theoretical and linguodidactic description". The aim of the research is to extract terms from a prepared corpus of scientific texts relating to a particular subject area. For this purpose, a corpus of scientific texts in the field of Earth Sciences, prepared by random sampling using the Semantic Scholar application, was used. The term extraction by automatic text processing (ATP) is a promising area of research as it simplifies the process of creating terminology systems or ontologies for highly specialized subject areas. With the rapidly changing flow of information, this type of work with texts is undoubtedly still relevant and allows for faster and more efficient processing of large volumes of material. However, it should be noted that automatic term extraction is not always accurate and may contain some errors. Therefore, it is important to carry out additional verification and correction of the results obtained. Prospects for the study are related to the improvement of existing automatic text processing tools. In addition, the analysis of the extracted terms has enabled us to form the basis for further practical research into the creation of a digital product (a digital model of certain terminology systems) for the storage, systematization and use of terminology systems for a certain highly specialized subject area.

Keywords: terminology; terminology extraction; thematic modeling; scientific communication

For citation: Paderina T.S. Methods for Terminology Extraction in Scientific Texts (Based on Articles of Earth Sciences). *Kazan Linguistic Journal. 2023;6(3): 388–396. (In Russ.).* <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.388-396>

Стремительное развитие науки, применение цифровых технологий для работы с большим объемом данных определяет актуальность разработки и совершенствования методов сбора, хранения и обработки информации при помощи автоматических программ. В нашей работе мы рассматриваем интерфейсы, которые могут оказать помощь исследователям при работе с текстами научных статей (поиск статей соответствующего профиля, беглый просмотр для достижения понимания содержания, поиск ключевых слов, интеграция знаний, полученных при анализе статей, в свои исследовательские работы).

Принцип отбора тестов обусловлен задачами Государственного задания по теме «Лингвосемиотическая гетерогенность научной картины мира: теоретическое и лингводидактическое описание» (0275-2022-0001). Тексты должны быть научным (написанным с соблюдением норм академического дискурса), быть написанным на английском языке, кроме этого, мы добавили дополнительные параметры, а именно: текст должен быть не старше 5 лет и входить в

журналы группы Scopus (Q1) или Web of Science (WoS). Такой выбор позволяет допустить к выборке контексты, максимально соответствующие правилам письменной научной коммуникации.

Работа с научными текстами (как в прочем и с текстами других дискурсов, такими как художественный, политический и т.д.) для статистической работы и анализа проще рассматривать в синхронии, чем в диахронии, т.к. такой подход позволяет задействовать меньший объем текстов для выявление определенных закономерностей и не рассматривать такие факторы как исторические, социальные, политические и иные трансформации, которые оказывали влияние на формирование терминосистем. Изучение терминосистем в диахронии на данный момент недостаточно изученная тема. Вопрос о том, какие движущие силы стоят за терминологизацией, специализацией или лексическими изменениями в ограниченных областях, насколько нам известно, даже не затрагивался.

В нашей работе мы предприняли попытку описать результат анализа по извлечению терминологии в англоязычных научных текстах. В качестве материала для извлечения терминов был использован корпус статей за 2015–2022 гг. по направлению подготовки «Науки о Земле» из журналов *Landslides*, *Natural Hazards and Earth System Sciences*, *Journal of Geophysical research: Earth Surface*, *Geophysical Research Letters* и другие.

Анализируя терминологию в подмножестве текстов, отобранных методом случайной выборки через ключевые слова, мы надеемся сформировать основу для дальнейших эмпирических исследований узкопрофильной терминологии и создания программного продукта с целью хранения, систематизации и доступа к определённой терминосистеме в автоматическом режиме. Другими словами, цель работы – выявление цифровой модели для извлечения терминов в научных текстах на английском языке по определённому направлению подготовки и создание программного продукта (цифровой модели терминосистемы) с возможностью дальнейшего её совершенствования и автоматического пополнения.

Прежде чем перейти к решению задачи по распознаванию информации из текстов мы осуществили обзор существующих методов извлечения терминов, который показал три основных подхода:

1. Извлечение терминов на основании статистических показателей (вероятностный метод) [1]. Суть метода основывается на данных частотности встречаемости словосочетаний. То есть выделяются две или более лексические единицы, частота совместной встречаемости которых выше первоначально заданного уровня. Слабая сторона данного метода, которую мы отмечаем, – длина словосочетания, так как при увеличении длины термина, его частотность уменьшается.

2. Извлечение терминов на основе правил (rule-based). В основе заранее подготовленный исследователями свод правил (лингвистические шаблоны). Данный метод применяется с опорой на словари и онтологии, дает хорошую точность, но только для конкретного языка (в силу особенностей грамматики заданных языков).

3. Извлечение терминов при помощи алгоритмов машинного обучения (machine learning). Извлечение цепочек слов, которые могут быть терминами и дальнейшее определение границ данного термина. (тексты делятся на заданные интервалы или на интервалы с наибольшей частотностью совпадений). В рамках этого подхода применяются такие методы обучения с учителем (supervised), методы обучения без учителя (unsupervised), методы частичного обучения с учителем (bootstrapping). Чаще всего выбор останавливается на методе обучения с учителем, который подразумевает построение программной модели (машинный классификатор), способной отличать искомые данные от всех остальных. Обучение модели (построение машинного классификатора) осуществляется на текстах, размеченных вручную, в которых значимым объектам прописывают определенные метки (теги).

После анализа подходов было принято решение об использовании комбинированного метода с применением положительных сторон каждого из подхо-

дов. Одной из задач автоматической обработки научных текстов является анализ терминологии, выражающей понятия определенной предметной области. Извлечение терминов из узкоспециализированных текстов необходимо для автоматизации аннотирования и реферирования текстов, создания глоссариев и т.д. в нашем исследовании рассматривается задача автоматического извлечения однословных и многословных терминов из специализированного научного текста на английском языке. Извлечение терминов выполнялось в 3 этапа:

1 этап. Анализ научного текста и извлечение списка терминов-кандидатов (слова, словосочетания), которые будут соответствовать лексико-синтаксическим шаблонам, отображающие характерные конструкции научных текстов ($N+N$, $N+A$, $A+N$, где N – существительное, A – прилагательное и т.д.);

2 этап. Фильтрация извлеченных терминов-кандидатов с помощью определенного списка стоп-слов (stop-word-list) (слова, которые не могут быть частью термина, например “*is a*” или “*of the*”). Объектом внимания становятся более сложные структуры, такие как словосочетания, комбинация существительных и т.д. мы предполагаем, что термины, имеющие сложную структуру, должны быть составлены из терминов, обладающих изначально простой структурой.

3 этап. Упорядочивание терминов-кандидатов по релевантности предметной области. На данном этапе исследования мы производим ранжирование используя статистическую меру терминологичности C-value [2]:

$$C\text{-value}(a) = (length(a) - 1) \left(n(a) - \frac{t(a)}{c(a)} \right)$$

где (a) – сложное существительное (compound noun), $length(a)$ – количество однокоренных слов, составляющих (a) , $n(a)$ – общая частота встречаемости (a) в корпусе текстов, $t(a)$ – частота встречаемости в более длинных терминах-кандидатах и $c(a)$ – общее количество этих терминов.

Несмотря на кажущееся разнообразие существующих программных цифровых продуктов для автоматической работы с текстами (первые прикладные исследования по извлечению информации из специализированных текстов от-

носятся к началу 80-х годов XX века [3]) задача извлечения терминов из научных текстов остается актуальной. При работе по извлечению терминов из научных текстов мы столкнулись со следующими проблемами:

1. Определение границ сложносоставных терминов.
2. Распознавание лексических единиц как части составного термина.
3. Определение лексических единиц как термина в зависимости от контекста.

Поскольку работа с большим объемом текстов вручную достаточно сложный процесс, за последнее время было предложено большое количество программных продуктов, позволяющих автоматизировать данный процесс [4, 5, 6, 7]. В нашей исследовательской работе мы обратились к программе MALLET (англ. MAchine Learning for LanguagE Toolkit). Mallet – это инструмент тематического моделирования полезный для статистической обработки текстов естественного языка, для классификации документов, разметки последовательностей, кластерного анализа, извлечения информации, и т.д. Тематическое моделирование послужило способом для способа анализа больших объемов немаркированного текста. Мы задали «тему», группы слов, которые часто встречаются вместе (термины, терминологические словосочетания) и, используя контекстуальные подсказки, тематическая модель (thematic model) соединила слова с похожими значениями, кроме того, она позволила различить использование слов с несколькими значениями. Следует отметить, что тематическое моделирование позволило нам решить ряд задач:

- выявить смысл или тематику документа по их содержанию
- осуществить классификацию документов по заданным параметрам
- осуществить индексацию и автоматическое аннотирование и т.д.

Из очевидных минусов на данном этапе исследования мы отмечаем, что фактически из текстов извлекается довольно большой список слов-кандидатов, которые в дальнейшем всё равно должны быть проанализированы и подтверждены экспертом по предметной области.

Особое внимание при исследовании было уделено также отбору текстов относительно небольшого объема, поскольку тестовая аннотация показала, что длина текста оказывает негативное влияние на согласованность терминов. Еще одно ограничение заключалось в том, что выборки, взятые за определенный период времени, должны быть сопоставимы по размеру. В таблице 1 показано, сколько текстов и словосочетаний было выбрано для каждого периода времени. Также указано количество извлеченных терминов.

Таблица 1.

Период	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Термины	896	987	1400	585	860	1470
Тексты	7	7	10	9	10	10

После подготовки корпуса текстов мы использовали приложение WebAnno и серию скриптов на Python для манипулирования данными. Чтобы внимательно отследить качество извлечений терминов, были проведены встречи для обсуждения конфликтов. Точнее, мы имели дело с двумя типами конфликтов:

1. Несоответствие идентификации термина, т. е. были отмечены разные, непересекающиеся строки словосочетаний;
2. Несоответствие определения диапазона терминов: разные, но перекрывающиеся строки словосочетаний.

Таким образом мы пришли к следующим промежуточным выводам: для автоматического извлечения терминов из узкоспециализированных текстов применяются методы, основанные на лингвистических и статистических критериях. Статистические данные позволяют продемонстрировать частотность встречаемости слов/ словосочетаний в обрабатываемом тексте (корпусе текстов). Лингвистические критерии опираются на структуру терминов. Структура терминов, как правило описывается в виде шаблона ($N+N$, $N+A$, $A+N$, $N+N_{gen}$). По мере того, как обработка естественного языка продвигается к пониманию

естественного языка, то есть к способности машины обрабатывать значение языка, а не только его структуру, растет потребность в корпусах, анализируемых на семантическом уровне. Семантические структуры предъявляют иные требования к инструментам аннотирования, чем морфологические или синтаксические аннотации.

В данной работе были описаны методы извлечения терминов из научных текстов узкой направленности на английском языке. Анализ показал, что модели способны к обобщению, а создание программного продукта может обновляться и пополняться в зависимости от поставленных исследователем задач.

Список литературы

1. Дементьева Я.Ю., Бруches Е.П., Батура Т.В. Извлечение терминов из текстов научных статей. *Программные продукты и системы/Software & Systems*. 2022;35(4):689–697. DOI: 10.15827/0236-235X.140.689-697
2. Большикова Е.И., Семак В.В. Комбинирование методов для извлечения терминов из научно-технического текста. *Интеллектуальные системы. Теория и приложения*. 2021;25(4):239–242.
3. Grishman R. *Information Extraction*. In: The Handbook of Computational Linguistics and Natural Language Processing. A. Clark, C. Fox, and S. Lappin (Eds). WileyBlackwell; 2010. Pp. 515–530.
4. Бруches Е. П., Батура Т. В. Метод автоматического извлечения терминов из научных статей на основе слабо контролируемого обучения. *Вестник НГУ. Серия: Информационные технологии*. 2021;19(2):5–16. DOI 10.25205/1818-7900-2021-19-2-5-16
5. Рогачева В. Э. Методы извлечения терминологических единиц из корпуса со-поставимых текстов. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017;(2):118–122.
6. Eckart de Castilho R., Mújdríca-Maydt, É., et al. A Web-based Tool for the Integrated Annotation of Semantic and Syntactic Structures. *In Proceedings of the LT4DH workshop at COLING*. 2016. Osaka, Japan.
7. Шейко А.М. Инструменты прикладной лингвистики в контроле качества перевода. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(2):282–293. DOI 10.26907/2658-3321.2023.6.2.282-293.

References

1. Dement'eva Ya.Yu., Bruches E.P., Batura T.V. Terms extraction from texts of scientific papers. *Programmny'e produkty i sistemy/Software & Systems*. 2022;35(4):689–697. DOI: 10.15827/0236-235X.140.689-697 (In Russ.)
2. Bol'shakova E.I., Semak V.V. Combining methods to extract terms from scientific and technical text. *Intellektual'nye sistemy. Teoriya i prilozheniya*. 2021;25(4):239–242. (In Russ.)
3. Grishman R. *Information Extraction*. The Handbook of Computational Linguistics and Natural Language Processing. A. Clark, C. Fox, and S. Lappin (Eds). WileyBlackwell; 2010. Pp. 515–530.

4. Bruches E. P., Batura T. V. Method for Automatic Term Extraction from Scientific Articles Based on Weak Supervision. *Vestnik NGU. Seriya: Informacionnye tekhnologii.* 2021;19(2):5–16. DOI 10.25205/1818-7900-2021-19-2-5-16 (In Russ.)
5. Rogacheva, V. E. Methods of extracting terminological units from the corpus of comparable texts. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikaciya.* 2017;(2):118–122. (In Russ.)
6. Eckart de Castilho R., Mújdríca-Maydt, É., et al. A Web-based Tool for the Integrated Annotation of Semantic and Syntactic Structures. In *Proceedings of the LT4DH workshop at COLING.* 2016. Osaka, Japan (In Eng.)
7. Sheiko A.M. Language technology tools in translation quality assurance. Kazan Linguistic Journal. 2023;6(2):282–293. DOI 10.26907/2658-3321.2023.6.2.282-293. (In Russ.)

Автор публикации

Падерина Татьяна Сергеевна –
Младший научный сотрудник
Иркутский научный центр Сибирского
отделения Российской академии наук
Иркутск, Россия
Email: jana-pad@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2603-6242>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 8.06.2023
Одобрена после рецензирования: 10.07.2023
Принята к публикации: 15.07.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании
«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Paderina Tatiana Sergeevna –
Junior Researcher
Irkutsk Scientific Center of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Irkutsk, Russia
Email: jana-pad@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2603-6242>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 8.06.2023
Approved after peer reviewing: 10.07.2023
Accepted for publication: 15.07.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Научная статья

УДК 81'44

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.397-408>

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПОРТИВНЫХ АГЕНТИВОВ ЖЕНСКОГО РОДА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

A.A. Ратманова

Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева (КНИТУ-КАИ), Казань, Республика Татарстан, Россия
Powder.goaway29@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-8844-6917

Аннотация. Основной целью данной статьи выступает сравнение спортивных агентивов женского рода в русском и английском языках. Сопоставление лексем произведено на основе семантического, структурного и ономасиологического анализа. Исследование базируется на спортивных онлайн-изданиях «Чемпионат», «Спорт-экспресс», «РИА Новости – Спорт», «Спорт», «РИА Новости – Медиабанк», “Give me sport”, “The Telegraph”, “Global News”, “The New York Times”, “Forbes Woman”, “The Blueprint” и др. Актуальность статьи продиктована повышенным вниманием исследователей к вопросу агентивов женского рода в целом и, вместе с тем, отсутствием отдельных работ, посвященным непосредственно спортивным агентивам женского рода в сравнительно-сопоставительном аспекте. В русском языке женские корреляты спортивных наименований являются особой группой, поскольку спорт является сферой, где женщины и мужчины представлены в равной мере, а образование женских коррелятов особенно релевантно. В английском же языке спортсменки обозначаются другими дополнительными способами. В ходе исследования применены методы семантического, морфологического и ономасиологического анализа, наименования, соответственно, были классифицированы согласно 1) морфологическому и 2) ономасиологическому аспектам с целью выявления сходств и различий наименований.

Ключевые слова: агентив; женский род; ономасиология; семантика; спортивные наименования; английский язык; русский язык

Для цитирования: Ратманова А.А. Сравнительно-сопоставительный анализ спортивных агентивов женского рода в русском и английском языках. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(3): 397–408. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.397-408>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.397-408>

COMPARATIVE ANALYSIS OF FEMININE SPORTS AGENTS IN RUSSIAN AND ENGLISH

A.A. Ratmanova

*Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev (KNITU-KAI),
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia*
Powder.goaway29@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-8844-6917

Abstract. The main purpose of this article is to compare the feminine sport agentives in Russian and English. The comparison of lexemes is made on the basis of semantic, structural and onomasiological analysis. The research is based on the online sports publications "Championat", "Sport-Express", "RIA Novosti - Sport", "Sport", "RIA Novosti - Mediabank", "Give me sport",

"The Telegraph", "Global News", "The New York Times", "Forbes Woman", "The Blueprint", etc. The relevance of the article is dictated by the increased attention of researchers to the issue of feminine agents in general and, at the same time, by the absence of separate works devoted directly to feminine sports agents in the comparative aspect. In Russian, female correlates of sports names are a special group, since sport is a sphere where women and men are equally represented, and the formation of female correlates is especially relevant. In English, on the other hand, female athletes are denoted in other additional ways. During the study, semantic, morphological and onomasiological analysis methods were applied, the names were classified according to 1) morphological and 2) onomasiological aspects, respectively, in order to identify the similarities and differences of the names.

Key words: agentive; feminine; onomasiology; semantics; sports names; English; Russia

For citation: Ratmanova A.A. Comparative Analysis of Feminine Sports Agents in Russian and English. *Kazan Linguistic Journal.* 2023;6(3): 397–408. (In Russ.).
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.397–408>

Английский и русский язык по-разному называют предметы и явления действительности: данные языки прошли определенные этапы формирования, изменяясь под воздействием экстраконцептуальных или лингвистических факторов.

В данной статье анализируются наименования лица, связанные с занятием, профессией человека, в данном случае – это спортивные наименования лица (женского рода) в русском и английском языках. Например, *волейболистка* – женщина, занимающаяся волейболом, *gymnast* – гимнастка; лицо, занимающееся гимнастикой.

Спортивная лексика является популярным объектом исследований, однако новизна данного исследования заключается непосредственно в сопоставлении англоязычных и русскоязычных спортивных наименований женского рода, анализ которых (агентивов женского рода в целом) актуален, продолжается по сей день и выявляет новые проблемы для дальнейших исследований. Цель данной работы заключается в выявлении общих и отличных аспектов спортивных наименований на основе морфологического и ономасиологического анализов. Дополнительной задачей работы является выявить, как спортсменки претендуются в современном российском спортивном дискурсе. В данной работе нас интересует исключительно медийная составляющая спортивного дискурса, ко-

торый, хотя и является самостоятельным институциональным дискурсом, преимущественно связан с массмедиа [1, с. 367].

Так, русскоязычные и англоязычные наименования будут классифицированы исходя из классического морфологического и ономасиологического подходов (что делает ономасиологическую категорию обобщающим признаком разноструктурных агентивов).

Ономасиология позволяет рассматривать наименования исходя из *ономасиологического базиса*, который представляет собой основное родовое понятие, объединяющее все наименования (в нашем случае – это профессия, спортивная сфера деятельности), и *ономасиологического признака*, который выделяет предмет внутри класса (фехтовальщица – спортсменка (деятельность), профессионально занимающаяся фехтованием (признак) [2, с. 140].

С позиций ономасиологии номинации спортсменок можно разделить на несколько групп (категорий): 1) по виду спорта (в качестве мотивирующего слова); 2) по спортивному снаряду; 3) по событию, мероприятию, виду соревнований [3, с. 102].

Исследователи также предлагают более детальные классификации: 1) по (новым) видам спорта (фристайлистка); 2) по результатам состязаний (чемпионка, финалистка); 3) по отношению к составу, команде, клубу (легионерка); 4) по спортивному опыту (юниорка) [4, с. 20].

В качестве основной примем первую классификацию, а также внесем дополнительную группу «по функции спортсмена в команде». Итак, с ономасиологической точки зрения спортивные номинации можно разделить на несколько групп (категорий) [3, с. 102]:

1) *По виду спорта*: кёрлингистка, фристайлистка, теннисистка, гимнастка, футболистка, хоккеистка, фигуристка, воллейболистка, сёрфингистка, фехтовальщица, прыгунья в длину (в высоту); tennis player, figure skater, hockey player, skeleton racer, fencer, curler, gymnast, high jumper, long jumper и др.;

2) *По спортивному снаряду*: аквалангистка, штангистка, лучница, прыгунья с шестом (с канатом, с трамплина); pole vaulter (pole – шест), rope jumper (rope- веревка), swordsman (sword – меч), bowman (bow – лук), cyclist (bicyclist (bicycle – велосипед)), scuba diver (scuba – автономный дыхательный аппарат; акваланг) и др.;

3) *По событию, мероприятию, виду соревнований*: четвертьфиналистка, полуфиналистка, претендентка, чемпионка; finalist, semifinalist, champion и др.; (title) contender, candidate.

4) *По функции спортсмена в команде*: защитница, полузащитница, нападающая, вратарь, бомбардир и др.; goalkeeper, forward, playmaker, defensive player (игрок обороны), ball – handler (разыгрывающий игрок (баскетбол)), defender (защитник), shooter (игрок, бросающий шайбу), scorer (игрок, забивающий мяч/шайбу) и др.

Итак, каждой группе лексем характерна общая семантика, но структура при этом отличается. Например, в первой (по виду спорта) и во второй (по спортивному снаряду) категориях мы можем наблюдать большое количество двухкомпонентных английских и однокомпонентных русских агентивов (figure skater – фигуристка, scuba diver – аквалангистка, swordsman - лучница).

В третьей категории (по событию, мероприятию, виду соревнований) преимущественно наблюдаются однокомпонентные англоязычные и русскоязычные наименования. Приставки *-пол*, *- полу*, *- четверть*, *- semi* указывают на этап соревнования.

В четвертой группе (по функциям спортсмена в команде) имеются двух- и однокомпонентные англоязычные наименования, русскоязычные лексемы – преимущественно односоставные. Англоязычных лексем, обозначающих функцию спортсмена в команде, больше, чем русскоязычных, а также англоязычные наименования могут быть полисемичны.

Сначала агентивы будут рассмотрены с морфологической точки зрения.

Поскольку в английском языке практически отсутствует грамматическое выражение рода, род вычленяется непосредственно из лексического значения слова: *husband*, *man/ girl*, *wife/ neuter – table, chair* или при помощи дополнительных маркёров (местоимений, имени): “As a figure skater, *she* competed in the ISU World Junior Championships in 2016 and in the ISU JGP Riga Cup 2015.” (Как фигуристка, *она* соревновалась в чемпионате мира среди юниоров ISU в 2016 году и в Кубке Риги ISU JGP 2015). “Russian Anti-Doping Agency says details from *skater Kamila Valieva's* hearings will be kept secret.” (Российское антидопинговое агентство заявило, что результаты допроса *фигуристки Камилы Валиевой* останутся в тайне). Также род поясняется составными наименованиями (compounds), например, *woman-doctor* e.c.t., в которых один из компонентов содержит элемент, указывающий на пол объекта.

В русском же языке грамматический род находит явное выражение. Самыми распространёнными суффиксами женского рода являются *-к(a)*, *- иш(a)*, *-ющи/чиц(a)*, *- ец/иц(a)* и другие. Исторически русскому языку свойственно образование женских коррелятов - как пар к наименованиям лиц мужского рода (*старец – старница* (древнерусск.)), так и наименований, не являющихся парой мужскому наименованию (*ткалья, швея* (старорусск.)) [5].

Поскольку освоение женщинами сферы спорта началось позднее, чем мужчинами, спортивные наименования мужского рода вошли в обиход раньше. Это указывает на то, что спортивные наименования женского рода, соответственно, образуются от «мужской» основы (волейболист – волейболистка, легкоатлет – легкоатлетка, горнолыжник – горнолыжница). Этот факт будет учтён при составлении морфологической классификации.

Так, морфологическая классификация спортивных наименований женского рода для обоих языков может быть представлена следующим образом:

1) Корреляты женского рода, образованные от двусоставной основы:

1.1 Конькобежка, горнолыжница, легкоатлетка, велогонщица, голкиперка, автогонщица.

1.2 Словосочетания с предложным управлением: прыгунья в высоту (в длину, с шестом) и др.

2) Однокомпонентные корреляты:

2.1 От производящих основ на *-ист* с суффиксом *-ка*:

Фигуристка, теннисистка, фристайлистка, хоккеистка, скелетонистка, футболистка, волейболистка, аквалангистка, штангистка, велосипедистка, альпинистка, гольфистка, баскетболистка, хоккеистка, биатлонистка, бильярдистка, бобслеистка, бейсболистка, гандболистка и др.

2.2 Прочие корреляты спортивных наименований (в данную группу отнесем англизмы и ассимилированные лексемы):

Спортсменка, чемпионка, партнерша, бегунья, гимнастка, фехтовальщица, рекордсменка, гребчиха, борчиха, лучница, пловчиха, лыжница, прыгунья, бомбардирка, голкиперка, сноубордистка.

Англоязычные спортивные агентивы можно разделить следующим образом:

1) Двухкомпонентные наименования:

1.1 N+N (compounds, сущ.+сущ.): weightlifter, figure skater, tennis player, ice skater, downhill skier, freestyle skier, pole vaulter, hockey player, skeleton racer, football (soccer) player, volleyball player, record holder, scuba diver, racing driver ect.

1.2 A+N (прил.+ сущ.): alpine skier, high jumper, long jumper ect.

2) Однокомпонентные наименования:

Artist, champion, partner, athlete, gymnast, fencer, archer, golfer, swimmer, boxer, sailor ect.

При последовательном рассмотрении примеров можно утверждать, что двухкомпонентные агентивы характерны для обоих языков, при чем в большей степени для английского. Для последнего характерно также образование словосочетаний с типом связи *согласование* (*high jumper*). Для русского языка – с типом связи *управление* (*прыгунья в высоту*). В целом мы наблюдаем большое ко-

личество простых однокомпонентных наименований с типичными для них суффиксами.

Как и упоминалось, нам бы хотелось осветить репрезентацию спортсменок в спортивных СМИ. Это представляется особенно релевантным в качестве проведения параллели с морфологическим выражением рода в англоязычных и русскоязычных номинациях. Итак, результаты анализа различных ссылок на статьи и заметки в российских СМИ показали, что, во-первых, сам запрос о женском российском спорте презентует источники, связанные непосредственно с определенными видами спорта, различными женскими командами или определенными спортсменками. Во-вторых, сами тексты содержат корреляты женского рода такие как *биатлонистка, саночница, медалистка, лыжница (лыжницы), хоккеистка (хоккеистки), чемпионка, культуристка, конькобежка*.

Подобный запрос на английском языке презентует в подавляющем большинстве ссылки на статьи о месте женщины в спорте и о правах спортсменок. Сами же агентивы стилистически и морфологически нейтральны – *teammate, player, finalist, winner, opponent*.

Таким образом, англоязычные и русскоязычные СМИ говорят по-разному о женщинах в спортивной сфере: в первом случае это - спортсменка, борющаяся за свои права, во втором случае – это спортсменка, принимающая участие в соревнованиях. В русских статьях имеются женские корреляты и указание на пол, без чего написание статьи о женщине-спортсменке будет проблематичным, в английских же статьях актуальна нейтрализация рода, которая рекомендуется на европейском уровне.

Так, Европейский Парламент выпустил небольшую памятку с рекомендациями по гендерно – нейтральному наименованию лиц (*Gender -neutral language in the European Parliament*), где объясняется суть гендерно-нейтрального языка, предлагаются варианты обращений, замены личных местоимений (например, использование множественного числа, использование повелительного наклонения, опущение местоимения и использование страдательного залога), дается

список наименований профессий и наименований лица по выполняющимся функциям: “Actor/actress (actor is now commonly used for both genders; use actress if the person's gender is relevant), teacher (for both genders), translator (for both genders), police officer (not policeman/policewoman unless the officer's gender is relevant).” [6]. Таким образом, часто “нейтральными” суффиксами становятся -*or*, -*er*, которые в большинстве своем и образуют наименования лица в целом, а окончание женскости употребляется лишь при необходимости, обусловленной контекстом. Наименования с суффиксом “*er*” составляют большую группу спортивных наименований английского языка.

Если феминативы в обоих языках выражаются абсолютно по-разному, то их можно обобщить исходя из их содержания, иными словами, объединить в ономасиологическую категорию.

При более детальном анализе можно сделать ряд выводов. Так, слова с маркерами -*man*, -*woman* встречаются все реже (*cameraman*, *camerawoman* – *camera operator*), наименования с окончаниями женского или мужского рода также заменяются на нейтральные (*stewardess* – *flight attendant* и др.). Суффиксы, обозначающие женский род, вовсе не являются частью англоязычных спортивных наименований.

Суффикс -*er* (или *or*) образует существительные, мотивируемые глаголом: to race – racer, to skate – skater, to dive – diver, to play - player. Спортивные наименования с данным суффиксом присутствуют во всех вышеописанных ономасиологических категориях как в составе однокомпонентных (fencer), так и в составе двухкомпонентных агентивов (tennis player, playmaker).

Другой интересующий нас формант – греко-латинский интернациональный формант -*ист*, образующий наименования различной семантики, в данном случае – это спортивные агентивы. Данный суффикс преимущественно мотивируется существительными и образует наименования как от русскоязычных, так и от иноязычных основ. Как мы можем наблюдать, суффикс активно функционирует в русском языке и идет рука об руку с коррелятами женского рода на -*ка*

— теннисист(ка). То же можно сказать и об окончании *-ант*, однако корреляты на *-ист* распространены намного шире.

Несмотря на интернациональность суффикса, его редко можно наблюдать в англоязычных спортивных наименованиях: *cyclist* (по спортивному снаряду), (*semi*)*finalist* (по событию, мероприятию, виду соревнований). Вместо суффикса *-ist* в спортивных агентивах английского языка функционирует формант *-er* или лексема *player*, которая также характеризуется широким семантическим охватом: 1) играющий в игру или спортсмен, 2) играющий на музыкальном инструменте, 3) исполнитель спектаклей, профессиональный актер. Так, мы можем сказать, что, как правило, однокомпонентные и двухкомпонентные агентивы с суффиксом *-er* передаются на русский язык наименованиями с формантами *-ист*, который фигурирует не только в составе спортивных наименований, но и многих других.

Поскольку ономасиологическая категория является более базовой характеристикой, разные по структуре наименования могут оказаться в одной семантически обобщающей группе. Например, наименования *long (high) jumper* относятся к подгруппе многокомпонентных наименований А+N (прилагательное + существительное) со связью согласование – дословно “долгий (высокий) прыгун”, тогда как в русскоязычной классификации – это многокомпонентные наименования с предложным управлением: прыгунья в высоту (в длину). Однако наименования относятся к первой категории “по виду спорта”, где *long jump(ing)* – это прыжки в высоту. Такие наименования как *pole vaulter*, *rope jumper* также компенсируются в русском языке при помощи словосочетаний с предложным управлением (*прыгунья с шестом*, *прыгунья с веревкой*).

Во второй группе (по спортивному снаряду) можно наблюдать наименования с основой *-man* – *swordsman*, *bowman*, у которых имеются синонимы *fencer* и *archer*. Согласно словарю Merriam-Webster *swordswoman* – это женщина-фехтовальщик (a woman fencer), в то время как наименование “*bowwoman*” в словаре отсутствует. Таким образом, наименования *fencer* и *archer* представля-

ются более универсальными и гендерно-нейтральными и их, в свою очередь, было бы логично отнести в первую группу (по виду сорта), поскольку *fencing* – это фехтование, а *archery* – это стрельба из лука (искусство стрельбы из лука).

Некоторые наименования, используемые для обозначения определенных функций спортсмена в команде (*форвард, бомбардир, игрок, капитан, лидер, тренер, защитник*), редко образуют, либо вовсе не образуют корреляты [5, с. 20]. Действительно, корреляты от данных наименований легко обнаруживаются лишь по поисковому запросу (бомбардирка, капитанша, тренерша), предоставляющему ссылки на обзоры и заметки о женских футбольных, волейбольных, теннисных командах, однако, корреляты *защитница* и *полузашитница* встречаются часто: «Тот сезон стал очень удачным для Хардер, она стала также лучшей *бомбардиркой* чемпионата и с 23 голами помогла Линчепингу завоевать титул».; «Кристина Владимировна Стаковская – российская футболистка, игрок в мини-футбол и пляжный футбол, *защитница* и *полузашитница*».; «Лучшей *бомбардиршей* группового раунда ЛЧ стала Тияна Божкович из «Эджзаджибashi».

Агентив «вратарка» чаще всего встречается в значении «игровая футболка, экипировка», тогда как для наименования женщины-вратаря используется англизм *голкиперка*.

Вышеприведенные классификации – морфологическая и ономасиологическая – не подразумевают отдельного рассмотрения англизмов в анализируемом пласте лексики, однако, на наш взгляд, стоит кратко отметить, что русский язык принимает большое количество англизмов, и данная лексика настолько хорошо ассимилировалась, что не воспринимается носителями как нечто чужеродное [7, с. 8]. Так, русский язык активно принимает английские лексемы, обозначающие как спорт и спортивный снаряд, так, соответственно, и наименования спортсменов: «12-летняя *сёрфингиста* взрывала Всемирные игры», «Двукратная чемпионка России *скейтбордистка* Ксения Маричева планирует попасть на летние Олимпийские игры в Париже». Корреляты свободно образуются

от большинства спортивных англоязычных агентивов – бобслеистка, фристайлиста (серфингиста – но не серферша(ка)).

Таким образом, ономасиологический анализ предоставил возможность провести параллель между англоязычными и русскоязычными спортивными женскими наименованиями, а именно установить, какие суффиксы чаще всего используются при словообразовании агентивов в обоих языках, их значение, а также способы компенсации межъязыковых несоответствий.

Список литературы

1. Бобырева Н.Н. Лексические маркеры научного спортивного дискурса (на материале журнала “Science of Gymnastics Journal”). *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 3(4):366–379.
2. Иванова Т.К. Структурно-семантические характеристики сложных наименований лица в русском и немецком языках. *Вестник удмуртского университета. История и филология*. 2013;(2):139–146.
3. Минеева З.И. Агентивы с суффиксом *-ист* в современном русском языке. *Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология*. 2016;26(2):101–108.
4. Машуш А.А. Языковые новации и речевые изменения в русской спортивной лингвокультуре XXI века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 2013.
5. Беркутова В. В. Феминитивы в русском языке: исторический аспект. *Филологический аспект* 2018; (11). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/feminativy-v-russkom-yazyke-istoricheskij-aspekt.html> [дата обращения 14.03.2023].
6. Gender -neutral language in the European Parliament. 2018.
7. Зорина А.В. Англицизмы в современном русском языке (на примере интернет-лексики). *Казанский лингвистический журнал*. 2018;2(1): 5–14.

References

1. Bobyreva N.N. Lexical markers of scientific sports discourse (on the material of Science of Gymnastics Journal). *Kazanskij Linvisticheskij Zhurnal*. 2021;3(4):366–379. (In Russ.)
2. Ivanova T.K. Structural-semantic characteristics of complex names of a person in Russian and German languages. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Istoryia i Filologija*. 2013;(2):139–146. (In Russ.)
3. Mineeva Z. I. Agents with the suffix *-ist* in the modern Russian language. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Istoryia i Filologija*. 2016;26(2):101–108. (In Russ.)
4. Mashush A.A. Linguistic innovations and speech changes in the Russian sports linguoculture of the XXI century: diss. ... candidate of philological sciences. 2013. (In Russ.)
5. Berkutova V. V. Feminitives in Russian: Historical Aspect. *Philologichesky Aspekt* 2018; (11). Available from: <https://scipress.ru/philology/articles/feminativy-v-russkom-yazyke-istoricheskij-aspekt.html> [accessed 14.03.2023]. (In Russ.)
6. Gender -neutral language in the European Parliament. 2018. (In Eng.)
7. Zorina A.V. Anglicisms in modern Russian language (on the example of Internet vocabulary). *Kazan Linguistic Journal*. 2018;2(1):5–14. (In Russ.)

Автор публикации

**Ратманова Анастасия Александровна – преподаватель
Казанский национальный исследовательский**

Author of the publication

**Ratmanova Anastasia Aleksandrova –
Lecturer
Kazan National Research Technical University**

технический университет имени А.Н. Туполева
(КНИТУ-КАИ)
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: powder.goaway29@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8844-6917>

named after A.N. Tupolev (KNITU-KAI)
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: powder.goaway29@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8844-6917>

***Раскрытие информации о конфликте
интересов***

*Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.*

Информация о статье

*Поступила в редакцию: 28.03.2023
Одобрена после рецензирования: 30.04.2023
Принята к публикации: 10.05.2023*

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

*Submitted: 28.03.2023
Approved after peer reviewing: 30.04.2023
Accepted for publication: 10.05.2023*

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА **PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS**

Научная статья

УДК 81

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.409-420>

К ВОПРОСУ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКИХ КОСМЕТИЧЕСКИХ И МЕДИЦИНСКИХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

L.R. Сакаева¹, M. Даулань²

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия*

¹liliyasakaeva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9624-8937>

²nkudreamer@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3617-9367>

Аннотация. Статья рассматривает особенности употребления заимствованной лексики в русскоязычных рекламных текстах, в таких обширных областях как медицина и косметология. Объясняются причины частого обращения к англизмам, а также выделяются наиболее часто употребляемые примеры заимствований в выбранных сферах. В том числе, в статье отображены предпосылки для анализа качественного рекламного текста. На примере заимствованных лексических единиц определяются наиболее распространенные способы перевода заимствованной лексики, приведен анализ способов перевода заимствованной лексики иностранного языка на русский язык. В результате исследования были определены причины появления и распространения заимствованной лексики. Сформулированы ключевые роли процесса глобализации и влияние этого процесса на ход пополнения русскоязычного лексикона. В статье было уделено внимание вопросу влияния англоязычных заимствований на исконно русский язык и попытка объединить в один вывод положительные и отрицательные мнения ученых лингвистов и филологов по данному вопросу. В статье приведено достаточное количество современных примеров употребления заимствованных слов в выбранных областях, большее количество изученной лексики было извлечено из рекламных отрывков косметических продуктов или медицинских услуг.

Ключевые слова: медицина; косметология; заимствования; рекламный текст; глобализация; лексика; способы перевода

Для цитирования: Сакаева Л.Р., Даулань М. К вопросу заимствований в русских косметических и медицинских рекламных текстах. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(3): 409–420. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.409-420>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.409-420>

BORROWINGS IN RUSSIAN COSMETIC AND MEDICAL ADVERTISING TEXTS

L.R. Sakaeva¹, M. Dawulan²

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

¹liliyasakaeva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9624-8937>

²nkudreamer@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3617-9367>

Abstract. The article represents the features of the use of borrowed vocabulary in Russian-language cosmetic and medical advertising texts. Moreover, the reasons for the frequent use of Anglicisms are explained here, and the most frequently used examples of borrowings in aforementioned

tioned topics are highlighted. In particular, the article presents the presuppositions for the analysis of high-quality advertising text. On the example of borrowed lexical units, the most common ways of translating borrowed vocabulary are determined, and an analysis of the ways of translating borrowed vocabulary of a foreign language into Russian is given. As a result of the study, the reasons for the emergence and spread of borrowed vocabulary were determined. The key roles of the globalization process and the influence of this process on the course of replenishment of the Russian-language lexicon are formulated. The article paid attention to the issue of the influence of English-language borrowings on the original Russian language and an attempt to combine the positive and negative opinions of linguists and philologists on this issue into one conclusion. The article provides a sufficient number of modern examples of the use of borrowings in selected areas, most of the studied vocabulary was extracted from advertising passages of cosmetic products or medical services.

Key words: medicine; cosmetology; borrowings; advertising text; globalization; vocabulary; methods of translation

For citation: Sakaeva L.R., Dawulan M. Borrowings in Russian Cosmetic and Medical Advertising Texts. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(3): 409–420. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.409–420>

Большинство ученых в области языкоznания и лингвистики склоняются к тому, что всплеск процесса заимствования начался после 90-х годов. Это обусловлено бесспорным процессом глобализации международных отношений, увеличением контактов между странами. Не стоит забывать тот факт, что бурное развитие науки и техники тоже сыграло значимую роль в увеличении лексикона русского языка иностранными словами, когда в профессиональную речь стали входить термины, специализированные слова и выражения. Углубляясь в нашу тему, следует отметить, что высокий процент появившихся новых слов были отражены именно в рекламе. В тот период времени разнообразные тематические журналы начали активно переводиться на русский язык. В обиход русскоязычного населения вошло множество переведенных рекламных слоганов разных стран: Великобритании, Америки, Франции, Германии и т.д. Важно упомянуть, что некоторые заимствованные слова, неологизмы по прошествии небольшого отрезка времени перешли в имена нарицательные.

Рассматривая тему рекламных текстов, важно упомянуть, что подготовленное сообщение о каком-либо товаре, в нашем случае о косметическом или медицинском, в сравнении с некачественным сообщением, может привлечь внимание, побудить прочитать, просмотреть или прослушать рекламную ин-

формацию гораздо большее количество людей. Одним из способов достичь качество рекламного текста является использование иностранных слов. Успех рекламы с иностранными словами будет зависеть от знания этого языка адресатом. Специалисты в области рекламы должны понимать, что не все читатели знают этот язык и использовать только такие слова, которые стали нарицательными и в русской речи, постепенно внедряя и новые заимствования для придания уникальности тексту. На сегодняшний день можно выделить несколько языков, которые служат источником пополнения иностранными заимствованиями русский язык. Английский язык остается основным. Использование подобного рода заимствований не только обогащает словарный запас, но и свидетельствует о высоком уровне осведомленности говорящего, демонстрирует социальную принадлежность [1].

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахманова дает следующее определение понятию заимствование «это переход элементов одного языка в другой как результат языковых контактов, взаимодействия языков» [2, с. 150]. Наблюдается, что факт образования какого-либо слова иностранным языком по прошествии времени может абсолютно не ощущаться. Иноязычное происхождение может обнаружиться лишь после изучения этого вопроса этимологами.

Нередко после выпуска какого-либо косметического средства маркетологи задаются вопросом как можно доступно и ярко представить продукт потенциальным клиентам на рынке. Использование иноязычных слов в рекламных текстах, которые, к примеру, размещены на страницах журналов различной тематики, является одним из верных способов привлечения внимания населения. Таким способом создается эффект престижности и исключительности продукта, так как иноязычное слово «способно привлечь внимание читателя своей необычностью, экзотичностью, «модностью», «авторитетностью», заставить реципиента вчитаться в рекламный текст хотя бы для того, чтобы попытаться понять смысл слова-зацепки» [3, с. 3].

Важно отметить, что большая часть потребителей лекарственных средств приобретая товар или медицинскую услугу, ориентируются именно на рекламу. В силу своей занятости, при отсутствии у людей возможности при беспокоящей их боли стоять в очередях в кабинет к врачу, им достаточно сходить в аптеку и купить подходящее по симптомам лекарство, название которого им знакомо по рекламе. Информация о новых медицинских препаратах, процедурах косметической хирургии нередко содержит в себе заимствования [3, с. 5]. Чаще всего заимствования в сфере медицины представляют собой транскрипцию или транслитерацию английских слов. В этой сфере заимствования чаще всего встречаются в терминах, поскольку медицина является одной из самых древних областей знания человека: *appendicitis* – «аппендицит», *migraine* – «мигрень», *musculus* – «мышца», *microbe* – «микроб», *Kofferdam* – «коффердам» [4, с. 1084].

Различаются два вида заимствований слов из другого языка:

1) полное заимствование: *trachea* – *trachea* – «трахея (бронх)», *delirium* – *delirium* – «делириум (бред)»;

2) частичное заимствование путем:

- выпадения окончания: *traumatis* – *trauma* – «травма», *vitaminum* – *vitamin* – «витамин»;
- замены окончания: *therapia* – *therapy* – «терапия», *suppositorium* – *suppository* – «суппозиторий»;
- замены букв в корне слова: *tabuletta* – *tablet* – «таблетка»;
- добавления окончания (суффикса), принятого в английском языке: *inflammatio* – *inflammation* – «воспаление», *palpatio* – *palpation* – «пальпация», *luxatio* – *luxation* – «вывих» [3, с. 1086].

В системе языка рекламных текстов существует два способа подачи иноязычной лексики: 1) с помощью транскрипции, транслитерации или калькирования; 2) сохранением иноязычного написания [5, с. 75]. В качестве примера можно привести рекламный текст лекарственного препарата от простатита: «*Простатит, боль, дискомфорт, раненое самолюбие, одиночество. Будьте же*

наконец мужчиной, примите решение. Простой способ вернуть здоровье и гармонию чувств – суппозитории «Витапрост». Лечим простатит». В данной рекламе можно было прибегнуть к использованию аналога в русском языке «свечи», но для эмоциональной окраски и придачи тексту «эксклюзивности» использовано заимствование.

В сфере косметики реклама также играет важную роль. Чтобы рекламные тексты легко запоминались, они должны быть достаточно короткими и яркими. Употребление иноязычных слов в рекламных текстах заставляет обратить внимание на данное сообщение и оставляет в памяти у клиента положительное впечатление. «Употребление латиницы доказывает высокое качество товара, особенно если это известные торговые марки» [6, с. 134]. Заимствования, являясь новыми словами в русском языке, временно кажутся новыми и уникальными, тем самым привлекая внимание к рекламному продукту [6, с. 200].

В журналах или рекламных роликах мы наблюдаем употребление таких слов как: *нейл-арт, фэйн, бодибилдинг, имидж-мейкинг, шугаринг, ваксинг, брашинг, шейпинг* и др. Это позволяет нам сделать вывод о том, что рекламные тексты с англоязычными заимствованиями (варваризмами в том числе) выполняют три важнейшие функции: 1) составляют информационную среду человека; 2) служат для вызова положительных эмоций; 3) привлекают внимание для продвижения товара или услуги.

Использование таких «новомодных» слов помогает сократить или вовсе избежать подробного описания свойств и преимуществ продвигаемого продукта. Заимствованное слово самостоятельно отображает совокупность всех значений одним словом, разграничивая его с другими подобными словами: «глобализация предопределяет латинизированную (англоязычную) унификацию товарных знаков, торговых марок, «технологических параметров», каких-то характеристик товара» [6, с. 134]. Использование заимствований наиболее эффективно, если имеется цель подчеркнуть, что рекламируемый товар настолько качественный, что удовлетворит потребности даже искушенных иностранцев.

Н.Г. Иншакова считает, что «лексическая особенность рекламных текстов – употребление иностранных слов». В рекламных обращениях зарубежных компаний при переводе остаются иностранные слова, что вызвано желанием переводчиков придать рекламе эффект «的独特性» [7, с. 288].

Приведем в пример рекламный текст помады для губ от Maybelline NY Color Sensational: «*Ощущи цвет по-новому, сенсационно. Color Sensational от Maybelline NY. Насыщенные пигменты и формула с маслом ши: цвет такой яркий, губы такие увлажненные*». В данном случае маркетологи решили обыграть слово “Sensational” [8]. Слово употребили не в переводе, а в описании продукта. В названии же оставили иностранную версию. Иногда можно заметить, как обыгрываются название и свойства товара, выраженные в названии: «*Гарньер Скин Нэчралс. Чистая Кожа. Чистая и здоровая кожа в три счета*».

В рассматриваемой области нами выявлено значительное количество заимствований в рекламных текстах: *бронзер, лип глосс, бьюти-блендр, праймер, хайлайтер, глиттер, мейкап, пилинг* и т.д. Данные слова встречаются в описании косметических продуктов или процедур [9]. Так, в рекламном каталоге известная косметическая корейская фирма Limoni сообщает следующую информацию: «*Бьюти-блендр в подарок при покупке любого BB- или CC-крема*».

Для большинства рассматриваемых заимствований нет перевода, выраженного одним словом, в русском языке. Данные лексемы появились в языке в связи с появлением новых понятий, которые они обозначают:

✓ *Мейкап* – искусство оформления лица с помощью косметических средств – красок, кремов, теней, а также само такое оформление. Заимствовано в 1990-е годы из англ. “makeup”. «*Крем долго впитывался и макияж опять приходится делать на бегу? Попробуй новый крем Nivea Мейкап Эксперт 2 в 1... кожа нежная и увлажненная. И у тебя осталось время на макияж*» (реклама крема-основы от Nivea) [10].

✓ *Primer* – база под макияж или основа, которая наносится в качестве подготовительного этапа под косметику, что позволяет достичь высокой стойкости.

кости последующего макияжа. «*Раскрасьте ваши летний день новинками от SHISEIDO. 2 в 1: Праймер и карандаш для губ*» (реклама автоматического карандаша-праймера для губ InkDuo).

✓ *Флюид* – Жидкие, текучие средства косметики и макияжа. От англ. “*fluid, liquid foundation*”. «*Double wear nude spf 30 новинка. Тональный флюид невесомая безупречность. Эффективная защита. Стойкость 24 часа*» (реклама тонального средства от Estee Lauder).

✓ *Оловер* (англ. All over) – декоративное косметическое средство, имеющее в себе все необходимые свойства, всё в одном, и не требующие дополнительных косметических продуктов, или подходящие для любой области лица. «*Скулы, подбородок, лоб, плечи, локти, колени – скажи, когда будет достаточно! Использовать ты его будешь не тогда, когда нужно, а тогда, когда хочется, ведь кожа после него начинает светиться, как будто ты и не человек вовсе, а космическая зефирка. Живая. Ол овер!*» (реклама оловера в стиле Soda Allover Stick).

✓ *Глиттер* (англ. Glitter) – сухой рассыпчатый блеск. «*Эти универсальные глиттеры подходят для использования на любом участке лица и тела. Края каждой частицы глиттера обработаны по технологии SMOOTH EDGE, что позволяет избежать механического повреждения кожи*» (реклама глиттера от Influence Beauty).

В сфере рекламы косметических средств отмечено значительное количество заимствований, которые могут быть использованы для иллюстрации способов перевода. Для начала стоит подробнее остановиться на видах перевода: транскрибирование, транслитерация и калькирование, используемых в этой области:

1. Транскрибирование – перевод лексической единицы оригинала, при котором воссоздается ее форма с помощью букв языка перевода. При этом способе перевода воспроизводится звуковая форма иноязычного слова. Мейкап (make up), консилер (concealer): *Жидкий консилер способен справиться с лю-*

быми несовершенствами! Плотное покрытие маскирует даже следы от рубцов, не стягивая кожу. Удобный аппликатор поможет добиться безупречного нанесения), пиллинг (pealing): Очищающие и осветляющие кислотные пилинг-пэды для лица с гликолевой кислотой 10%, салициловой и молочной кислотами), контуринг (contouring): Двусторонний стик для контуринга с двумя оттенками: светлым и тёмным. Благодаря практичному формату стик можно брать с собой куда угодно и использовать для быстрой коррекции макияжа).

2. Транслитерация – воспроизведение буквенного состава иностранного слова на языке перевода. Лифтинг (lifting): *Омолаживающий лифтинг-крем для глаз с пептидами и фитостоловыми клетками – эликсир красоты, делающий взгляд молодым и открытым. Активные компоненты, входящие в состав крема, пробуждают к жизни и защищают собственные стволовые клетки кожи, укрепляют и улучшают организацию внеклеточного матрикса. Комплекс на основе экстракта альбиции оказывает лифтинг-эффект и подтягивает верхнее веко, сокращает глубину «гусиных лапок» до -33%.),* филлер (filler): *Филлеры идеально восстанавливают и питают поврежденные волосы, пострадавшие в результате химического воздействия или регулярных процедур сушки и укладки. Филлер проникает внутрь волоса, сглаживает чешуйки, дефекты и повреждения, делает каждый волосок гладким и блестящим),* бронзер (bronzer): *Теперь безупречная кожа не только под вспышками прожекторов Голливуда, а прекрасная реальность! Бронзер INCREDIBLE HOLLYWOOD в новом дизайне мягко ложится на кожу тончайшей вуалью, мгновенно придает лицу естественный загар и сияние за счет мельчайших частиц),* глиттер (glitter): *Глиттер для лица и тела Winter Edition – фаворит рождественских коллекций макияжа! Укутывая игристо-дерзкими блестками волосы, тело и лицо он сделает тебя самой ослепительной красоткой на всех New Year вечеринках),* тинт (tint): *Невероятную стойкость средства обеспечивают пигменты, которые надолго впитываются в поверхность кожи. Благодаря этому гель-тинт не размажется, выдержит перекус и не оставит следов на чашке).*

3. Калькирование – перевод лексической единицы оригинала через замену ее составных частей их лексическими соответствиями (устойчивые словосочетания). Гидрогелевая маска (*hydrogel mask*): *Увлажняющая конжаковая гидрогелевая маска с Коллагеном. Удерживает вдвое больше влаги. Придает сияние и свежесть лица. На основе экстракта натурального растения конняку, произрастающего высоко в горах на высоте 1400 метров*), маска с церамидами (*ceramide real moist mask*): *восстанавливающая маска с церамидами нормализует гидробаланс и регулирует трансэпидермальную потерю влаги, улучшает упругость кожных покровов и оказывает лифтинг-эффект*), гиалоуроновая кислота (*hyaluronic acid*): *Благодаря запатентованному сочетанию ресвератрола, гиалуроновой кислоты и веганскому коллагеновому бустеру Укрепляющая сыворотка для лица RESVERATROL LIFT с мгновенным эффектом лифтинга устраняет морщины и подтягивает контуры лица за счет высокой концентрации ресвератрола виноградной лозы*) [11, с. 23].

Новые лексические единицы входят в употребление по ряду причин и под воздействием таких факторов, как популярность англоязычных продуктов и влияние английского как языка международного общения. Поскольку косметическая сфера является сферой с быстрым развитием индустрии, следовательно, косметическая терминология будет постоянно пополняться новыми единицами [12].

В последнее время весьма активным стал процесс образования слов на основе сложения двух компонентов – словосложение. В таком случае одно из двух слов является заимствованием из иностранного языка [13], [14]. При изучении вопроса обнаружены подобного рода слова в каталогах косметической продукции: *спа-салон*, *лифтинг-эффект*, *ВВ-крем*, *СС-крем*, *пилинг-скатка*, *смоуки-макияж*, *карандаш-праймер* и др. Количество заимствований с выходом новой линейки продуктов только увеличивается, следовательно, растет и количество подобных новообразований.

Суммируя вышесказанное, необходимо отметить, что использование заимствований является одним из важных способов сформировать продаваемый рекламный текст. Исходя из исследования выявлено, что зачастую заимствования используются в рекламных текстах в сфере предоставления услуг, моды, косметологии и медицины. Англоязычные слова используют для создания иллюзии престижа и уникальности продукта. Далее происходит сам процесс заимствования, когда иностранное слово уже используется в повседневной речи и становится общеупотребляемым именем нарицательным и полноценно входит в русскую лексическую систему. С одной стороны, процесс заимствования пополняет русский язык синонимами, придавая лексику семантическую вариативность, способствует обогащению современного русского языка. Также следует отметить, что использование заимствований подтверждают гибкость русского языка. Заимствования попадают под правила словообразования русского языка и некогда английское слово начинает меняться по его правилам: «*Зимние маслхэвы: ТОП-9 самых питательных средств для лица!*» (наблюдается добавление окончания множественного числа в русском языке). Данное явление отображает способность преобразовать любую иноязычную единицу по грамматическим, лексическим и фонетическим принципам русского языка. С другой стороны, неограниченное использование заимствований в рекламных текстах, приводит к нарушению экологии русского литературного языка. На наш взгляд, знание родного языка, умение подбирать аналоги заимствованиям в языке, владение литературными нормами языка является показателем образованного человека.

Список литературы

1. Сакаева Л.Р., Тахтарова С.С., Базарова Л.В., Яхин М.А. Логико-понятийная классификация терминологии сферы «медицина» в английском, русском и турецком языках. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(3):360–368. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.360-368>
2. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. М.: Советская энциклопедия; 1966. 608 с.
3. Зирка В.В. *Заимствование в рекламе: мода и информативность*. М.: Наука; 2012.
4. Абдуллаева М.Ж., Сабурова Ю.Т., Рахимова З.М. Переводы заимствованных медицинских терминов. *Молодой ученый*. 2015;(8):1084–1087.

5. Соболева Е.Г., Файзулина Д.Р. Иноязычная лексика в рекламном тексте: редакторский аспект. Екатеринбург: *Сборник материалов Международной научной конференции.* 2015:66–88.
6. Кознева Л.М., Бойко Е., Григорьева Т.М. и др. *Латиница и русское письмо. Кириллица – латиница – гражданица*, кол. монография. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого; 2009:128–136.
7. Гаспаров Б.М. *Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования*. М.: Новое литературное обозрение; 1996. 352 с.
8. Официальный сайт Maybelline New York. URL: <https://www.maybelline.com.ru/> [дата обращения: 04.03.2023].
9. Назайкин А. *Рекламный текст в современных СМИ*. М.: Эксмо; 2007. 352 с.
10. Официальный сайт Nivea. URL: <https://www.nivea.ru/> [дата обращения: 04.03.2023].
11. Сарангаева Ж.Н., Даржинова Л.В. Роль заимствований в английском языке. *Вестник калмыцкого университета.* 2015;3(27):22–26.
12. Иншакова Н.Г. *Помощник рекламиста, или Редактор рекламных текстов*. М.: МЦФЭР; 2005. 288 с.
13. Диброва Е.И., Касаткин Л.Л., Николина Н.А. и др. *Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц*. М.: Издательский центр «Академия»; 2001. 544 с.
14. Sakaeva L.R., Yahin M.A., Mensah D., Fatkullina F.G. The peculiarities of translation of official business plans from English into Russian. *Opcion.* 2019;3(23):433–447.

References

1. Sakaeva L.R., Takhtarova S.S., Bazarova L.V., Yakhin M.A. Logical-conceptual classification of the terminology of the sphere “medicine” in English, Russian and Turkish languages. *Kazan linguistic journal.* 2022;5(3):360–368. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.360-368>. (In Russ.)
2. Akhmanova O.S. *Dictionary of linguistic terms*. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1966. 608 p. (In Russ.)
3. Zirka V.V. *Borrowing in advertising: fashion and informativeness*. Moscow: Nauka; 2012. (In Russ.)
4. Abdullaeva M.Zh., Saburova Yu.T., Rakhimova Z.M. Translations of borrowed medical terms. *Molodoj uchenyj.* 2015;(8):1084–1087. (In Russ.)
5. Soboleva E.G., Faizulina D.R. Foreign vocabulary in advertising text: editorial aspect. Yekaterinburg: *Collection of materials of the International Scientific Conference.* 2015: 66–88. (In Russ.)
6. Kozneva L.M., Bojko E., Grigoreva T.M. et al. *Latin and Russian writing. Cyrillic – Latin – citizen*: col monograph. Veliky Novgorod: NovGU im. YAroslava Mudrogo. 2009: 128–136. (In Russ.)
7. Gasparov B.M. *Language. Memory. Image. Linguistics of linguistic existence*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 1996. 352 p. (In Russ.)
8. Maybelline New York Official Website. Available from: <https://www.maybelline.com.ru/> [accessed: 03.04.2023].
9. Nazaikin A. *Advertising text in modern media*. Moscow: Eksmo; 2007. 352 p. (In Russ.)
10. Nivea official website. Available from: <https://www.nivea.ru/> [accessed: 03.04.2023].
11. Sarangaeva Zh.N., Darzhinova L.V. The role of borrowings in the English language. *Vestnik kalmyckogo universiteta.* 2015;3(27):22–26. (In Russ.)
12. Inshakova N.G. *Advertiser Assistant, or Editor of Advertising Texts*. Moscow: MCFER; 2005. 288 p. (In Russ.)

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

Сакаева Л.Р., Даулань М. К вопросу заимствований в русских косметических и медицинских рекламных текстах
Казанский лингвистический журнал. 2023; 6(3): 409–420

13. Dibrova E.I., Kasatkin L.L., Nikolina N.A. et al. *Modern Russian: Theory. Analysis of language units*: Moscow: Izdatel'skij centr "Akademiya"; 2001. 544 c. (In Russ.)

14. Sakaeva L.R, Yahin M.A., Mensah D., Fatkullina F.G. The peculiarities of translation of official business plans from English into Russian. *Opcion*. 2019;3(23):433–447.

Автор публикации

Сакаева Лилия Радиковна –
профессор, доктор филологических наук
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: liliyasakaeva@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9624-8937>

Author of the publication

Sakaeva Liliya Radikovna –
Professor, Doctor of philology
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: liliyasakaeva@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9624-8937>

Даулань Майэрхали –
аспирант, ассистент китайского языка
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: nkudreamer@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3617-9367>

Dawulan Maierhali –
Postgraduate student, Chinese language assistant
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: nkudreamer@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3617-9367>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 8.06.2023
Одобрена после рецензирования: 10.07.2023
Принята к публикации: 15.07.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 8.06.2023
Approved after peer reviewing: 10.07.2023
Accepted for publication: 15.07.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Информация о рецензировании
«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

УДК 81'42

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.421-430>

**АРГУМЕНТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ХЕДЖЕЙ:
КОММУНИКАТИВНЫЕ УДАЧИ И «СТРАТЕГИЧЕСКИЕ
СТЕРЕОТИПЫ» В ХОДЕ ПРЕЗЕНТАЦИИ НОВОГО НАУЧНОГО
КОНТЕНТА В РАЗНОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ ПО ЭКОНОМИКЕ**

Б.В. Светайлов

АО «Концерн Энергомера», г. Ставрополь, Россия

borya.svetajlov@yandex.ru, http://orcid.org/0000-0003-3126-1687

Аннотация. Статья посвящена вопросу использования хеджей и хеджинговых конструкций в научных работах по экономике, написанных на английском, турецком и французском языках. Цель исследования заключается в определении особенностей употребления хеджинговых маркеров в разноязычных научных статьях экономической тематики с точки зрения их аргументационной составляющей в ходе презентации автором нового научного контента. Особое внимание уделяется прагматической составляющей хеджирования в рамках научного дискурса в ходе анализа того, какой коммуникативный эффект производят хеджи и хеджинговые конструкции на адресата, в чём заключается их функциональная специфика в разных разделах научных статей, как автор достигает поставленные им цели посредством их употребления. Анализ хеджирования осуществляется с учётом норм и требований, предъявляемых к научным статьям, коммуникативной составляющей и процесса налаживания имплицитного диалога автора статьи с потенциальным адресатом, прагматического потенциала хеджей в рамках аргументационного процесса и выдвижения автором гипотетических суждений. Кроме того, проиллюстрированы различные аспекты модальности хеджей и хеджинговых конструкций и их семантики, а также роль употребления субъективно-оценочных и акцентирующих формул, относящихся к категории хеджинговых, в научных статьях по экономике.

Ключевые слова: хедж; хеджирование; научная статья по экономике; научный дискурс; аргументативный потенциал; прагмалингвистика

Для цитирования: Светайлов Б.В. Аргументативный потенциал хеджей: коммуникативные удачи и «стратегические стереотипы» в ходе презентации нового научного контента в разноязычных публикациях по экономике. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(3): 421–430. (In Eng.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.421-430>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.421-430>

ARGUMENTATIVE POTENTIAL OF HEDGES: COMMUNICATION SUCCESS AND “STRATEGIC STEREOTYPES” DURING THE PRESENTATION OF NEW SCIENTIFIC CONTENT IN ARTICLES ON ECONOMICS WRITTEN IN DIFFERENT LANGUAGES

B.V. Svetaylov

JSC “Energomera” Concern”, Stavropol, Russian Federation

borya.svetaylov@yandex.ru, http://orcid.org/0000-0003-3126-1687

Abstract. The article is devoted to the use of hedges and hedging constructions in scientific articles on economics written in English, Turkish and French. The purpose of the study is to determine the features of the use of hedging markers in multilingual scientific articles on economic topics in terms of their argumentative component during the presentation of new scientific content by the author. Particular attention is paid to the pragmatic component of hedging within the framework of scientific discourse during the analysis of what communicative effect hedges and hedging constructions produce on the addressee, what is their functional specificity in different sections of scientific articles, how the author achieves his goals through the use of them. Analysis of hedging is carried out taking into account the norms and requirements for scientific articles, the communicative component and the process of establishing an implicit dialogue between the author of the article and a potential addressee, the pragmatic potential of hedges within the framework of the argumentation process and the author's hypothetical judgments. In addition, various aspects of the modality of hedges and hedging constructions and their semantics are illustrated, as well as the role of the use of subjective-evaluative and emphasizing formulas, belonging to the category of hedging, in scientific articles on economics.

Keywords: hedge; hedging; scientific article on economics; scientific discourse; argumentative potential; pragmalinguistics

For citation: Svetaylov B.V. Argumentative Potential of Hedges: Communication Success and “Strategic Stereotypes” During the Presentation of New Scientific Content in Articles on Economics Written in Different Languages. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(3): 421–430. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.421-430>

One of the characteristics of a scientific text is the presence of hedges and hedging constructions in it. The relevance of the article is justified by the need to identify the functional role of hedging in scientific articles written in English, French and Turkish, as well as their competent use when presenting new information during the study.

The object of the study is the phenomenon of hedging in multilingual scientific articles on economics. The subject of the study is such a characteristic of hedges and hedging markers as their argumentative potential within the framework of scientific discourse. The purpose of the study is to determine the features of the use of hedging

markers in scientific articles on economics, written in different languages, from the point of view of their argumentative component during the presentation of new scientific content by the author.

The material of the study is scientific articles on economics written in English, French and Turkish, from both rating and under-rating scientific periodicals. It allows to analyze the argumentative potential of hedges on the example of languages with different structures.

The phenomenon of hedging is actively studied in the works of various researchers, because it is associated with the careful promotion of ideas and assumptions, which is of great importance in academic writing, in which researchers are tasked with presenting unproven statements with a high degree of caution and accuracy. In this regard, according to researchers B.V. Svetaylov and A.I. Milostivaya, norms and restrictions of scientific discourse play a key role in understanding the essence of a scientific text, which, in turn, is reflected both in the correct presentation of new scientific content and of the results of scientific article [1, p. 135]. It is important to note the institutional nature of scientific discourse, which is a “normative speech interaction” of communication participants and involves taking into account their status roles and the correlation of these roles with certain goals, the achievement of which is important within a particular social institution [2, c. 365].

One of the key conditions for the success of scientific communication is the possession and adherence to certain norms by all its participants. Analyzing hedging from this perspective, it is important to note its correlation with pragmalinguistic problems, as well as to emphasize the importance of the addressee's intention when writing a scientific text. As A.I. Milostivaya notes, the pragmalinguistic problematics seems relevant in this research context, since its goals and objectives form an integral part of the “epistemological coordinate system of the antpropocentric version of linguistics”, which is important when considering issues of scientific thinking [3, p. 52–53].

The pragmatic potential of hedging funds is also associated with the informativeness of a scientific text, which can be considered in terms of the correspondence of the presented information to an addressee. Informativeness, according to N.A. Sigacheva and T.V. Marsheva, is the main function of scientific style [4, p. 147]. Based on the research of M.I. Solnyshkina, the informativeness of the text can be understood through its “comprehensibility for a reader, which allows to determine the degree of this correspondence” [5, p. 49]. According to N.N. Bobyreva, the communicants of a scientific text are professionals who have the competence to “perceive complex scientific knowledge” [6, c. 368], including terminological systems, which are a set of “terminological units corresponding to the present stage of the development of science” [7, c. 361].

The argumentative potential of hedging funds is also of great importance in scientific articles on economic topics in the course of the development of the author's own ideas. The modality of hedging markers allows the researcher to present the results of his research in a tactful manner, without imposing his own point of view and allowing the possibility of the existence of other opinions on the issue. Based on the research of A. Kristic, it can be noted that in this aspect the use of hedges is of particular importance in such parts of scientific work as “introduction” and “results and discussion” [8, p. 13], since they most suggest the presence of reflections in them, the making of assumptions and proving them. Let's consider this aspect in the following examples:

Two possible explanations exist for why income elasticities for religious giving are inelastic [9, p. 731]. In this example, in the introduction of the article the author develops the issue of income elasticity, citing several existing points of view in the course of his argument, which makes his reasoning more objective. To expand one's own thought, basing on already available explanations, the hedging adjective *possible* is used, emphasizing that these are only possible opinions on the issue that will be analyzed in the future.

In the introduction of an article, an author may pose questions about which further discussion will be conducted and hypothetical judgments will also be introduced. In addition, the fuzzy semantics of hedges also allows an author of an article to distance himself from the controversial issues, described by him, in order to avoid unsubstantiated statements [10, p. 6]:

Il semble donc raisonnable de supposer que ces conditions étaient favorables à la collusion [11, p. 7]. – *It therefore seems reasonable to assume that these conditions favored collusion.* This example illustrates how the use of the hedging construction *Il semble donc raisonnable de supposer* allows the researcher to introduce new information into reasoning based on previously presented data. At the same time, we can note the caution with which new information is introduced, which allows us to speak of a lesser degree of categoricity of this proposition, designed to protect the author from possible criticism against him.

Thus, our results suggest that government dissaving may be of second-order importance for trends in real rates and that other factors, such as demographics, may dominate [12, p. 134]. In this case we can observe that the author puts forward his own opinion and his assessment of the significance of factors affecting the dynamics of real rates, while using the hedging verb *suggest* and the modal verb *may*, which help to reduce the categoricity of the proposition. It allows us to talk about the researcher's removal of epistemic responsibility when introducing new information based on the results of his own research.

Now, assume the same taxpayer donated US\$100 to charity [9, p. 722]. This example illustrates how the hedging verb *assume* in the imperative mood contributes to the development of the author's thought in the process of argumentation in the “discussion” section. It allows to analyze the issue from a different point of view through the introduction of an example that has a hypothetical character, and thereby more illustratively formalize the opinion introduced by him.

Discussion of the results in a scientific article suggests the need to defend one's own point of view, while avoiding categorical judgments and inaccurate formulations

when expressing a subjective opinion. Let's see how the use of hedges contributes to this goal: *Les marchés A et B peuvent être considérés comme matures, tandis que les marchés “a” et “b” peuvent être interprétés comme des marchés périphériques, avec une profitabilité moindre* [11, p. 11]. – *Markets A and B can be considered mature, whereas markets “a” and “b” can be designated as marginal markets with lower profitability.* The author, while putting forward his own opinion, uses hedging constructions *peuvent être considérés*, due to which in the process of argumentation he manages to avoid categoricity when introducing information of a presumptive nature. On the other hand, it can be noted that the author at the same time confirms the truthfulness of this opinion, on which he plans to rely in the course of further argumentation.

Böylelikle doğrudan yabancı yatırım girişlerinin, ihracat üzerindeki etkisinin daha net bir şekilde ortaya çıkacağı düşünülmektedir [13, s. 84]. – *Thus, it is believed that the impact of the inflow of foreign direct investment on exports will manifest itself more clearly.* In this example, we can observe how the researcher in the course of reasoning first provides the necessary data, then draws a conclusion based on them. However, it can be noted that this happens with a certain degree of caution and it has the character of a reference to previously entered information, and also assumes a shade of generally accepted opinion, which is facilitated by the use of the hedging verb *düşüñüülmektedir*, as well as the adverb *daha*.

Hedges can also take the form of subjective evaluation formulas, allowing the author to express his subjective opinion on the problem under consideration, to form his own conclusion on it in the course of argumentation:

Bien évidemment, cette exploration interne de la position de Lyotard nous conduira à rencontrer ses limites et angles morts [14, p. 656]. – *Of course, this internal study of Lyotard's position will lead us to its limitations and blind spots.* The construction *bien évidemment* emphasizes the author's confidence that the study of Lyotard's position, to which he refers in the process of reasoning, should reveal the limitations and blind spots of this concept. Thus, the author additionally demon-

strates his own conviction that this study is a sufficient justification for identifying the shortcomings mentioned by him in the article.

Başarılı girişimciler, kaynakları kullanma konusunda rakiplerine göre daha fazla kendine güvenmeli ve aldikları kararların riskleri ile yaşayabilecek kadar güçlü ve iyimser olmalıdır [15, s. 55]. – *Successful entrepreneurs must be more confident in using resources than their competitors, and they need to be strong and optimistic enough to live with the risks of their decisions.* In this example, we can observe that the researcher directly expresses his own opinion about what behavior of entrepreneurs is necessary from his point of view, resorting to the use of hedging verbs *güvenmeli* and *olmalıdırlar*. These verbs acquire the meaning of subjective-evaluative formulas due to the affix of duty *-mAll*, reinforced in the second case by the affix *-dır*. At the same time, the presence of hedges *daha* and *kadar* in the proposal allows to conclude about the author's caution when expressing his judgment.

Hedging can also be implemented through the accentuating formulas, the purpose of which is to focus the addressee's attention on what they will be informed about later [16, p. 99]. Let's consider on the following examples how accentuating formulas are used in the course of the deployment of their own thoughts by the authors of scientific papers: *Bu açıdan değerlendirildiğinde, ihracat ve ekonomik büyümeyenin artmasında doğrudan yabancı yatırım girişlerinin olumlu etkileri olabileceği ve bu nedenle teşvik edilmesi gerektiği sonucu ortaya çıkmaktadır* [13, s. 84] – *When assessing from this point of view it is concluded that the inflow of foreign direct investment can have a positive impact on the increase in exports and economic growth, and therefore it should be encouraged.* By using the introductory construction *bu açıdan değerlendirildiğinde* the author focuses on a specific point of view, emphasizing that he considers the state of affairs presented by him to be true from this perspective. The author additionally formalizes the argumentation process with the hedges *olabileceği* and *gerektiği*, the first of which expresses the modality of the possibility, and the second prescribes a certain action as desirable.

Thus, the use of hedging in scientific articles on economics written in English, French and Turkish has a significant argumentative potential that allows to formalize the results of one's own research and introduce new information into the text taking into account the norms imposed on this type of articles. The role of hedges and hedging constructions in this perspective is especially important in such sections of scientific papers as “introduction” and “results and discussion”. As a tool of argumentation, hedges, including those in the form of subjective-evaluative and accentuating formulas, allow an author to put forward a judgment in a tactful manner, making his propositions less categorical, to accurately express his own opinion when analyzing and representing new scientific content, and to relieve himself of epistemic responsibility for it. It also contributes to the involvement of the addressee in the process of argumentation by a researcher of his own ideas and concepts.

Список литературы

1. Милостивая А.И., Светайлов Б.В. Лингвистические особенности англоязычной научной статьи по экономике. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2019;4:133–139. DOI: 10.29025/2079-6021-2019-4-133-139.
2. Сергеева Ю.С. Конститутивные признаки академического дискурса: цифровые трансформации. *Казанский лингвистический журнал*. 2020;4(3):361–372. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.4.361-372.
3. Милостивая А.И. Прагмалингвистическое осмысление коммуникативного действия в эпистемологическом контексте XX–XXI вв. *Вестник Ставропольского государственного университета*. 2009;1:52–58.
4. Сигачева Н.А., Маршева Т.В. Проблемы перевода англоязычных научных текстов в сфере геодезии. *Казанский лингвистический журнал*. 2019;4(4):143–153.
5. Солнышкина М.И., Мартынова Е.В., Андреева М.И. Пропозициональное моделирование для оценки информативности текста. *Ученые записки национального общества прикладной лингвистики*. 2020;3(31):47–57.
6. Бобырева Н.Н. Лексические маркеры научного спортивного дискурса (на материале издания “Science of gymnastics journal”). *Казанский лингвистический журнал*. 2021;3(4):366–379. DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.3.366-379>.
7. Сакаева Л.Р., Тахтарова С.С., Базарова Л.В., Яхин М.А. Логико-понятийная классификация терминологии сферы «медицина» в английском, русском и турецком языках. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(3):360–368. DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.360-368>.
8. Kristic A. *Hedging in Academic Writing: A Contrastive Analysis of Scientific Articles and Student Papers*. Zagreb: University of Zagreb; 2018. 32 p.
9. Brooks A.C. How Did the Great Recession Affect Charitable Giving? *Public Finance Review*. 2018;46(5):715–742. DOI: 10.1177/1091142117691604.
10. Eromiants I.S., Zhdanova E.V., Marinenko L.A. The Peculiarities of Hedging Language in Academic Writing. *Идеи. Поиски. Решения: сборник статей и тезисов XII Междуна-*

родной научно-практической конференции (Минск, 26 октября 2018 г.). Минск: издательство БГУ. 2018;2:5–8.

11. Avenel É., Caprice S. Collusion et Possibilité D’entrée en Aval dans une Industrie Verticalement Intégrée. *Revue économique.* 2018;1(69):5–28. DOI 10.3917/reco.pr2.0110. (На франц. яз.)

12. Lunsford K.G., Kenneth D.W. Some Evidence on Secular Drivers of US Safe Real Rates. *American Economic Journal: Macroeconomics.* 2019;11(4):113–139. DOI: <https://doi.org/10.1257/mac.20180005>.

13. İmamoğlu I.K. Doğrudan Yabancı Sermaye Yatırımları ve İhracat İlişkisi: Türkiye Ekonomisi için ARDL Sınır Testi Yaklaşımı. *Uluslararası Ekonomi, İşletme ve Politika Dergisi.* 2022;6(1):79–96. DOI: <https://doi.org/10.29216/ueip.1079243>. (На тур. яз.).

14. Sobel R. Critique du Capitalisme et Différend Salarial: Lyotard Lecteur Kantien de Marx. *OEconomia.* 2017;9–4:655–688. DOI: <https://doi.org/10.4000/oeconomia.6919>. (На франц. яз.).

15. Kuduz N., Atasever M. Finans İşletmelerinin Stratejik Yönetim Bağlamında Misyon ve Vizyon İfadesi Bileşenlerine Göre Girişimcilik Özellikleri. *İzmir İktisat Dergisi.* 2022;37(1):53–76. DOI: 10.24988/ije.793444. (На тур. яз.)

16. Фомина М.А. Маркеры адресанта в научном диалоге. *Лингвокультурное обра- зование в системе вузовской подготовки специалиста.* 2017;(10):96–103.

References

1. Milostivaya A.I., Svetaylov B.V. Linguistic features of an English-language Scientific Article on Economics. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki.* 2019;4:133–139. DOI: 10.29025/2079–6021-2019-4-133-139. (In Russ)
2. Sergeeva Yu.S. Constitutive features of academic discourse: digital transformation. *Kazan linguistic journal.* 2020;4(3):361–372. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.4.361-372. (In Russ)
3. Milostivaya A.I. Pragmalinguistic understanding of communicative act in epistemological context of the 20th–21st centuries. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta.* 2009;1:52–58. (In Russ.)
4. Sigacheva N.A., Marsheva T.V. Problems of translation of English scientific texts in the sphere of geodesy. *Kazan linguistic journal.* 2019;4(4):143–153.
5. Solnyshkina M.I., Martynova E.V., Andreeva M.I. Propositional modeling as a tool to assess text information complexity. *Uchenye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoi lingvistiki.* 2020;3(31):47–57. (In Russ.)
6. Bobyreva N.N. Lexical markers of the scientific sport discourse (based on “Science of gymnastics journal”). *Kazan linguistic journal.* 2021;3(4):366–379. DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.3.366-379>. (In Russ.)
7. Sakaeva L.R., Takhtarova S.S., Bazarova L.V., Yahin M.A. Logical and conceptual classification of English, Russian and Turkish medical terminology. *Kazan linguistic journal.* 2022;5(3):360–368. DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.360-368>. (In Russ.)
8. Kristic A. *Hedging in Academic Writing: A Contrastive Analysis of Scientific Articles and Student Papers.* Zagreb: University of Zagreb; 2018. 32 p.
9. Brooks A.C. How Did the Great Recession Affect Charitable Giving? *Public Finance Review.* 2018;46(5):715–742. DOI: 10.1177/1091142117691604.
10. Eromiants I.S., Zhdanova E.V., Marinenko L.A. The Peculiarities of Hedging Language in Academic Writing. *Idei. Poiski. Resheniya: sbornik statei i tezisov XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Minsk, October 26, 2018). Minsk: izdatel'stvo BGU. 2018;2:5–8.
11. Avenel É., Caprice S. Collusion and downstream entry in a vertically integrated industry. *Revue économique.* 2018;1(69):5–28. DOI 10.3917/reco.pr2.0110. (In French)

12. Lunsford K.G., Kenneth D.W. Some Evidence on Secular Drivers of US Safe Real Rates. *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2019;11(4):113–139. DOI: <https://doi.org/10.1257/mac.20180005>.
13. İmamoğlu I.K. Foreign direct capital investments and export relationship: ARDL bound testing approach for the Turkish economy. *International Journal of Economics, Business and Politics*. 2022;6(1):79–96. DOI: <https://doi.org/10.29216/ueip.1079243>. (In Turkish)
14. Sobel R. Critique of capitalism and wage dispute: Lyotard Kantian Reader of Marx. *OEconomia*. 2017;9–4:655–688. DOI: <https://doi.org/10.4000/oeconomia.6919>. (In French).
15. Kuduz N., Atasever M. Entrepreneurship characteristics of financial enterprises according to the mission and vision expression components in the context of strategic management. *İzmir Journal of Economics*. 2022;37(1):53–76. DOI: 10.24988/ije.793444. (In Turkish.)
16. Fomina M.A. The addresser's markers in academic dialogue. *Lingvokul'turnoe obrazovanie v sisteme vuzovskoi podgotovki spetsialista*. 2017;(10):96–103. (In Russ.)

Автор публикации

Светайлов Борис Владимирович –

Переводчик

АО «Концерн Энергомера»

Ставрополь, Россия

Email: borya.svetajlov@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0003-3126-1687>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 26.04.2023

Одобрена после рецензирования: 28.05.2023

Принята к публикации: 5.06.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Svetaylov Boris Vladimirovich –

Translator

JSC “Energomera” Concern”

Stavropol, Russian Federation

Email: borya.svetajlov@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0003-3126-1687>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 26.04.2023

Approved after peer reviewing: 28.05.2023

Accepted for publication: 5.06.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Научная статья

УДК 81-114.2

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.431-441>

ПРИНЯТИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Шувалов Д.Ю.¹, Немет Т. Эникё²

Университет Сегеда, Венгрия

¹dns_shv@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0001-5485-6371>

²nemethen@hung.u-szeged.hu, <https://orcid.org/0000-0001-8559-7229>

Аннотация. Широко известно, насколько важна способность принимать перспективу (ПП) (perspective-taking) в социальном взаимодействии. Процесс аргументации, являясь разновидностью социального взаимодействия, также требует от спорящих использования ПП. Цель настоящего исследования — продемонстрировать функции когнитивной способности человека принимать точку зрения других в аргументативном дискурсе. Исследование основано на интервью, проведенном Ричардом Докинзом с Венди Райт. Оба участника интервью представляют диаметрально противоположные взгляды на теорию эволюции и разумный замысел. При анализе интервью в рамках теории аргументации прагма-диалектический подход взят за основу для установления и различия логических заблуждений (fallacy), а также их интерпретаций. Кроме того, мысленная реконструкция апелляции к эмоциям (appeal to emotion) помогла определить функцию ПП при использовании ошибочной аргументации как частного случая. В результате было продемонстрировано, что способность ПП выполняет как минимум две функции в процессе аргументации: общую (концептуальную) функцию — базовые механизмы поддержания коммуникации; и дифференциальную (операционную) функцию — в предоставлении аргументов в целом и в использовании ошибочных аргументов в частности, как, например, в случае апелляции к эмоциям.

Ключевые слова: лингвистика; принятие перспективы; аргументация; прагматика; диалектика; логическая ошибка; апелляция к эмоциям

Для цитирования: Шувалов Д.Ю., Немет Т. Эникё. Принятие перспективы в аргументативном дискурсе. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(3): 431–441. (In Eng.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.431-441>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.431-441>

PERSPECTIVE-TAKING IN ARGUMENTATIVE DISCOURSE

Shuvalov D.Iu.¹, Enikő Németh T.²

Szeged University, Hungary

¹dns_shv@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0001-5485-6371>

²nemethen@hung.u-szeged.hu, <https://orcid.org/0000-0001-8559-7229>

Abstract. It is widely known how important perspective-taking (PT) ability is in social interaction. The argumentation process, being a kind of social interaction, also requires the use of PT from disputants. The goal of this study is to demonstrate the functions of the human cognitive ability to take the perspective of others in argumentative discourse. The study is based on an interview conducted by Richard Dawkins with Wendy Wright. Both interlocutors present diametrically op-

posed views on the theory of evolution and intelligent design. To analyse the interview in the framework of argumentation theory, Pragma-dialectics served as a method for establishing and distinguishing fallacies and their interpretation. Mental reconstruction of the appeal to emotion fallacy assisted to identify the function of PT in using the fallacious argument. As a result, it has been illustrated that the PT capability has at least two functions in the argumentation process: the General (Conceptual) function — basic mechanisms to maintain communication; and the Differential (Operational) function — in providing arguments in general and in utilising fallacious arguments, i.e., appeal to emotion fallacy.

Keywords: linguistics; perspective-taking; argumentation; pragma-dialectics; fallacy; appeal to emotion

For citation: Shuvalov D.Iu., Enikő Németh T. Perspective-taking in Argumentative Discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(3): 431–441. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.431-441>

Although PT ability is being scrutinised in various scientific realms, no attention is given to the functioning of PT in the argumentation process. In the present paper, my goal is to demonstrate the functions of PT playing role in the argumentation process on the examples of the argumentation peculiarities and especially the appeal to emotion fallacy.

The study is based on an interview conducted by Richard Dawkins with Wendy Wright, which is part of the television documentary “The Genius of Charles Darwin” [1]. The pragma-dialectical approach was taken as a method for analysing the interview, establishing and distinguishing fallacies and their interpretation. Mental reconstruction of a fallacious argument, namely the appeal to emotions fallacy, aimed to illustrate the role of perspectivity in providing arguments.

Before speculating about PT in the light of the argumentation theory, I must identify their commonalities. PT intersects with the argumentation process in at least two points:

- 1) PT serves as a basis for all human interactions and can be broadly defined as ability to comprehend and predict thoughts, emotions, beliefs, and mental states of others [2]. So, the argumentation process being a kind of social interaction must require the presence of the PT ability of the interactants. Or better to say, the PT ability must be a foundation of the argumentation process.

2) Another point that rather ensues from the first one than exists on its own comes down to the notion of success of the communication.

If the first intersection point seems to be obvious, the second one needs more clarification. Both the PT phenomenon and the argumentation theory include the notion of success of communication but from different angles. For example, if we assume that the argumentation process is a type of verbal communication and, consequently, the phenomenon of social interaction, then the success of that kind of social interaction can be determined by the degree of PT ability of the communicators. Verbal communication is successful if the communicative partners can take into account their partners' perspective and alter their egocentric perspective to a necessary extent i.e., communicative partners manage to form a shared perspective [3, p. 71]. In that case, PT faculty serves as a maintaining tool of the whole communication process and as we will observe later – a basis for utilising arguments.

To expose the notion of success in the argumentation process I must turn to an appropriate investigation apparatus – the theory of argumentation. Taking into consideration that interview being analysed has a difference of opinions and two confronting parties, I will regard this discourse as an argumentative one. Therefore, this study is conducted in the framework of the argumentation theory which studies how humans infer conclusions based on inputs (or in other words, premises) through logical reasoning and aimed at convincing a reasonable listener or a reader of the acceptability of the provided standpoint [4, p. 2].

Eemeren and Grootendorst proposed a modern approach in investigation of argumentation – the pragma-dialectics. This approach considers argumentation as a complex speech act [5]. Pragma-dialectics focuses on the argumentation process taking into account the complexity and dynamics of the human communication phenomenon: verbal, contextual, situational, and other pragmatic factors [6, p. 13]. The approach is based on the so-called Rules of a Critical Discussion on the ground of which the quality evaluation process of the argumentative discourse can be

performed [7, p. 208]. From Eemeren's position [7, p. 104], any violations of the Rules of a Critical Discussion are attempts to nip a discussion must be regarded as fallacies.

Fallacies hinder argumentation, but the extension of pragma-dialectics in rhetoric permits some for successful argumentative moves. During the argumentative conversation discussants balance between reasonableness and effectiveness by strategic manoeuvring [8, p. 40]. Reasonableness is firmed by the aforementioned dialectical standards, and effectiveness stands for the achievement of the particular rhetorical goals and does not necessarily include persuasiveness [8, p. 40; 9, p. 383]. It means that some argumentative moves, including fallacies, can assist to achieve rhetorical goals at any stage of the argumentative discussion and thus, can be successful.

Keeping in mind that all forms of social language use require the efforts of interactants to take the perspectives of each other, Dawkins should take into account Wright's perspective and the perspective of the audience while providing his arguments. Wright, in her turn, should take into consideration Dawkins' perspective and the perspective of the audience while providing her arguments. With attention to the aforesaid, let us turn to examples (1) and (2).

At the very beginning of the interview Dawkins asked Wright:

(1) R. Dawkins (3:07):

Where did you study science?

(2) W. Wright's response (3:09 – 3:14):

Well see that's the point.

Scientists are now claiming that they're
the only ones that can speak on this issue.

To the question in (1), Dawkins and the audience rather expected to be informed about the place or institution where Wright was graduated from but she instead indirectly avoided responding. Doing so in (2), Wright might have made it clear that she does not have any degree in any science or she would not like to

provide an adequate answer for some reasons. However, it is worth noticing that there is a possibility that Dawkins knew that Wright did not have any degree in science and therefore he could have had other intentions, for instance, to humiliate Wright's credibility. Thus, Dawkins, willing to convince her, should explain things taking her perspective. In the following examples (3) and (4) we can observe a special linguistic marker (enumeration) that illustrates the attempts to adopt the opponent's perspective.

(3) Dawkins (11:06 – 11:26):

about intermediates in human fossils and
we've got various species of
Australopithecus for example and these
are some Australopithecus are
intermediate between others and
ourselves then you've got Homo habilis
Homo erectus these are intermediate
between Australopithecus which was an
older species and Homo sapiens which is
a younger species I mean why don't you
see those as intermediates?

In (3), Dawkins gives an answer to Wright's question about the lack of evidence in favour of the biological Theory of Evolution. The detailed enumeration and explanation of the intermediaries with their names and arrangement in the evolutionary tree might be a piece of evidence of Dawkins' endeavour to adopt Wright's perspective. If Dawkins had spoken with, say, a scientist in biology he would have rather used special terms without explanation because they would have been clear for both sides.

Another interesting example appeared later in the interview:

(4) (23:30 – 24:07):

Dawkins: I don't want to be respected for my

beliefs I want you to respect the facts

I want you to look at the facts don't respect me

I don't want respect I want you to go to museums and look at the facts and
don't believe what you've been told that there is no evidence just

Dawkins: go and look at the evidence

Wright: yes and I would say...

Dawkins: it's not funny I mean really go-go I've told you about how many fos-
sils you can learn the evolution of the horse you can go and look at the evolu-
tion of the early mammals you can go and look at the evolution of fish you can
go look at the transition from fish to land living amphibians 'n reptiles any of
those things you'll find in any good museum just open your eyes and look at
the fact

In the current extract, Dawkins is criticized by Wright on the supposition that evolutionists do not tend to respect the beliefs of the creationists whilst the latter respects the beliefs of the evolutionists. Then Dawkins claims that the bottom line is not to respect beliefs but to respect the facts which are in the museums. For Dawkins, fossils are among the proves pro Evolution Theory and here we can also observe the detailing mentioned above. He started to enumerate the types of fossils to convince Wright that the fossils exist. The naming here is supposed to have stronger power of convincing. At the same time, Dawkins tends to induce the audience which has a presumption of unawareness about the evidence in favour of the Theory of Evolution. By saying presumption of unawareness, I mean that it is difficult for Dawkins to be certain that the whole audience is familiar with the scientific pieces of evidence pro Evolution Theory. In other words, the audience is presumably or by default unaware of the particular fossils. Hence, it is plausible to presuppose that Dawkins took the perspective of the audience and Wright and altered his way of argumentation by applying elaboration.

Let us turn attention to the next excerpt of Wendy Wright:

(5) Wright (0:44 – 0:59):

if we believe that human beings were created out of love
that is by loving creator and has given
each one of us not only a material body
but a spirit and a soul we then are more
likely to treat other people with
respect and dignity

The argument that Wright employs in example (5), itself belongs to the appeal to emotion fallacy, since it is directed to evoke negative feelings of the audience towards Dawkins and the theory he defends. Incidentally, appeals to emotion sometimes have strong convincing power because mind-emotion regulation is quite challenging due to its instinctive nature [10, p. 122]. This argumentative tool is even used in courts [11], where impartiality should seem to be inseverable from the argumentation.

The implicature of the Wright's argument is that if we were not created by God out of love then we would treat each other with cruelty and humiliation. To put it differently – if people were not created by God there is no possibility to treat each other with respect and dignity because we would solely consist of a material body that included neither a soul nor a spirit which allows us to treat each other with respect and dignity. Presumably, Dawkins as a human being would rather want to be treated with respect and dignity and thus, is expected to change his attitude towards the Theory of Evolution because it excludes the concept of God who is responsible for putting the soul into the body. At the same time, this appeal to emotion applied by Wright is directed to the audience as well. Everybody is expected to have a wish to be treated with respect and dignity. Thus, some negative emotions might be evoked in such a situation where people have a feeling of not being respected. Generally, the purpose of exploiting the audience's emotions is to play on the prejudices of the audience and damage the opponent's credibility and thus eliminating him as a serious opponent in the eyes of the audience [7, p. 134]. Dawkins, being an opponent, took a hostile position regarding Intelligent Design which is supported by Wright. So, a possible rhetorical task of Wright is to expose Dawkins as a person who supports

treating people without respect and dignity. Additionally, since the argumentum ad populum fallacy (Appeal to Emotions) serves to make people consider themselves involved in the discussion the audience might start to feel negative emotions towards Dawkins and towards the theory he endorses.

The whole rhetorical strategy to play with human emotions is a business of exploiting affective PT, which allows us to infer, recognise and predict someone's emotions and feelings. Affective PT serves to predict the emotional reaction of the audience and Wright's opponent to the argument. Wright can to some extent adopt the perspective of others but she cannot wholly replace her own initially egocentric perspective. The egocentric perspective allows people to distinguish their own "I" within others and thus compare their own personalities with other people. It means that Wright evaluates the possible success of the argument as though the argument was provided to her personally. The possible mental representation of the fallacy at the stage can be reconstructed as follows:

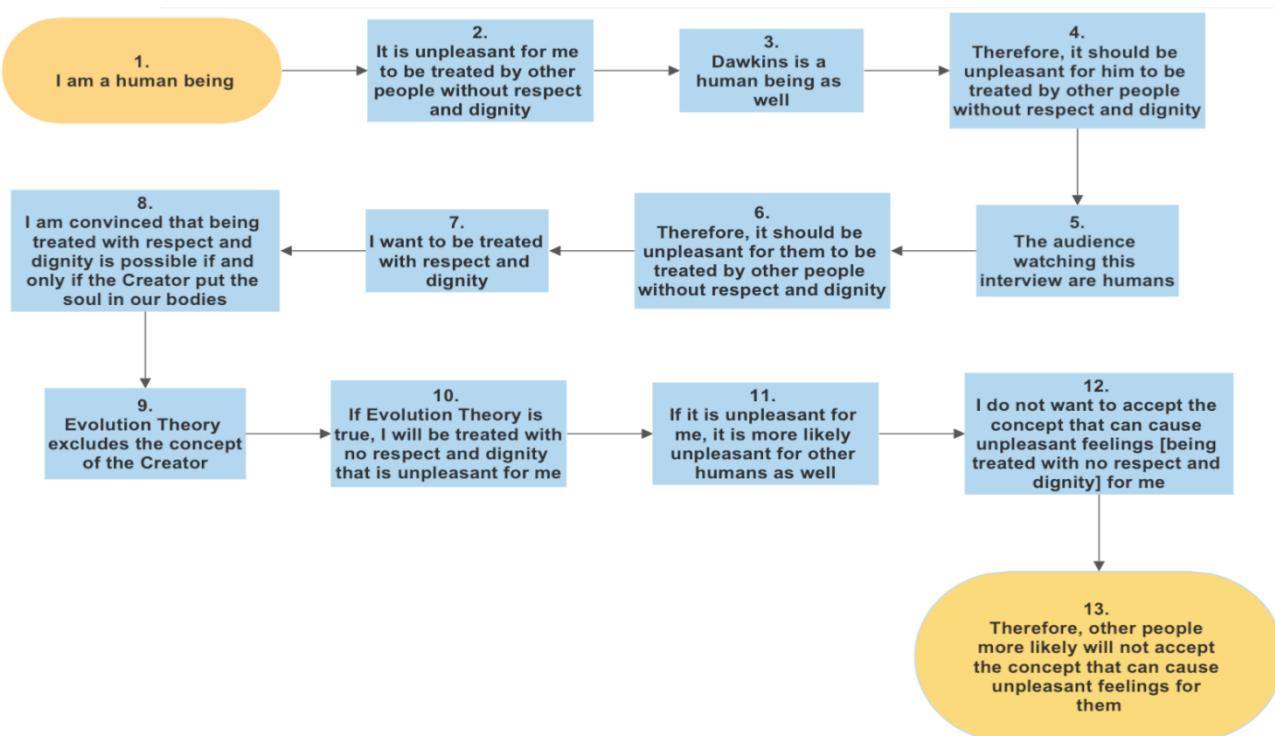

Figure 1 Possible mental reconstruction of the Appeal to Emotion Fallacy

Thus, the application of the appeal to emotion fallacy at the stage is possible owing to the two abilities of the human being: 1) the speaker can adopt affective perspectives of the hearers and subsequently predict the emotional reaction of the hearers; 2) the speaker cannot replace their own initially egocentric perspective and thus is able to compare themselves with others and eventually evaluate possible risks and success.

To sum up, the present study aimed to illustrate the functions of the PT in the argumentation process as a form of language use. The 2 functions of PT can be deduced relying on the premises that argumentative discourse being a type of communication inherits all aforementioned advantages of PT for communication as a whole (understanding, minimising aggression, establishing common ground etc.), that is the General, or Conceptual function. And besides, an argumentative discourse has its intrinsic features like a conflict of standpoints and argumentation moves, and therefore highlights the Differential, or Operational function., which has its implications for: 1) providing arguments in general: a participant can change the way of providing verbal information (Dawkins resorted to detailing) to achieve a particular goal, e.g., persuasiveness; and 2) utilising appeal to emotion fallacy: successful playing on the emotions of others without taking into account their perspective is hardly possible since the mental representation of that fallacy requires the ability to take one's perspective and comparison between egocentric perspective and perspective of others.

Список литературы

1. Richard Dawkins Interviews Creationist Wendy Wright, 23.03.2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-AS6rQtEh8> [Дата обращения: 17.06.2020]
2. Hollarek M., Lee NC. Current Understanding of Developmental Changes in Adolescent Perspective Taking. *Curr Opin Psychol.* 2022;45:101–308. doi: 10.1016/j.copsyc.2022.101308. PMID: 35287012.
3. Németh T.E. The Role of Perspectives in Various Forms of Language Use. *Semiotica.* 2015;2015(203):53–78. Available from: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/sem-2014-0072/html>
4. Van Eemeren FH. *Strategic Maneuvering in Argumentative Discourse: Extending the pragma-dialectical theory of argumentation.* Amsterdam: John Benjamins Publishing Company; 2010. (Argumentation in Context; vol. 2). Available from: <http://www.jbe-platform.com/content/books/9789027288271>

5. Van Eemeren FH, Grootendorst R. *Speech Acts in Argumentative Discussions* [Internet]. DE GRUYTER MOUTON; 1984. Available from: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110846089/html>
6. Van Eemeren FH, Grootendorst R., Snoeck Henkemans AF. *Argumentation: analysis, evaluation, presentation.* Mahwah, N.J.: Lawrence Earlbaum Associates; 2002. <https://doi.org/10.4324/9781410602442>
7. Van Eemeren FH. *Argumentation, Communication, and Fallacies: A Pragma-dialectical Perspective* [Internet]. 1st ed. Routledge; 2016 [cited 2023 Jun 13]. Available from: <https://www.taylorfrancis.com/books/9781315538662>
8. Van Eemeren FH, Grootendorst R. *A Systematic Theory of Argumentation: The pragma-dialectical approach.* 1st ed. Cambridge University Press; 2003 [cited 2023 March 2]. Available from: <https://www.cambridge.org/core/product/identifier/9780511616389/type/book>
9. Van Eemeren FH, Houtlosser P. Strategic Maneuvering: A Synthetic Recapitulation. *Argumentation.* 2006;20(4):381–92. doi: 10.1007/s10503-007-9037-z
10. Шаховский В.И. Взаимодействие коммуникативных сред в естественной коммуникации. *Казанский лингвистический журнал.* 2020;1(3):113–134. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.113-134.
11. Палутина О.Г., Сабитова В.Е. Репрезентация источников информации в судебном дискурсе. *Казанский лингвистический журнал.* 2019;3(2):85–93.

References

1. Richard Dawkins Interviews Creationist Wendy Wright, 23.03.2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-AS6rQtEh8> [Дата обращения: 17.06.2020]
2. Hollarek M., Lee NC. Current Understanding of Developmental Changes in Adolescent Perspective Taking. *Curr Opin Psychol.* 2022;45:101–308. doi: 10.1016/j.copsyc.2022.101308. PMID: 35287012.
3. Németh T.E. The Role of Perspectives in Various Forms of Language Use. *Semiotica.* 2015;2015(203):53–78. Available from: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/sem-2014-0072/html>
4. Van Eemeren FH. *Strategic Maneuvering in Argumentative Discourse: Extending the pragma-dialectical theory of argumentation.* Amsterdam: John Benjamins Publishing Company; 2010. (*Argumentation in Context*; vol. 2). Available from: <http://www.jbe-platform.com/content/books/9789027288271>
5. Van Eemeren FH, Grootendorst R. *Speech Acts in Argumentative Discussions* [Internet]. DE GRUYTER MOUTON; 1984. Available from: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110846089/html>
6. Van Eemeren FH, Grootendorst R., Snoeck Henkemans AF. *Argumentation: analysis, evaluation, presentation.* Mahwah, N.J.: Lawrence Earlbaum Associates; 2002. <https://doi.org/10.4324/9781410602442>
7. Van Eemeren FH. *Argumentation, Communication, and Fallacies: A Pragma-dialectical Perspective* [Internet]. 1st ed. Routledge; 2016 [cited 2023 Jun 13]. Available from: <https://www.taylorfrancis.com/books/9781315538662>
8. Van Eemeren FH, Grootendorst R. *A Systematic Theory of Argumentation: The pragma-dialectical approach.* 1st ed. Cambridge University Press; 2003 [cited 2023 March 2]. Available from: <https://www.cambridge.org/core/product/identifier/9780511616389/type/book>
9. Van Eemeren FH, Houtlosser P. Strategic Maneuvering: A Synthetic Recapitulation. *Argumentation.* 2006;20(4):381–92. doi: 10.1007/s10503-007-9037-z

10. Shakhovsky V.I. The interaction of the communicative environments in natural communication. *Kazan linguistic journal.* 2020;1(3):113–134. (In Russ.) doi: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.113-134.

11. Palutina O.G., Sabitova V.E. Information representation in the court discourse. *Kazan Linguistics Journal.* 2019;3(2):85–93. (In Russ.)

Автор публикации

Шувалов Денис Юрьевич –
Аспирант (PhD candidate)
Докторская школа лингвистики
Университет Сегеда
Сегед, Венгрия
Email: dns_shv@icloud.com
<https://orcid.org/0000-0001-5485-6371>

Немет Т. Эникё –
Профессор, PhD
Кафедра общей лингвистики
Руководитель докторской школы лингвистики
Университет Сегеда
Член-корреспондент Венгерской Академии Наук
Член Европейской академии
Email: nemethen@hung.u-szeged.hu
<https://orcid.org/0000-0001-8559-7229>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.04.2023
Одобрена после рецензирования: 20.05.2023
Принята к публикации: 25.05.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании
«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Shuvalov Denis Iurievich –
PhD candidate
Doctoral School in Linguistics
University of Szeged
Szeged, Hungary
Email: dns_shv@icloud.com
<https://orcid.org/0000-0001-5485-6371>

Enikő Németh T. –
Professor, PhD
Dept. of General Linguistics
Head of the Doctoral School in Linguistics
University of Szeged
Correspondent member of Hungarian Academy of Sciences
Member of Academia Europae
E-mail: nemethen@hung.u-szeged.hu
<https://orcid.org/0000-0001-8559-7229>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 15.04.2023
Approved after peer reviewing: 20.05.2023
Accepted for publication: 25.05.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Казанский лингвистический журнал
Международный научный рецензируемый журнал
Главный редактор – С.С. Тахтарова
Выпускающий редактор – А.Р. Лисенко
Шеф-редактор – Д.Р. Сабирова
Ответственный редактор – А.А. Абдрахманова
Научные редакторы:
Ф.Л. Ратнер (педагогика)
Л.Е. Бушканец (литературоведение)
Л.Р. Сакаева (лингвистика)

Kazan Linguistic Journal
International peer-reviewed journal
Chief editor – S.S. Takhtarova
Executive editor – A.R. Lisenko
Press and editorial manager – D.R. Sabirova
Responsible editor – A.A. Abdrakhmanova
Scientific editors:
F.L. Ratner (pedagogics)
L.E. Bushkanets (literary studies)
L.R. Sakaeva (linguistics)

Дата выхода в свет: 20.09.2023. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз.
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета
Адрес: ул. Профессора Нужина, 1/37, г. Казань, Республика Татарстан, Россия, 420008
Телефон: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28
Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции
Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций
Распространяется бесплатно

Date of publication: 20.09.2023. Offset paper. Printing is digital. Format 70x108 1/16. Edition of 500 copies
Printed from the finished layout in the printing house of Kazan University publishing House
Address: 1/37, Professor Nuzhina str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008
Phone: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28
Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the editorial Board
The editors are not responsible for the content of publications
Available free of charge

